

л. 05

524

СС.ВУ.4928

К
е
д
а
н

1966 • МИНСК • 1966

МАКСИМ БОГДАНОВИЧ

Рис. И. Романовского.

66.04.4928

НЕМАН

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

30к-1

1467

СОДЕРЖАНИЕ

НАШИ ИНТЕРВЬЮ. Пора больших пере- мен	3
ГЕРОИ — НАШИ ЗЕМЛЯКИ	14
Юрась СВИРКА. И стоит жить. Стихи. Пе- ревел с белорусского Г. Куренев	8
Николай КРУГОВЫХ. Славянский марш. Рассказ	11
ГОЛОСА МОЛОДЫХ. Александр МЕЛЬ- НИКОВ — Страшнее всего.. Сосна. Леонид РАШКОВСКИЙ — К солнцу. Август красками радует! Владимир РУДИНСКИЙ — Это верно.. Лев МО- РОЗОВ — Если в сердце.. Юрий СА- КОВИЧ — Жаворонок. Зима. Лилии. Стихи	19
Наум ГУБЛЕР. Весенний рейс. Рассказ	23
Анатолий ЧЕПУРОВ. Четыре стихотворения Владимир КОРОТКЕВИЧ. Христос призем- лился в Городне. Роман. Авторизован- ный перевод с белорусского Н. Кисли- ка. (Окончание)	27
ЗАПИСКИ, ВОСПОМИНАНИЯ, ДОКУМЕНТЫ	
Гуго БАРС. Мы стали коммунистами. Пере- вел с немецкого А. Зарицкий	103
В МИРЕ НАУКИ	
Феликс ЗИГЕЛЬ. В поисках внеземных ци- вильзаций	135
Вячеслав ЗАЙЦЕВ. Голоса далеких тысяче- летий	138
ИСКУССТВО	
Э. ГЕРАСИМОВИЧ. Всегда в поисках	149
К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ МАКСИМА БОГДАНОВИЧА	
Григорий ЖЕЛЕЗНЯК. Он совершил все, что мог	160
КРИТИКА	
Вас. БУРАН. Воюющий гуманизм	170
НАЙДЕНО В АРХИВАХ	
Захар ДИЧАРОВ. Николай Руссель в Сан- Франциско	183
СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «НЕМАН» ЗА 1966 ГОД	187

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ БССР

Ба 3623

12

1966

декабрь

15-й год издания

Комитет по печати
при Совете Министров Белорусской ССР
Издательство «Полымя»
Минск

Художественно-технический редактор Л. И. Шакинко.
Корректоры В. Л. Кушнарёва, Т. А. Никифорович.

Адрес редакции: Минск, Захарова, 19. Телефоны: 3-25-24, 3-24-52.

АТ 14152. Сдано в набор 18.X.1966 г. Подп. к печати 25.XI.1966 г. Бумага 70×108¹/₁₆.
Печ. л. 12. Усл.-печ. л. 16,8. Уч.-изд. л. 18,3. Тираж 6768 экз. Заказ 595. Цена 50 коп.

Типография издательства «Звезда». Минск, Ленинский проспект, 79.

ПОРА БОЛЬШИХ ПЕРЕМЕН

Прошло больше года с того времени, как сентябрьский Пленум ЦК КПСС вынес решение об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования производства.

С тех пор наша промышленность живет под знаком больших перемен. Экономическая реформа стала делом миллионов. Все новые и новые группы предприятий, целые отрасли промышленности переходят на новые методы хозяйствования.

Два месяца назад мы рассказали о первых шагах экономической реформы в одном из хозяйств-«разведчиков» — на автобазе № 11 Министерства автомобильного транспорта БССР. Сейчас уже можно подвести некоторые итоги работы по-новому в масштабе республики.

О чем говорит опыт первых месяцев хозяйственной реформы? Какие перспективы открывает она перед нашей промышленностью? С какими трудностями сталкивается? Какие новые проблемы встают в ходе практического осуществления реформы?

На эти вопросы нашего корреспондента отвечает заместитель директора Института экономики Академии наук БССР Олег Николаевич Пашкевич.

— Хозяйственная реформа вызвала пристальное внимание советских ученых-экономистов, — говорит О. Н. Пашкевич. — И понятно почему. Не секрет, что раньше практические вопросы планирования и управления производством, поиски новых путей в этом направлении считались чуть ли не монополией практиков-хозяйственников, и наши экономисты стояли несколько в стороне от этого дела. На долю экономической науки оставалось, так сказать, задним числом осмысливать лишь то, что дала практика.

Теперь дело обстоит по-другому. Совершенствование управления, планирования и экономического стимулирования производства, расширение инициативы и хозяйственной самостоятельности предприятий, повышение материальной заинтересованности работников в результатах их труда —

все это является практическим осуществлением подлинно **научного** подхода к руководству производством.

Должен сразу же подчеркнуть, что самую возможность для научного подхода дает только и единственно общественная собственность на средства производства. Наше хозяйство развивается на основе объективных экономических законов социализма. Незнание и игнорирование этих законов, «волевые» решения в обход их мстят за себя. Суть новой реформы именно в том и состоит, чтобы привести конкретные мероприятия по руководству народным хозяйством в соответствие с объективными экономическими законами социализма. Партия привлекла к разработке хозяйственной реформы широкий круг ученых-экономистов. Они внесли немалый вклад в это важное дело. Естественно, что практическое осуществление реформы находится сейчас в центре их внимания. Если говорят, что наука все более становится непосредственной производительной силой, то это не в последнюю очередь касается и экономической науки.

— Как широк фронт хозяйственной реформы у нас, в Белоруссии? Много ли предприятий работают по-новому?

— Переход на новые методы хозяйствования—дело не одного дня. Реформа—это реформа. Поспешность здесь не допустима, она может привести только к ее дискредитации.

Как известно, с 1 января 1966 года на новые методы планирования и материального стимулирования перешли сорок три предприятия Советского Союза. В их число вошел Гомельский стеклозавод имени Ломоносова. С 1 апреля к нему присоединилось еще восемь белорусских предприятий, в том числе такие крупные, как Минский шарикоподшипниковый и Минский мотовелосипедный заводы, Гомельский завод тракторных лусковых двигателей, Кричевский цементно-шиферный комбинат. С 1 июля — все предприятия мукомольно-крупяной и комбикормовой промышленности, Белорусский автозавод, Минский завод автоматических линий, Минский часовой завод, станкостроительный завод имени Октябрьской революции, «Мозырькабель» и другие.

Всего в Белоруссии в заканчивающемся году по новым методам планирования и экономического стимулирования работало тридцать семь предприятий, на которых занято 57 тысяч человек. Это уже много, это уже больше, чем просто эксперимент.

— И это дает пищу для размышлений и обобщений?

— Разумеется. Переход потребовал от предприятий всесторонней подготовки.

Во-первых, надо было широко ознакомить свои коллективы с новыми условиями работы.

Во-вторых, тщательно проанализировать технико-экономические показатели предприятия в целом и всех его цехов и служб в отдельности, чтобы, грубо говоря, точно знать, «что почем»: из чего складывается себестоимость продукции и как велики трудовые затраты на том или другом участке или этапе производства, что выгодно и что невыгодно, где скрыты резервы для экономии сырья и материалов, удешевления продукции и повышения ее качества.

В-третьих, нужно внедрить внутризаводской хозрасчет, без чего вообще немислима работа по новой системе.

И, наконец,—последнее по счету, но не по важности—уточнить премиальные положения, чтобы материально заинтересовать каждую категорию работников в результатах их труда и деятельности всего предприятия в целом.

Преимущества новой системы сказались уже на подготовительном этапе. Не секрет, что старая система толкала предприятия на то, чтобы получить план поменьше. Люди рассуждали, примерно, так: «Меньше план—больше процент выполнения; больше процент выполнения—больше премиальные фонды, а значит, и зарплаты».

Новая система сделала «прохладный», не напряженный план **невыгодным**.

Меньше план реализации—меньше прибыль; меньше прибыли—меньше средств остается в распоряжении предприятия.

И вот результат: 37 предприятий, о которых идет речь, обратились с предложениями в свои ведомства об увеличении утвержденных им ранее плановых заданий по объему реализации продукции на 17 миллионов рублей, а прибыли—более чем на 4 500 000 рублей.

Посмотрим, что получится, если отнести эти цифры к одному работающему. План реализации увеличен на 300 рублей, план получения прибыли—на 80 рублей в расчете на одного работника. Если первая цифра мало показательна, так как в стоимость реализуемой продукции входит стоимость сырья, материалов, комплектующих деталей, то вторая очень характерна. Она показывает, что переход на новую систему планирования, то есть мероприятие **организационное**, дает возможность получить вполне ощутимый материальный эффект—80 рублей дополнительной прибыли в расчете на одного человека. Это, образно говоря, «прибыль из ничего». Ведь продолжительность рабочего дня остается прежней, а производительность труда возрастает. Возрастает, разумеется, за счет лучшей организации дела, а не за счет мускулов и нервов рабочего, ибо мы общество советское, социалистическое, и отвергаем этот путь, так сказать, с порога.

— Итак, предприятия-«разведчики» сами себе увеличили план реализации продукции и план получения прибыли. Какие выгоды сулит им все это?

— За счет прибыли, как известно, создаются три фонда экономического стимулирования—материального поощрения работников, социально-культурных мероприятий и жилищного строительства и фонд развития и совершенствования производства. Так вот, на образование этих трех фондов из 4,5 миллиона рублей сверхплановой прибыли, в распоряжении предприятий было намечено оставить 3,9 миллиона рублей.

По сравнению с первоначальным планом фонд материального поощрения по всем тридцати семи предприятиям должен был увеличиться в 2,7 раза, фонд социально-культурных мероприятий и жилищного строительства—в 1,6 раза, а фонд развития производства еще больше—в 4,2 раза (включая дополнительные 2,3 миллиона рублей амортизационных отчислений).

Такое весьма существенное увеличение фондов экономического стимулирования открывало перед предприятиями широкие перспективы. Появилась возможность значительно поднять долю премий в заработной плате, направлять больше средств на строительство жилья, улучшение культуры и быта и—вместе с тем—развивать и совершенствовать производство.

— А государство?

— Государство тоже получало большую экономическую выгоду. Это дополнительная продукция от тех же самых производственных мощностей; 600 тысяч рублей дополнительных отчислений от сверхплановой прибыли и 1,4 миллиона рублей налога с оборота. Таким образом, реформа гармонически сочетала интересы общества в целом, коллектива предприятия и работника.

— Как выполняются эти повышенные планы?

— В этом вся соль. Все предприятия, работающие по-новому, перевыполнили повышенный план. Это говорит о полной жизненности экономической реформы.

Первая группа из девяти предприятий повышенное задание по реализации продукции выполнила за два квартала этого года на 107,2 процента, а по прибылям—на 108,7 процента. Сверх плана реализовано на 4,4 миллиона рублей продукции, получено 1,1 миллиона рублей прибыли. Новая система планирования, как известно, не ограничивает численность штатов: в пределах фонда заработной платы бери людей сколько хочешь. Но предприятия не пошли по этому «легкому» пути. Перевыполнение повышенного плана достигнуто почти при том же количестве работающих. Их стало больше только на 0,36 процента, то

есть на каждые десять тысяч работников добавилось только 36 человек. Объем валовой продукции возрос на 4,4 процента, производительность труда — на 4 процента, и что существенно важно — все девять предприятий обеспечили сверхплановое снижение себестоимости.

Отдельные предприятия достигли еще лучших результатов. В качестве примера можно привести Гомельский стеклозавод имени Ломоносова. За первое полугодие он реализовал продукции на 10,2 процента больше, чем было предусмотрено повышенным планом, и на 22 процента больше, чем за первое полугодие 1965 года. За счет чего достигнуто это солидное приращение? Не только за счет увеличения выпуска валовой продукции — оно составило 14,9 процента, но и за счет ускорения отгрузки ее потребителям. Это очень важно: реформа побуждает людей энергичнее продвигать свою продукцию к потребителю, материальные ценности стали оборачиваться быстрее. При всем этом численность рабочих на заводе не увеличилась. За первые шесть месяцев работы завод получил 234 тысячи рублей только сверхплановой прибыли, а общая сумма прибыли возросла по сравнению с соответствующим периодом прошлого года на 37,1 процента. План отчислений в государственный бюджет перевыполнен на 173 тысячи рублей, возросла отдача с каждого рубля производственных фондов. Среднемесячная зарплата всех работников завода вместе с премиями возросла на 5,6 процента. Кстати сказать, сумма, отчисленная в фонд материального поощрения, увеличилась по сравнению с прошлым годом в два с лишним раза, а этот фонд — один из важных рычагов новой хозяйственной реформы.

Вполне обнадеживающие результаты показала и вторая группа предприятий. Общий вывод такой: экономическая реформа вполне оправдала себя, и не просто оправдала, а вскрыла такие резервы, о которых предприятия часто и не подозревали.

Но это не значит, конечно, что осуществление реформы идет, так сказать, «без сучка, без задоринки». Реформа — это только оружие, а, согласно пословице, стреляет не ружье, а человек. В ходе внедрения новой реформы возникло немало проблем и трудностей.

— В чем же они заключаются?

— Проблема номер один — материально-техническое снабжение. Недостатков здесь еще много, а новая система планирования и экономического стимулирования не терпит никаких перебоев в этом деле. Нужна четкость, четкость и еще раз четкость, ибо за грехи поставщиков часто приходится расплачиваться заказчикам, нарушается вся система материального стимулирования, не говоря уже о том ущербе, который несет производство.

Второе — качество планирования. Еще живуч старый подход к планированию, когда сегодня заводу дают одно задание, завтра — второе, а послезавтра — третье. Новая система опять-таки не терпит подобных «волевых» решений. А между тем, Министерство мясной и молочной промышленности, например, не раз меняло план Минскому мясокомбинату. Легко себе представить, что остается после этого от новой системы хозяйствования, на которую перешел комбинат.

Третье. Надо быстрее разработать и внедрить в практику совершенно ясные положения о премировании рабочих за экономию материалов и достижение других положительных результатов. Практика показывает, что кое-где они получают из фонда материального поощрения гораздо меньшие по отношению к заработной плате премии и надбавки, чем инженерно-технические работники и служащие, что, конечно, совершенно неправильно.

И, наконец, надо провести тщательную проверку эффективности различных методов определений процента прибыли, отчисляемой в фонды экономического стимулирования. Дело в том, что проверяемый сейчас принцип — определение процента отчислений, исходя из абсолютного уровня рентабельности, — вызывает серьезные возражения, так как ставит одинаково работающие предприятия

в неравные условия. Нужно проверить на практике и другие решения этого важного вопроса.

И еще одна проблема. В связи с реформой усложняются всякого рода экономические расчеты, растет их объем. Знаменитая ленинская фраза «Социализм—это учет» звучит ныне с особой злободневностью. Где выход? Выход— в максимальной механизации учетно-вычислительных работ.

— Буржуазные экономисты продолжают утверждать, что наша экономическая реформа является применением методов частного предпринимательства в советских условиях. Что можно сказать по этому поводу?

— То, что уже сказано много раз. Буржуазные экономисты не были бы буржуазными экономистами, если бы не говорили этого. Как всегда, они выдают желаемое за действительность. Смысл нашей экономической реформы совершенно ясен: это последовательное проведение в жизнь ленинского принципа материальной заинтересованности работников в результатах их труда, дальнейшее совершенствование именно централизованного планирования и регулирования общественного производства.

И СТОИТ ЖИТЬ

Согнулся Месяц
клепкою кленовою,
сквозь вату туч
пропарывая тьму.
Висит он, побелевший,
над дубровою,
наверно, очень холодно ему.
Бедняга Месяц!
Рифмой пятаковою
тебя тащили с неба по ночам.
То саблюю,
то бубном,
то подковою
казался ты бессчетным рифмачам.
Я сам не прочь бы
породниться с Месяцем.
С Земли родимой
начиная старт,
и я хочу
по стихотворной лестнице
к тебе хоть на вершок
поближе стать.

А тучи Месяц
вяжут ватой скомканной,
от холода стараясь уберечь.
И кажется мне Месяц
тонкой скобкою,
что уточняет косвенную речь.
За этой скобкой
столько тайн уместится,
что их
за целый век

не сосчитать.

И стоит жить,
чтоб небо все —
от Месяца
до звездочек мельчайших —
прочитать.

Пригород

С пригородом город препирается,
нелегко их споры разрешить.
Пригород замками запирается,
пригород замками дорожит.

Город ночью спит и улыбается,
утомлен работою,
размяк.

Пригород спросонок огрызается
брехом перепуганных собак.

А когда громами небо вспорото,
и дожди полощут черный дол,
пряслами цепляется за город он,
аж трещит трухлявый частокол.

Послушай, Родина, своих поэтов,
Они ведь в помыслах своих честны.
Заметят отставания приметы —
помогут тут же делом и советом.
Твои поэты —

верные сыны.
Ты выслушай их с мужеством,
Отчизна.

А мужества —
тебе не занимать!
С поэтами своими легче в жизни
высоты ключевые занимать.
По праву сына говорю об этом.
И радуясь,

печалюсь
и любя,
тебя
не представляю
без поэтов,
а их —
не представляю
без тебя.

Лес!
Безмолвный ты мой собеседник.
Я вернее не знаю друзей.
Обогретый дыханьем весенним,
бедняка ты любого бедней.
Но люблю я тебя не за это,
а за то,
что среди многих других,

Николай КРУГОВЫХ

СЛАВЯНСКИЙ МАРШ

Рассказ

Рис. М. Бельского.

Паровоз тяжело дышал всей своей чугунной грудью и никак не мог преодолеть подъем. Казалось, необузданный февральский ветрище добрался и до его нутра, продул, проморозил насквозь в большой дороге, и вот теперь паровоз, покрытый испариной, страдающий одышкой, скованный грузом состава, вряд ли дойдет до Ростова.

Зажав автомат в коленях, скорчившись в три погибели, я стыл на открытой тормозной площадке головного вагона и горестно соображал в тупой полудреме: почему я такой невезучий? Ранили в первом же бою, не успел сделать ни одного выстрела. Теперь, добираясь до фронта, коченею на сквозном ветру. Тогда могли запросто убить, теперь могу замерзнуть...

Спрятал лицо на груди за бортами шинели, поднял воротник, руки глубоко засунул в рукава. Нос, щеки и грудь теперь согревал собственным дыханием, все остальное — плечи, спина, ноги — было не мое, там властвовал холод. Меня обдавало удушливым дымом, теплым и влажным; прикасаясь лбом к воротнику, чувствовал: шинель мокреет и словно бы покрывается корочкой. «Закует меня тут, как в панцирь», — подумал с тревогой, но тут же успокоился, потому что решил: если шинель скует льдом, ветер о нее будет разбиваться, точно о стекло. А еще я подумал, что можно, пожалуй, вздремнуть до Ростова. Ни черта со мной не случится, ботинки и шинель все-таки новые.

Паровоз посопел, будто прочищал ноздри, чихнул и, коротко, сердито прогудев, помчался. А я, не раздумывая долго, вскочил на племенного жеребца из нашей колхозной конюшни и понесся вслед ему по заснеженной степной дороге. Вот мой конь уже идет грудь в грудь с паровозом, а теперь и оторвался. «Наддай, конек-воронок, ал-люр три креста! Видишь, сколько серебра разметало солнце по нашей степи?» Но что-то случилось с моим вороном. Все реже дробит он копытами дорожную наледь и вдруг падает... Я слышу его тяжкое предсмертное дыхание, хочу высвободить из-под него ногу, а он поворачивает голову и спрашивает бодрим человеческим баском:

— До каких пор, хозяин, протянешь эту канитель?
Волосы на моей голове поднимаются дыбом, я молчу, а за меня кто-то уже отвечает:

— До встречного...

Рядом стук железа о железо, потом опять басовитое, но уже яростное:

— Эй, воин! Ты какого дьявола без тулупа? Ваш, что ли, Сидоров?

— Скорей всего — заяц. Охрана вся в тулупах, Митрич.

— Да что он, чокнутый? В такую стужищу... Ну-ка, тащи его.

Меня сняли с площадки, поставили на гравий насыпи, повесили на шею автомат:

— Живой?

— Мм...

— Стало быть — чуть живой, — констатировал басом одетый в кожаную тужурку. — Ну-ка, Сидоров, мотнись. Гляди, еще какая размазня ищет дорогу в рай. — Взял меня за воротник, подтолкнул вперед. — Шлепай, сирота казанская. Можешь?

Шел как на протезах. И удивлялся, как это все-таки мне удастся, ведь ноги не мои. Шинель потрескивала, коробилась. Я про себя обижался на бесцеремонность конвоира, однако помалкивал. Тревожило: куда ведут, зачем?

— Ты чего же, дура, не на крышу? Там сейчас — вольготно...

— Я вам не ду-дура... Прошу не оскорблять.

— Коли не дудура, стало быть — дурак. Больше ничего нет. Лезай наверх.

— Прошу не... — голова кружится и я падаю боком в холодный и мокрый снег. Откуда-то издалека: «Алеша! Поживее, дьявол! За ворот бери, а я отсюда»... Чувствую, что задыхаюсь, шинельный крючок впился в горло. Мои неуправляемые ноги-протезы цепляются за что-то и, как железные, стучат о железо. А потом — теплынь. Соображаю — на паровозе. Усатый, в кожаной тужурке, не разматывая обмоток, стаскивает с ног моих ботинки, срывает портянки и кричит рыжему парню в майке, угреватому и потному:

— Алеша, снегу! Который помягче. Почисте. Ну!

Что-то делает с моими ногами. Мычу, сцепив зубы. Ногам больно и жарко. Глаза слипаются, но вижу — усатый сует мне в руки что-то мягкое и теплое.

— На, обувай. Как у тебя руки? Слышь, что ли? Ну и развезло же тебя, братец...

С усилием открываю глаза. Усатый натягивает на мои ступни шерстяные, крупной вязки носки, пытается приладить ботинки.

— Я с-сам...

— Ну-ну.

Он тем временем цедит из бака кипятка в помятую консервную банку с ручкой, туда же бросает коричневый пористый ржаной сухарь:

— На-кось, грейся. У-у, как тебе скулы свело на холоду. Воин, называется. Небось родила матушка — радовалась... Алексей, шуруй!

Обжигаясь, пью кипяток. Зубы постукивают о кружку, а тело отходит, блаженствует в тепле, и спать уже не хочется. Пальцы на ногах жжет и покалывает, но я знаю — надо потерпеть, это скоро пройдет. Кочегар, как заведенный, швыряет в топку уголь, усатый курит, сидя на месте машиниста, и задумчиво глядит в черную пустоту ночи. Вспоминаю, что зовут его Митричем. Мне как-то неудобно перед ним.

— Из госпиталя, что ль? — спрашивает он, не оборачиваясь.

— Оттуда.

— В ногу?

— Ага.

— На пересылку?

— Да, на пересыльный пункт.

— Значит, в свою часть не попадешь.

— Как это — не попаду?

— А очень просто. Загремишь к тем, кого больше потрепали, и вся недолга. Где же тебя долбануло? Под каким важным стратегическим пунктом?

— А кто его знает? Хуторок какой-то дворов в пятнадцать.

— Ну и как, жарко было?

Я не в курсе, как там было. Меня санитары унесли раньше, чем последовал сигнал атаки, но признаться в этом я почему-то не смог. Начал врать, беспокоясь лишь о том, чтобы фантазия моя походила на правду. Мы брали хутор дважды. В первый раз я не успел даже выстрелить, а зато потом лично заколол двоих в рукопашной, а сколько пулями уложил — некогда было считать. Разойдясь, я выдумывал такие подробности, что самому стало интересно. Митрич, улыбаясь, кивал головой. Потом, не дослушав, нахмурился и отвернулся. Я замолчал. Глядя на его морщинистый затылок, я сожалел, что не произвел впечатления. Надо было не двоих заколоть, а, по крайней мере, четверых, да и убитых сосчитать, это ведь не так трудно. Ладно, если в другой раз врать придется — умней буду.

Прошел встречный.

— Ожил, герой? — усмехнулся Митрич. — Ложись, спи. Станция Березай не скоро.

Разбудили меня на рассвете, в Батайске. Митрич сказал, что в Ростов придется добираться на своих-двоих, так как моста через Дон нету, что лично ему тоже надо в город, на прием к полковнику, и если разрешат — он составит мне компанию. Ушел. Кочегар Алеша проводил его влюбленным взглядом, проговорил задумчиво:

— А полковника его зовут Марья Петровна. На Буденновском проспекте живет. Нет, ты не подумай, что шуры-муры. У нее — трое мальцов. Совсем чужие, а вот он, Митрич мой, каждый приезд тащит им из своего пайка. Душа у него...

— Не иначе, семья погибла.

— Нет. Его домашние в Астрахани, все живы-здоровы. Просто такая у него душа...

Митрич разрешение получил. Мы вышли на дорогу и вскоре нас подобрал грузовик, в кабине которого кроме шофера сидели еще двое. Ехали молча. Митрич угрюмо поглядывал на воронки, меж которых то и дело вилял наш грузовик, на заросшую камышами луговину, протянувшуюся на много километров от Батайска до самого Дона, покашливал в кулак и вздыхал. Кое-где у дороги и дальше, по полю, виднелись полузасыпанные снегом трупы. Я отводил глаза. Митрич, заметив это, сказал как-то сконфуженно, будто извиняясь:

— Своих убрали, а эти еще портят природу. — Помолчал, опять кашлянул, поглядел на раскинувшийся по холму город. — А в Ростове сейчас туго. И холодно, и голодно, гибнет народ...

— Так освободили же...

— Ну и что? Спасают, да всего сразу не охватишь. Ясно, скоро войдет в норму, а покамест — туго. Ну, герой боев, не замерз еще?

— Терпимо.

— Смотри, на фронт все-таки едешь... — он свернул сигарку, высек

на трут искру. Затянувшись, выдохнул с дымом.— А горюешь ты зря, что в бою не довелось пока побывать. Мыслью — на твой век боев еще хватит.

Я поднял на него глаза и тотчас опустил. Вот так Митрич... Мысли он читает, что ли?

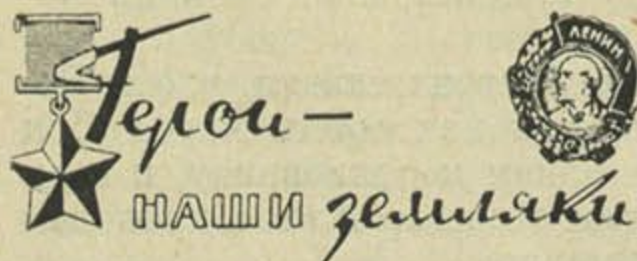
Встречный ветер пробирал до костей. Я опять почувствовал, что шинель моя, хоть и новая, не для зимних путешествий. Поднял воротник, а руки глубоко спрятал в рукава. Митрич плевал за борт и косился в мою сторону. Казалось, он видит меня насквозь и я ему не больно нравлюсь. Но теперь бравировать я не мог. Все равно ведь ему уже ясно, что я за птица.

Митрич выбросил окурок, еще раз взглянул на меня, теперь уже пристально, и постучал ладонью по верху кабины. Грузовик остановился.

— Сходите, что ль? — спросил шофер, спрыгивая на снег. Прихрамывая, отошел к перегревшемуся радиатору, свинтил с него крышку, покидал с руки на руку и сунул в карман полушубка.— Живей слезайте, коли так...

— Да не-ет, не сходим мы.— Как-то просто и спокойно ответил Митрич. На лице его, только что неприветливо-мрачном, теплилась сейчас добродушно располагающая улыбка.— Тут вот... пехота у меня замерзла... Вдрызг!

— При чем же я? Костер не разложишь.

Артиллерист
ЕРОНЬКО Виктор Иванович

Участвовал в боях с немецко-фашистскими оккупантами на Центральном, Северо-Западном, Брянском и 2-м Белорусском фронтах. Особенно отличился при освобождении родной Белоруссии.

Батарея противотанковых орудий, наводчиком одного из которых был Виктор Еронько, заняла огневую позицию возле деревни Шерстин на Гомельщине. А спустя несколько часов артиллеристы уже вступили в бой с фашистскими танками, подбив четыре машины. В этом бою пали его товарищи. Гитлеровцы продолжали наступать и обошли орудие Еронько с фланга. Но он продолжал бой, уничтожив еще около 50 солдат.

В одном из боев на шоссе Могилев — Минск Еронько подбил еще три немецких танка.

Третий подвиг Еронько совершил под Барановичами. Снова оставшись один из расчета, он мужественно продолжал бой с гитлеровцами, уничтожив самоходное орудие, несколько пулеметов и около ста солдат.

Родился Виктор Иванович Еронько в 1920 году в Полоцке. Звание Героя присвоено 26 октября 1944 года. Сейчас живет и работает в своем родном городе.

— А он, то есть — пехота, из госпиталя. К тому ж на фронт, в свой полк добирается. Простыть ему никак нельзя, я так полагаю.

— Простывать, конечно, дрянь дело,— согласился шофер.— Надо было потеплей одеться.

— Да ведь он не от мамки, а из госпиталя. Взял, что дали.

— Ладно, ты покороче, усы.— Начал сердиться шофер.— Мне с тобой трепаться недосуг. Ехать так ехать, слезать так... мотайте.

Теперь выражение лица Митрича стало каким-то умоляющим и кротким:

— Нам надо ехать. Да уж больно пехоте холодно. Опять он в госпиталь угодит, я так полагаю. Одолжил бы ты ему полушубок до Ростова, а? Тебе же, браток, в кабине небось терпимо.

Шофер вскинул голову.

— Вот это так фру-у-кт! — протянул он, багровея.— Это знаешь как называется? Посади свинью за стол...— Он с сердцем рванул на себя дверцу, плюхнулся на сиденье и, уже нажав на стартер, выкрикнул визгливо: — Я не обязан, понял? Много вас таких по дорогам «голосует». Тоже мне... благодетель за чужой счет...

Машина помчалась, с воем огибая рваные воронки, подминая под себя свежие сугробы. Митрич, ссутулясь, мрачно смотрел куда-то в одну точку. Мне было стыдно, я считал себя виновником происшедшего. И хоть руки мои коченели, я выпростал их из рукавов, одною даже героически взялся за жгуче-холодный борт, мне хотелось доказать Митричу, что я не настолько жестоко страдаю, чтобы стоило из-за этого ломать копья и портить себе настроение. Но он, видно, не нуждался в доказательствах. Снова принялся барабанить по кабине, и когда грузовик остановился, шагнул к заднему борту:

— Однако, пехота, пойдем лучше. Верней будет.

Я с готовностью последовал за ним, и в это время хлопнула дверца:

— Сходите, что ль? погоди! На-ка, лови! — крикнул шофер и к моим ногам прилепнулся овчинный полушубок.— Ч-черт! Навязались на мою голову...

Я, скромничая, попытался было отказаться, но Митрич, подоспев, уже начал окутывать меня теплым полушубком, как банной благодатью:

— Чего там, паря? Теперь будет ладно. Благодарствуем, друг!

— Подобрал гавриков... Где ссадить?

— На рынке, дорогой. Там, где ваша стоянка.

Теперь я нежился в тепле и чувствовал себя самым счастливым человеком на свете. А Митрич тихо улыбался. Заметив, что я не свожу с него глаз, подмигнул и пробасил довольный:

— Видал, бывает, думаешь — дерьмо, не человек, а ковырнешь душу — нормальный, даже лучше! Замечал, пехота, сколько горя сейчас на земле? А люди, брат, в любой беде остаются людьми...

— Есть и скоты...

— Случаются, чего там, да только не от них солнышко светит. Я, к примеру, не много в жизни подлецов встречал.— Он снова достал кисет, молчал, пока закуривал, а потом спросил: — Ты хоть знаешь, где полк-то твой?

— Под Новочеркасском.

— Поищем попутную. В своем-то полку, со старыми товарищами — оно получше.

У собора, на базарной площади, запруженной народом, мы простились с нашим шофером. Теперь он удовлетворенно улыбался, будто был рад, что Митричу удалось заставить его сделать доброе дело. На сто-

янке машин нашлась попутная до Новочеркаска. Митрич радовался как ребенок:

— Под счастливой звездой ты родился, пехота. Это же люкс, не машина. Ты уж, голубчик,— умолял он шофера,— не выкидывай из кабины этого хлопца. Из госпиталя он... ранен был.

— Довезу в целости. Он что, брательник тебе? Или — сын?

— Чего? — вскинул глаза Митрич.— А-а... нет... ехали вместе.

Он оглядывал меня с ног до головы как-то пристально и заботливо, поправил ремень, сбившийся пряжкой набок, одернул петлицы на вороте, улыбнулся своими теплыми глазами, но улыбка эта сейчас была какой-то неяркой, стесненной, будто он извинялся передо мной за то, что надо уходить, и просил не судить его строго. А я почувствовал себя прескверно. Мне казалось, что я знаю Митрича не считанные часы, а годы, и так прикипел к нему душой, что, казалось, вот уйдет он и я навсегда осиротею. Но делать нечего. У каждого свои тропки в жизни и на войне. Мне в мой полк, ему к паровозу... Вот уже и рука его тянется к моей... Но что это с ним? Он взглянул вправо и по лицу его скользнула страдальческая тень, в глазах, только что тепло улыбавшихся, застыла печаль. Я поглядел туда же. Из переулка, по затоптанной и заплеванной санной дорожке, две девочки лет по девяти в стареньких белых цигейковых шубках и таких же шапочках, колпачком, тащили санки. В санках, склонив голову на баян, лежавший на обрубках ног, сидел мужчина с испитым лицом и мрачным взглядом.

Девочкам тяжело. Они гнутся, дышат неглубоко и часто. И наконец останавливаются, прижимаются одна к другой, как выбившиеся из сил перепелки. Устало глядят под ноги себе.

Митрич отводит от них тоскующий взгляд, скользит им по рядам столов, за которыми стоят далеко не нарядно одетые люди, продающие что-то. Меж столов ходят те, кого привела сюда острая нужда в куске хлеба. Прицениваются, ругаются, идут дальше.

— Сколько тут горя... Гляди, пехота, сколько тут горя,— стонет Митрич и увлекает меня туда, где остановились девочки и санки.— Это, брат, тоже война...

Вокруг санок с безногим музыкантом уже стояли люди. Неизвестно, чего они ждали, безмолвные и угрюмые. Только один среди них, щекастый и бородатый, в поношенном дубленом полушубке и высоких валенках, как-то зверевато стрелял глазами по сторонам, словно боялся, чтобы здесь не собралось народа побольше.

Музыкант, в лисьей шапке, низко надвинутой на лоб, сидел недвижимо, отрешенный от мира, не мигая глядел на девчушек, касающихся плечами друг дружки и дующих на синие, озябшие кулачки. Когда он, довершая полнейшую неподвижность, закрыл глаза, люди стали расходиться. Бородач в полушубке суетливо протолкался вперед, бегло оглянулся на нас, ткнул рукавицей в плечо музыканта и проговорил вкрадчиво:

— Товарищ баянист, ты чего же дремаешь? Рвани на полную — глядишь рублишку подкинут, хлебца дадут...

Безногий словно бы нехотя поднял голову, поглядел на него остекленевшими глазами, сказал глуховато и хрипло:

— Я — не шарманщик. Понимаете? Я — артист! Я не могу христорадничать музыкой.

— Хе, разъякался! — бородач хитровато подмигнул, приглашая нас в единомышленники.— Чудной! Вроде с голодудохнуть ему сподручней.— Юркие глазки его сузились в щелки, борода расползлась вширь

и стало похоже, что отпущена она с умыслом спрятать от людей броскую сытость лица.— А сколько возьмешь?

— Чего?

— За струмент, за баян то есть, сколько возьмешь?

Артист растерянно поглядел на него, как-то страдальчески — на нас и остановил угрюмый взгляд на девочках. Руки его скользили по инструменту и дрожали. Митрич мрачно следил за этими руками. У него, я заметил, подергивалась щека.

— Не знаю,— наконец выдавил артист.— Это последняя вещь, выручкой за которую я смогу еще поддержать детей. Я не знаю, сколько... Я в этом... не специалист. Вы уж, будьте любезны, сами назначьте цену...

Он осторожно поднял инструмент, передал бородачу и отвернулся. А когда баян, неумело принятый руками покупателя, рывкнул оглушительно и нестройно доброй половиной басовых нот,— съежился, будто его придавило чем-то, что нельзя было сбросить. Митрич тоже вобрал голову в плечи, сжался, словно и над ним нависла эта тяжесть.

Тот, в полушубке, пританцовывая в своих подшитых кожей валенках, успевал стрелять глазами по нашим лицам и в то же время осматривать, ощупывать отливающий перламутром баян, сокрушенно покачивая головой, фыркать, цокать языком и выкладывать всем столпившимся изъяны инструмента:

— Ну что? Вот тут — царапина. Пуговка одна, даже две — со щербатиной. Ремень изломан, истерт донельзя. Н-да... положи руку на сердце, мил человек, пять стаканов пшена — красная цена твоему баяну? По рукам, что ли?

Артист достал откуда-то из-под себя старый рюкзак, кинул покупателю. Митрич кашлянул и схватился за горло, казалось, шею его давил воротник, хотя в этом воротнике поместилось бы еще две таких шеи. И, переступив с ноги на ногу, отошел к девочкам.

Бородач придавил баян коленом, выудил из-под полы полушубка

холщевую сумку, из нее — стакан. Суетливо зачерпнул, провел поверху тыльной стороной ладони, чтобы не сдвинуть зернышки и насыпать ровно с краями:

— Раз. Ты не горюй, гражданин артист. Скоро обстроится, обстановится, как следоват. Победно, значит, выйдет. Два. Три... Заведутся у тебя деньжонки — новый струмент купишь. Четыре. Я вот ишо сальца тебе покладу, я ж ить не нехристь какой-нибудь. Пять. Ну, вот, значит, стакались...

Он вскинул ремень на плечо, но шагнуть не успел. Жилистая рука Митрича вцепилась в каракулевый воротник:

— Погоди, любезный... Верни баян. Отдай, говорю, граж-да-нин... Бородатый резко обернулся и, побагровев, завопил фистулой:

— Люди добрые! Что ж это деется? Серед бела дня грабуют...

Митрич, бледный, с округлившимися в гнев глаза, не выпуская из левой воротник, правую, сжатую в кулак, отвел в сторону:

— Убью, сука! Ну!

Бородач пробежал глазами по лицам людей и, не найдя в них сочувствия, съезжился, поставил баян на колени владельца. Потом дрожащими руками принялся пересыпать пшено из рюкзака в сумку. Митрич на него уже не глядел. Задыхаясь, он водил глазами по толпе, заинтересованной случившимся.

— Товарищи!.. — сглотнул слюну, сорвал с головы шапку. Перевел дыхание и улыбнулся людям бледным лицом. — Граждане! Люд честной! Да что же это?..

Швырнул наземь шапку, сорвал с плеча вещмешок, достал из него несколько сухарей, банку консервов и положил артисту в рюкзак. Распрямился, веселый, какой-то окрыленный, широко повел перед собой рукою, точно приглашая всех в гости к себе.

А люди стояли недвижно. Покашливали в кулак, отводили глаза. Митрич глядел на них сперва с надеждой, потом удивленно и растерянно, потом с какой-то мольбой, переходящей в гнев. И вдруг шелест, невнятный говорок прошли по толпе. Кто-то приблизился первым, положил в рюкзак кукурузную лепешку. За ним второй... третий... Покачивали головами, улыбались Митричу. Он топтался позади девчушек, бормоча:

— Не дадим украсть музыку! Не дадим из человека душу вынуть!

Девочкам дали хлеба. Они тут же начали есть, а их отец, не вытирая слез, тянулся руками к подходившим людям и кричал взволнованно:

— Спасибо, родные! Я буду играть! Я сыграю для вас «Славянский марш».

Взвилась над площадью и заполнила всю ее из конца в конец строгая музыка марша. В том же убогом тряпье стояли люди за прилавками, также пожимали плечами от холода, но, казалось, лица их стали иными — помягче, посветлее, словно пронесся над людьми добрый дух и каждому шепнул ласково: бедам конец, идет жизнь, та — настоящая, долгожданная! Я поискал глазами бородатого в полушубке. След простыл. А Митрич опять стоял рядом. Глядел, как я оправляю шинель под ремнем, улыбался и басил:

— Ну, прощай, пехота... Людей держись! Наши люди, брат, — всегда люди. Их любить надо...

А «Славянский марш» все еще звучал.

Голоса молодости

Александр МЕЛЬНИКОВ

Сосна

Рухнула сосна в сыпучий снег,
И топор отбросил человек,
И устало поглядел вокруг:
Лес молчал, осиротевший вдруг.
Лес молчал, и человек молчал.
Только уже стал он вдруг в плечах,
Только что-то дрогнуло в глазах,
Да слова застыли на губах,
Да на снег неловкая рука
Рассыпала зелень табака...

Могилев.

Страшнее всего —
Себя не найти
В муках и радостях века.
Куда ни глянешь —
Лежат пути,
Зовут пути человека.
И все открыты,
И все — вперед.
А жизнь лишь одна дается.
Какая дорога
Тебя позовет!
Какая тебе отзовется!
И кто —
Человек выбирает пути
Или пути — человека!
Страшнее всего —
Себя не найти
В муках и радостях века.

К солнцу

Грузовик прямо солнцу навстречу несется...
И меня охватила волнения дрожь:
Протяни только руки — и вот оно, солнце!
И, наверное, пальцы чуть-чуть обожжешь...
И рискуя обжечься, зажмурившись, шарю,
Перед собою.
Попалось!
И вдруг...
Только солнце огромным загадочным шаром
Ускользает, мне кажется,
прямо из рук.
Солнце, солнце! Как будто навстречу несется,
А на самом-то деле — уходит оно.
Прекратить бы мне надо
погоню за солнцем,
Но на месте стоять не смогу все равно!

Август красками радует!
Ночи — просто беда!..
Звезды падают, падают
Неизвестно куда.
Сильно пахнет антоновкой,
Шепоток ветерка —
И косынкой капроновой
Промелькнут облака.
А вдали за оградами,
Где мальчишки молчат,
Звезды падают, падают —
В чьи-то окна стучат.

г. Борисов.

Владимир РУДИНСКИЙ

Это верно,
что жизнь — борьба.

Да, борьба до последнего вдоха.

Это правда, что из раба
Человек превратился в бога.

Человеку
из века в век
Ничего не давалось без боя.

Вечно борется человек:
То с врагами,
то сам с собою.

И везло ему,
и не везло;

Но, идя от истоков века,
Человек, побеждая зло,

Открывал в себе
Человека,

Чтобы мыслить
и чтоб любить,

Чтоб подняться над всем ничтожным...

Хорошо человеком быть,

Вместе с тем,
очень трудно
и сложно.

село Крушники.

Лев МОРОЗОВ

Если в сердце
к чистому
стремленью,

Для тебя
весь мир
во веки нов.

Движет нашу жизнь
проникновенье

в сущность
всех
законов и основ.

Мир велик.
И все в нем
многолико:

Люди, земли,
звездные края...

Потому-то
вечно ищет стыка
с тайной любознательность моя.

г. Минск, камвольный комбинат.

ВЕСЕННИЙ РЕЙС

Рассказ

Аэродром находился далеко от Иркутска, в глухой тайге. Собственно, это был не аэродром, а небольшая площадка, которая весной и осенью раскисала, превращалась в комариные угодья. Рядом с площадкой стоял приземистый бревенчатый сруб, невозмутимо смотрел на темные кедры голубоватыми глазами окон. В нем находились зал ожидания, буфет и жилье Ивана Климова, который был здесь кассиром, буфетчиком и начальником посадочной площадки.

Прилетали сюда геологи, строители, врачи, жители промыслового поселка, расположенного неподалеку, и очень редко — туристы.

Солнце, сменившее багровый морозный румянец на нежные краски весны, с каждым днем все выше поднималось над тайгой, жадно слизывало языками лучей снежную толщу.

В теплый безветренный день Иван Степанович и командир самолета Николай Новицкий обошли все взлетное поле — заснеженный грунт мягко оседал и неожиданно фонтанировал из-под ног грязной водой. «Взлететь сегодня трудно, даже рискованно, но все же можно», — решили оба.

Так Климов и объяснил пассажирам, которых было раза в три больше, чем мог вместить в себя старый трудяга ЛИ-2. Те, кому не хватило мест, ходили по пятам за летчиком, упрашивая, доказывая, размахивая справками и документами, предлагая деньги, ругаясь. Но он отвечал:

— Не могу... Инструкция есть инструкция.

И люди понемногу отставали от него. Иные устало, иные со злостью, а некоторые, чтобы через минуту вернуться опять.

Для Николая Петровича все это было непервой — на Севере кроме самолета и оленей другого транспорта нет.

...Лавируя между чемоданами, узлами и рюкзаками, он почувствовал, что на него смотрят. Повернувшись, Новицкий увидел женщину, одиноко стоявшую у бревенчатой колонны. Уходя, почти убегая, к самолету, он все время чувствовал на себе ее взгляд.

Николай Петрович опробовал рули, поправил наушники. Экипаж был на своих местах. Бортмеханик и второй пилот следили за командиром, ожидая команды к запуску моторов. Вдруг Новицкий снял наушники, повернулся к радисту:

— Вася,— негромко сказал он,— в зале, за колонной, у буфета ты увидишь женщину в коричневой куртке. Она одна там стоит...— Николай Петрович помолчал, потом быстро и резко проговорил: — Проведи ее в самолет.

Вася, отлично знавший неподкупный характер командира, удивленно смотрел на него, не двигаясь с места.

— Ну, быстрее! — сказал Новицкий и подтолкнул радиста к двери...

Взревели моторы, самолет начал разбег — и вот они в воздухе. Пробившись сквозь облака, Новицкий передал управление второму пилоту, откинулся в кресле, закурил, задумался над нежданной-негаданной встречей.

Он знал, хорошо знал эту женщину. Не забыл ее ровный мягкий голос и глубокий взгляд темно-серых глаз.

Как же давно это было... А, может, и вовсе не было?

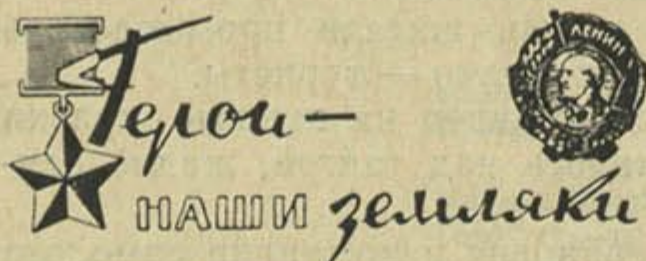
Нет, было!..

Николай Петрович прикурил потухшую папиросу, бросил взгляд на приборы — все нормально. Вокруг самолета то громоздились рваные дымчатые тучи, то кабину заливало ослепительное солнце, а внизу плыла темная, с плешинами снежных полянок тайга.

Тайга... Он знает ее не только сверху — навеки памятна та лютая зима, когда восемнадцать человек с потерпевшего аварию самолета шли, увязая в снежных сугробах, по очереди неся на руках двухлетнего ребенка. Наверное, погибли бы, если бы не набрали на стойбище эвенков.

Тайга всегда очаровывала его и настораживала.

...После женитьбы Новицкому казалось, что счастье навсегда поселилось с ним под одной крышей. Не было ссор, недомолвок, раздра-

Рядовой
ЕРМАК Владимир Иванович

Это было под Ленинградом 19 июля 1943 года.

Рота, в которой воевал Владимир Ермак, вела разведку боем. Внезапно она попала под сильный пулеметный огонь врага. Бойцы залегли. Огонь не прекращался. Тогда Владимир Ермак пополз вперед и бросил в амбразуру дзота противотанковую гранату. Но вражеский пулемет продолжал вести огонь. Тогда Владимир Ермак подполз к дзоту, вскочил и закрыл своим телом амбразуру. Рота бросилась в атаку...

Родился Владимир Иванович Ермак в 1924 году в Минске.

Звание Героя Советского Союза присвоено посмертно 21 февраля 1944 года.

Разведчик
ЕЛЕЙНИКОВ Стефан Ефимович

Мокрый снег слепит глаза, коченеют руки и ноги, но разведчик этого не замечает. Осторожно, по-пластунски, ползет он к озеру Сувантоярви. Несколько часов лежал он в снегу, наблюдая за огневыми точками врага, наносил их на карту. А в скором времени Стефан Елейников уже докладывал командиру обо всем увиденном. И снова, отдохнув, Елейников уходит выполнять задание...

В ночь с 25 на 26 января 1940 года группа бойцов снова отправилась на разведку оборонительного рубежа на одном из островов в Финском заливе. При подходе к острову они наткнулись на засаду белофиннов. Завязался тяжелый бой. Лейтенант Елейников был ранен, но и раненый продолжал сражаться до последнего патрона, до последнего дыхания...

Родился Стефан Ефимович Елейников в 1907 году в городе Слуцке.

Звание Героя присвоено 7 апреля 1940 года посмертно.

Фотографий С. Е. Елейникова и В. И. Ермака редакция, к сожалению, не имеет.

жающей ревности. Была хорошая дружба и спокойная, без подозрений жизнь. Они вместе думали, вместе работали, вместе отдыхали. Вместе, даже если были далеко друг от друга.

Душным июльским вечером в их дом вошел новый человек. Он пришел вместе с Верой. Крепкий, улыбающийся, в расстегнутой на загорелой груди рубашке, с копной черных волос на крупной красивой голове. Вера пропустила его вперед и сказала:

— Знакомься, Коля. Это мой коллега, врач Сергей Карташов.

Они сказали друг другу все, что полагается говорить при знакомстве, и пожали друг другу руки. Пожали сильно, откровенно. Потом ужинали и говорили об авиации. Он очень интересовался авиацией, этот красивый, молодой человек.

Прощаясь, Николай и Сергей также по-мужски, откровенно пожали друг другу руки...

Николай Петрович всегда спешил к Вере, где бы он не был: в тайге, в столице или за полярным кругом. Ему всегда не хватало ее. И в тот вечер он тоже торопился к ней.

Она встретила его обычным вопросом о погоде, о том, как летал. Он с аппетитом ел приготовленный ею ужин, не торопясь рассказывал о рейсе. И вдруг почувствовал, что она не слушает его. Николай Петрович замолчал, ложка застыла в руке. Прошла секунда, вторая, третья... Она не спрашивала, почему он не ест, почему молчит, она тихо-тихо сидела в кресле.

Все было, как раньше, как многие дни и годы, но что-то встало между ними. Оно было здесь, среди них, над ними, оно было неотвратимо. Он слышал удары своего сердца, слышал ее дыхание. Медленно, грузно повернулся к Вере, увидел глубокие темно-серые, испуганно-чужие глаза жены.

И он отчетливо, как землю с высоты, видел, что вся она напряглась под его взглядом, что ей не хватало ни слов, ни воздуха, чтобы говорить. Наконец глухо произнесла:

— Мы любим друг друга, Коля. Любим...

Голос ее дрогнул, но она прямо и твердо смотрела ему в глаза.

Самолет слегка побалтывало. Новицкий проверил показания приборов, прислушался к гулу моторов. Все хорошо. Радист передал ему сводку погоды. Погода нормальная...

— Значит, любите? — медленно, тихо проговорил тогда Николай. — Любите, любите... — он несколько раз с мукой повторил это слово. Оно жгло ему рот, сердце. Он встал и, отшвырнув в сторону стул, подошел к Вере, нагнулся, прямо в лицо бросил гадкое, до слез бессильное слово. Выстрелом прозвучал в его ушах стук двери, стук, который он слышит до сих пор, который будит его по ночам...

Летели уже около двух часов. Облачность поредела, и самолет плыл в океане чистого, пронизанного солнечными лучами воздуха. Новицкий кивнул головой второму пилоту: «Так держать» — и достал еще одну папиросу...

Только один раз зашел Николай Петрович на старую квартиру. Хотел взять фотографию Веры и тут же уйти. Но не мог вот так сразу взять со столика фотографию и уйти отсюда, где все: и книги, и цветы, и стены, и воздух напоминали о женщине, которую он любит, где на каждом шагу он видел ее глаза, слышал ее смех...

Николай Петрович расстегнул ворот рубашки — жарко.

«Но почему же я не оказался тем, Карташовым, или черт знает кем, но тем, кого она любит», — подумал Новицкий, опускаясь расслабленно

на стул и держа в руке фотографию, с которой на него умно и открыто смотрела Вера.

«Нет,— решил он,— не возьму. Я не нужен ей и не напомню о себе». Поставил фотографию на столик и быстро вышел в коридор. Но тут же, почти бегом, вернулся обратно, схватил ее и, торопясь, спрятал в карман.

И вот Новицкий увидел Веру здесь, на таежном аэродроме. В тайге она оказалась, конечно, по своим медицинским делам. Возможно, прилетала консультировать. Карташов стал известным врачом, доктором медицинских наук. Наверно, она торопится к нему, к этому...

— Иркутск, товарищ командир!

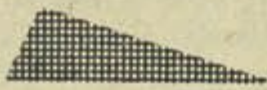
Новицкий был во многих городах, и каждый был его хорошим знакомым, и все города он по-своему любил. Но к Иркутску он испытывал особое чувство, какое испытывает человек к дому, в котором долго и счастливо жил. Десятки раз Николай Петрович видел с воздуха свой город, то смутно темнеющий за тонкой пеленой тумана, то в седой дымке морозного дня, то, как сегодня, по-весеннему чистым. Новицкий узнавал широкие линии центральных улиц, окраинные переулки. Он находил взглядом заводские трубы, подъемные краны.

Николай Петрович подрулил к вокзалу, выключил моторы. К дверям подкатили трап. Оставшись в пилотской кабине один, Николай Петрович пересел в кресло второго пилота, откуда перрон и встречающие были видны лучше. Он сразу заметил Карташова, стоявшего неподалеку с большим букетом красных роз. Потом он увидел, как он заулыбался, замахал букетом, как метнулась к нему женская фигура в коричневой куртке. Новицкий отвернулся от окна и, надевая на ходу пальто, вышел из самолета.

Свежий весенний ветер набросился на него, распахнул пальто, донес издали сыроватый запах оттаивающей земли.

— Николай Петрович, это вам,— Вася протянул ему маленький листок бумаги.

Новицкий стоял у дверей вокзала, входящие и выходящие люди то и дело натыкались на него: одни извинялись и обходили, другие замечали, что нечего, мол, торчать на дороге. И только когда очень полная дама в черном мантио, в сопровождении двух насильщиков с багажом, громко закричала: «Что это такое? Позвольте пройти!» — Николай Петрович отошел в сторону, держа в руке записку, без конца перечитывая два слова: «Спасибо, Коля».

Анатолий ЧЕПУРОВ

ЧЕТЫРЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

После странствий

После странствий, долгого пути,
Тише, чем родная сторона,
Ничего на свете не найти...
Вот мой сверстник — тополь у окна —
Тишину хранит в полночной мгле,
Отдыхает речка в камыше.
Тихо в небе.
Тихо на земле.
Тихо на душе.

В метель

Метель по стеклу стучала
И клен под окном качала,
И снился мне странный сон:
Один среди вьюжной злобы,
Проваливаясь в сугробы,
Вставал человек, освистан
Со всех четырех сторон.
Путем, что ни есть тяжелым,
Покинут друзьями, шел он,
Во тьме простирал ладонь...

Меня разбудила вьюга,
И сердце сказало: — Друга
Не вздумай в беде покинуть!
И я засветил огонь.

У Немана

Запомню:

Неман или Нёман,
Как белорусы говорят,
Осенним цветом окантован,
Плыл, отражая тот наряд.

Холмы полей вдали желтели,
И рдели рощи вдалеке,
Лишь пирамидки можжевеля
Зеленый свет несли к реке.

И пахло диким медом лета,
Криничной свежестью, когда
Стихам народного поэта
Внимали небо и вода.

Река огнем листвы горела.
Стоял и слушал, не дыша,
Как на просторе этом пела
Якуба Коласа душа.

На берегу за песней песню,
Взирая на безбрежный зал,
Его земляк, его ровесник
Читал, и плакал, и сиял.

И каждым словом околдован,
Он видел, местный старожил,
Как слушал эти песни Нёман
И к кумачовым рощам плыл.

В золотой пыльце дорожка сада —
Солнечно акация цветет.
Будешь рада иль совсем не рада —
Все равно письмо мое придет.
Сам не знаю, по какой причине
На бумагу вылились слова.
Может быть, от утренней теплыни
Просто захмелела голова!
Или просто сердце не забыло
Все, что было в наш медовый год!
Или потому, что ты любила
Дни, когда акация цветет!

Владимир КОРОТКЕВИЧ

ХРИСТОС ПРИЗЕМЛИЛСЯ В ГОРОДНЕ

Роман

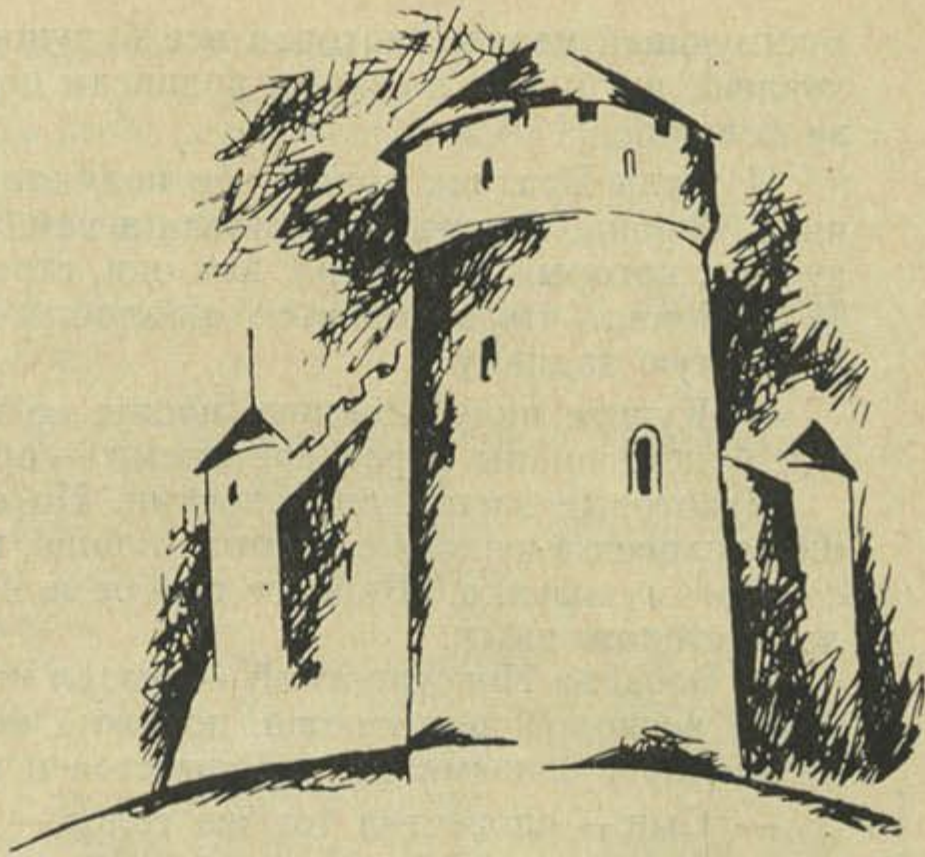

Рис. А. Кошкуневича.

Индульгенции

«Говорят, одному человеку наплевать было на веру и пекло, а потребна ему была бескарность. И этот один купил индульгенцию, и тут же дал потолпешкой по голове соседу».

«Кроника».

После этого пошел Христос со своими апостолами в сторону Любчи. Ноги их были в пыли многих дорог, и не могли они уже идти дальше, и решили остановиться на ночь здесь.

Повсюду спрашивал он о женщине, которую искал, и нигде ни слова не услышал о ней, и в отчаянии все больше злился на подлость рода людского. И все время хотелось ему сыграть над кем-нибудь злую шутку.

Приблизившись к Любчанскому замку, увидел он огромную толпу народа, и понял, зачем они здесь, и понял, что тут он наконец сможет отвести душу.

Толпа обступила громадный прилавок, крытый белым шелком. За ним, в нише стены, стояли два ларя, полные серебра, и столик с большой стопкой пергамента. А под навесом топтался непомерно толстый доминиканец на коротких ножках. С ним было двое служек.

— Вот что тут написано, — тыкал он пальцем в пергаментный свиток, под которым висела и качалась печатка Отца. «Пусть простит вам тот, что принял смерть на кресте за грехи ваши». Я! — и тут он широко распахнул пасть. — Я, Валенты Гимениус, властью Христа, блаженных святых Петра и Павла, освобождаю вас от всех церковных нарушений, грехов, проступков, чрезмерностей как бывших, так и будущих, как бы ни были они велики... Купите индульгенцию и поступите вы в ряды во-

Окончание. Начало в № 11, 1966 г. (Роман печатается в сокращении).

инствующей церкви, которая все будущие грехи ваши отпустит. И причислены вы будете к святым подвигам церкви нашей, хотя бы и ни хрена не делали!

И тогда Братчик понял, что целиком, возможно, люд не примет ничьей стороны. Злость еще кипела в нем. И на это быдло, и на этого мазурика, который не платил, как они, страхом за каждое мошенничество. И он понял, что задохнется от злости, если не выплет этому монаху в толстую задницу.

— Купите индульгенцию, носите ее в калите всегда с собою и всегда будете правы перед еретиками,— орал монах.

Некоторые зазвенели деньгами. Но еще раньше их к монаху подошел человек в черном с золотом плаще, в богатой чуге и кобтях черного с золотом сафьяна. Широкое грубое лицо его с недобрыми глазами было настороженным.

— Воевода Новгородский,— сказал кто-то.— Мартэл Хребтович.

За воеводой шел юноша, похожий на него, но с чистым и наивным лицом, прозрачными от любопытства к миру глазами.

— Сын,— оповестил тот же голос.— Ратма по имени... Радша.

— Молоденький еще,— сказал кто-то.

— Мартэл присватал за него Гонорию из Валевичей.

— Чего-о? Да это ж черт знает что! Ах, боже, хлопчика как жалко!

— Жених богатой потаскухи... Золота, видите ли, батьке мало...

Магдалина прислушивалась к разговору. Мальчик стоял около отца, смотрел на индульгенции, на монаха и толпу. Встретился с Магдалиной глазами— губы дрогнули, рот приоткрылся. Та смиренно опустила ресницы.

— Дай мне вот что...— мрачно сказал воевода.— Вот то отпущение на невинность и чистоту до конца моего... Ну, на сто лет... На женку, святую дуреху, ничего не давай— ну, может, мелочь.

— Чего еще?

— Полное отпущение на этого... Ему-то столько, ангелочку, не прожить, бабы заедят... Но давай и ему на сто лет. Ну... на всякий случай давай еще нам вечное освобождение от чистилища, а женке на сорок восемь тысяч лет. Ей все одно гореть не больше года.

— Еще чего?— мних был в восторге.

— Давай еще «личную» мне.

— Разумею... Чтобы десятерым, по вашему выбору, девяносто девять раз на год могли грехи отпускать.

— Во-о!

И бросил на прилавок тяжелую калиту.

Мальчик ждал, куда он пойдет. Мартэл двинулся в ту сторону, где стояли апостолы. Тяжело ступая, прижимая к груди свиток, стал неподалеку от них, запихивая его в сумку, висевшую через плечо. Юрась звериным своим слухом услышал бормотанье:

— Ну, погоди теперь, каштелян... Все мясо спущу... Возьмите меня теперь голыми руками.

Потом он заговорил со служками. Радша стоял и глядел на Магдалину, которая все еще не подымала глаз. Увидел у ног ее платочек, наклонился, спросил покраснев:

— Ваш?

— Спасибо,— шепотом сказала она, не протянув руки.

Исполняя то, что было ей приказано, она не видела причины, почему бы ей не обделать и некоего своего дельца, особенно если человек сам летит на огонь.

— Коней приведи! — сказал службе воевода. И это заставило Ратму поторопиться.

— Мы едем! — сказал он. — Мой отец — воевода Новгородский. Жаль, что я не смогу увидеть вас. Кто вы?..

— Я иду с этими людьми. Вон наш поводырь. Он святой человек.

— Куда вы идете?

— Не знаю. Ведет он. Может, отсюда пойдём на восход. Может, на полудень. А может двинемся в Мир...

— Радша! — позвал воевода.

— Я молю вас верить мне. Молю, как пойдёте через Новгородок, дайте мне знать. Вот перстень, он откроет вам двери.

«Бедный, — подумала она. — Одну меняет на другую, ибо верит свету на ее лице», — взяла перстень дрожащими пальцами.

Он все еще держал ее платочек.

— Возьмите его себе, — шепотом сказала Магдалина.

И увидела радость на его лице. Юрась не заметил этого. Он смотрел на монаха, который кричал, вопил, бранился, словно торговал соленой рыбой. Братчика раздражал этот наглый балаган.

Он много слышал об этом человеке. Один из самых удачливых торговцев отпущением, он приносил престолу столько денег, сколько не приносила сотня других мошенников, а себе в кошелек клал не меньше. Ему дали это место в знак особой благосклонности папы Льва. Дружили в юности. И совместные плутни чинили.

— Покупайте! Покупайте! — орал монах. — Покупайте прощение. Вы можете купить себе даже отпущение за то, что изнасиловали одиннадцать тысяч известных святых дев...

Толпа рассмеялась. Монах распинался дальше:

— Ты получишь священное полномочие папское. Разве наше дело не станет твоим делом?! Дело Христа — папы Льва — кардинала Лотра и мое, грешного. Вы можете, если вам придет такая фантазия, согрешить с самой матерью божьей...

— Думаешь, что говоришь! — крикнул Юрась.

Магдалина, сама не зная почему, попыталась удержать его, но он отмахнулся. И она поняла: все! Час, назначенный Лотром, настал.

— Черт его знает, что там написано, — сказал Христос. — Может, ругательства?.. Дай мне одну индульгенцию... На один грех.

Мних усмехнулся:

— Десять грошей. Видишь, и тебя проняло. Наш папа это тебе не Юлий второй. Большая разница.

— Известно: оба больны неаполитанской болезнью. Один от нее помер. Другой благодаря ей заполучил тиару.

— Богохульствуешь? — мниховы глаза стали острыми. — А святая служба?

Юрась показал ему кусочек пергамента.

— Ради того и купил.

Народ засмеялся.

— Богохульствую теперь сколько хочу, аж пока не остановлюсь.. Чудно, как это у вас. Паскудник Бонифаций шестой проклинает мерзавца Фармоза первого, Стефан седьмой проклинает Бонифация, а труп Фармоза отдает на поругание, Роман первый отменяет указы Стефана насчет Фармоза и клеймит Стефана. И каждый объявляет, что непогрешим, а предшественник — отродье Сатаны, и разоблачает его неистово и с животной ненавистью.

— Кончил? — спросил мних. — Вот и добро! Индульгенции!.. Индульгенции!!!

— Можешь продать еще одну, меднолобый?

— Сколько угодно,— нагло сказал Гимениус.

— Отрежь еще на один грех.

— Сколько пожелаете.

— Вот спасибо,— сказал Христос.

И вдруг отвесил мниху молниеносную оплеуху. Вокруг захохотали.

— Не имеешь права подымать руку на посланца папы,— захныкал Гимениус.

— А на мать божью, стало быть, имею, стоит только бумажку купить?

Христос положил ладонь на рукоять корда.

Мниховы глаза забегали:

— Ну, это уже слишком!

— Люди, слушайте,— сказал Юрась.— Именем своим, именем сына божьего говорю, что вам брешут. Мне и отцу моему все это нужно, как десятая дырка в теле.

— Ты кто? — спросили из толпы.

— Я — Христос.

Толпа загудела. У Магдалины мелькнул в зрачках ужас. Раздались крики.

— Ти-ихо! Именем своим обвиняю все это быдло во лжи и грабеже. В оскорблении матери божьей! Если вы мужи — заступитесь за нее! Именем своим повелеваю: вышвырните его из Любчи, а деньги раздайте сиротам!

— Ура! — грянуло в толпе.

В ту же ночь, когда они убегали из Любчи, над сумеречной землей летел освещенный последними лучами солнца голубь. Он нес весть о том, что известный человек распустил слух об известной женщине, которая якобы находилась в округе Новгородской и сейчас ведет Христа с апостолами в центр воеводства, где и попытается задержать их на три дня. Известный человек просил, чтоб сотник с отрядом поторопился.

Денежный ларец Иуды

Не всем достаются портки, кто их желает.
Присказка.

Они убегали ночью, не зная, что по следам мчится Корнила. К полудню следующего дня приблизились они к селу Ходосы.

Деревня будто вымерла. На гуменнике возле первой хаты дикого вида человек требушил корову со вздутым животом, выбирал какие-то куски, и мухи вились над ним тучею.

На хатах нигде не было стрех.

Они шли по черному от горя селу. Христос глядел в землю. Апостолы болтали о чем-то своем. Позади всех тащился голенастый, нескладный Иуда с ларцем.

Голод. Черная грязь на дороге. Черные хаты. Черные сады.

Возле каждой хаты сидели дети, похожие на стариков, провожали глазами апостолов.

Проходя мимо каждой очередной хаты, Иуда делал неприметный жест рукою. Сколько детей — столько и жестов. Дети недоуменно глядели в кулачки на маленькие желтые солнца. И все ниже и ниже, в бессилии своем, опускал голову Раввуня.

Только за околицей догнал он Христа.

— Ты что это такой легкий? — спросил тот.

Иуда глянул на него и прерывисто вздохнул.

— Нашему слонимскому раввину — а он, надо вам сказать, был просто аж царский дурень — каждый вечер клали на пузо горячую мокрую полотницу. Так он имел обычай говорить, когда его укоряли: «Мясо мирной жертвы благодарения надлежит учителю съесть в день приношения ее; не следует оставлять от него до утра».

Встряхнул ларец и там зазвенела одинокая монетка.

И тут Христос, вспомнив, что идут они все же навстречу невесте, сказал:

— Надо, Иуда, холстины купить. Ты погляди на всех. Срам, а не апостолы.

Раввуну покраснел и сказал:

— Купить?.. У тебя есть лишние гроши?

Вздох Иосифа Аримофейского

Когда они вздыхали — стены хат надувались, как бычий пузырь. Таких теперь нет. Вывелись...

Сказка.

К полудню они пришли в Новогородок...

У всех порядком ворочало в животе от голода. В желудках словно сидела свора голодных волков.

Магдалина, правда, передала утром Братчику золотой, но он не открылся приятелям, сберег монету. Мало ли что могло случиться.

На рынке все было дорого. Какой-то сквалыга торговал яйцами. Юрась присматривался к нему сперва с усмешкой, после — с гадливостью.

— Почему? — спрашивает бедная баба.

— Два гроша сотня.

— Два шелега? — спросил Юрась. — Бога побойся, человек. Срам. В Христовых глазах загорелось вдруг хитрое, плутовское.

— Добро! Уговорил. Держи подол — будем считать.

Люди стали собираться вокруг. Торгаш поднял подол длиннющей рубахи. Христос начал класть ему в подол яйца.

— Пять... Десять... Двадцать...

И тут Магдалина с радостью — даже сердце упало — увидела: за толпой сидел на коне Корнила и озирает сборище.

— Пятьдесят, — считал Христос. — Сто...

Торговцу было уже тяжело держать. И тогда Христос, наклонившись, чиркнул ножом по завязке его порток. Портки упали. Торгаш, красный от позора, боясь выпустить яйца, вцепился в подол.

Юрась смеялся со всеми, скаля белые зубы. И вдруг смолк — толкнул Тумаш. Исчезла улыбка. Разрезая толпу, приближался к ним закованный в латы и кольчуги конный отряд. Дремучие глаза Корнилы встретились с прозрачными глазами Христа. Сотник усмехнулся.

Смекнув что-то, смолк и народ. Сотник положил руку на рукоять меча.

— Отгулялся, шалбер. Цепь сюда!

Герои —
НАШИ земляки

Заместитель
командира авиаполка
ЕРОШЕНКО Виктор Иванович

В один из январских дней 1943 года возвращавшийся с очередного задания бомбардировщик Ерошенко был атакован шестью фашистскими истребителями. Выход был один — принять бой. Умело маневрируя, экипаж сбил один истребитель. Но силы были слишком неравными. Самолет был подожжен, а Ерошенко тяжело ранен. Теряя последние силы, он все же дотянул машину до линии фронта и выбросился на парашюте, а спустя несколько месяцев уже снова был в строю. В результате метких бомбовых ударов самолеты, ведомые майором Ерошенко, уничтожили около 300 автомашин, 12 танков, десятки складов, артиллерийских батарей, несколько железнодорожных эшелонов и около 3 тысяч солдат противника.

Родился Виктор Иванович Ерошенко в 1921 году в Белоруссии. Звание Героя присвоено 27 июня 1945 года.

И протянул руку в железной перчатке:

— Взять!

— Что такое? Кто? За какой грех? — шептали повсюду в толпе.

И тогда запели голоса священников:

— Приговор духовного суда... Вор... Богохульник... Оскорбитель бога и церкви... По велению Святой службы.

Услышав страшное имя, люди стали отступать. И тут диким голосом, словно в судный день, завопил Раввун:

— Я тебе дам цепь, босяк! Ты на кого руку поднял, на кого?!

Мрачная неживая усмешка раздвинула сотниковы губы.

— Н-ну... На кого?

— На Хрис-та! — вдруг нестерпимо возвысил голос Юрась.

Толпа ахнула.

— Если ты Христос, — заорал сотник, — то сотвори чудо.

Юрась молчал. Молчала толпа.

И тогда Христос увидел слепых, сидевших у одного из возов. Один из них, забывшись, во все глаза глядел на беспортошного торговца, на сотника, на него, Юрася.

Чувствуя, как возвращается к нему жизнь, Юрась неприметно показал ему золотой, спросил глазами:

— Хватит?

— Хватит, — опустил «слепой» глаза и стал шептать что-то соседу.

Христос вскинул голову и в притихшую толпу ударом топора упали слова:

— Будет чудо!

Ярмарка замерла.

— Приведите мне вон тех слепых!

Люди бросились к калекам, подняли их, на руках понесли к Юрасю. Толпа смотрела с ужасом на их бугристые, видно, от старых язв веки.

— Но прежде я хочу спросить у них, желают ли они стать зрячими? Люди, хотите вы видеть?

— Батюшка, — застонал первый. — Ратуй! Дети малые! Били меня люди пана Жабы корбачом по голове.

Народ смолк.

— Выпалили мне очи в московском походе...

— Боже,— вопил третий.— Ради тебя. В пыточной мне светом в глаза целый день били.

И тут попы принялись голосить:

— Не слухай, люд новгородский... Еретик это, а не Христос!... Вор!.. Схватите! Выдайте Святой службе. Не испытайте бога гуслями чернокнижными...

Кто-то встал перед ними:

— Не мешай! Христос ли, нет — сами с глазами. А слепых не трожь!

Люди молча надвигались на ряжников. Воцарилось молчание.

— Прости, люд новгородский,— в тишине пролепетал доминиканец.

— То-то ж... Давай, человече.

Христос наклонился, черпнул из-под ног грязи и левой рукой взял «слепого» за руку. Золотой перешел к «слепому», и тот молча склонил голову: «достаточно». И тогда Христос мазнул грязью всех троих по глазам:

— Идите. Обмойтесь. Будете зреть свет небес... Люди, отведите их к ручью, оставьте одних.

«Слепцы» умылись в кринице.

— Во холера,— сказал один,— как плюхнул по глазам!..

— Грязь-то какая вонючая,— сказал другой.

— Ничего,— сказал затейщик.— Мы с него за это побольше сдерем. Пошли! Вынимай горох.

Они вытащили из-под век положенные туда половинки горошинок, проморгались и, зажмурив глаза, пошли обратно.

Юрась перекрестил их.

— Зри!— приказал он.— Гляди на бога в славе его.

«Слепой» как бы с трудом приподнял веки:

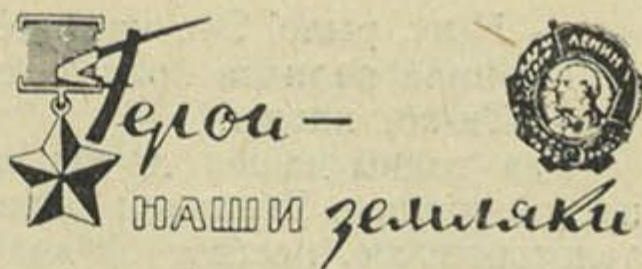
— Пане боже! Вижу... Вижу, господи... Созерцаю светлый лик твой!

Глянул на сотника:

— А это что за богомерзкое рыло?

Сотник растерялся.

Два мещанина подошли к нему:

Начальник штаба полка
ЖГИРОВ Филипп Ерофеевич

Когда в сентябре 1943 года наши войска вышли к Днепру, за плечами гвардии майора Жгирова, начальника штаба 221-го гвардейского стрелкового полка, был большой опыт борьбы с гитлеровцами — трудные бои в Сталинграде. Зная все хитрости врага, он особенно тщательно разработал операцию форсирования Днепра и принял активное участие в ее осуществлении. Когда гвардейцы под огнем врага начали переправляться через Днепр, майор Жгиров находился в первых рядах наступающих, проявляя мужество бойца и талант командира, моментально находил выход из трудных ситуаций боя. Во многом благодаря его мастерству, преодолев все преграды противника, советские воины быстро и без больших потерь овладели плацдармом на правом берегу реки и вскоре расширили его.

Родился Филипп Ерофеевич Жгиров в 1911 году в деревне Гута Рогачевского района.

Звание Героя присвоено 15 января 1944 года.

— Н-ну, рыло! Это как же? На бога руку поднял?

Корнила налился кровью, схватился за меч.

— Ти-хо, хлопы!

Рев толпы дошел до бешенства. Гулко лопнул на голове Корнилы пустой горшок. Всадники взялись за мечи. И тут белое, синее, красное, золотоволосое, пестрое от долбней, посохов, кордов, клевцов и копий море бросилось на них со всех сторон. Полетели ушаты, поленья. Перепуганные криком ярились кони, бросались прочь. Вдогон им, для острастки, пустили с десятков стрел.

Магдалина в отчаянии глядела на бегство латников.

К Христу подошли двое бывших слепцов. Народ встретил их криками.

— Давай еще три золотых,— шепнул мазурик.

Они шептались с ласковыми улыбками на лицах.

— Нет у меня больше. Слово! После, может...

— Крикнем! — сказал слепой.

— А вот я сейчас тоже крикну, что вы за исцеление еще и грошей просите!

Братчик с трогательной нежностью обнял мошенников. Зашептал:

— Идите к дьяволу, возлюбленные братья мои. Пока не посыпались искры из глаз ваших...

Святая инквизиция

Каялся в грехах Вавилон и Навуходоносор, царь его... И, говорят, Навуходоносор, каясь, посыпал себе голову пылью и пеплом. Но пыль та была пылью разбитых им городов, а пепел—пеплом сожженных им жертв.

Средневековый белорусский апокриф.

Они изнемогали от поисков. Нигде никто не давал ответа. Даже слухов больше не было. Напрасно искали они дерево, вокруг которого могли бы обвить свою жизнь.

Однажды они свернули с большака к деревне. С мирской площади долетал какой-то шум. Вышли на площадь под общинный дуб и, потрясенные, едва не кинулись обратно в проулок.

Под дубом стояли столы. За ними сидели люди в доминиканских рясах. В стороне сидел над жаровней палач, чистил щепочкой ногти. Человек пятьдесят закованных в латы, чеканенные крестами, окружало стол — стража.

Шныряли служки в рясах, таскали хворост и поленья под пять дубовых столбов, врытых в землю с подветренной стороны.

— Доказная инквизиция заседает,— неведомо кому сказал дуралей Якуб.— Святая служба.

Перед святым синедрионом стоял связанный мужчина. Злое лицо, запавшие глаза.

Апостолы смотрели на него, слушали вопросы Службы. Вопросы были всегда одинаковы.

— Говорил позорящие бога слова? — спросил комиссарий суда.— Поносил?

— Я его не бранил. Зачем мне поносить его?.. Не бранил,— повторил седой мужчина.— Я говорил, что не допускал бы он таких мук, если бы он был.

— Отведите... По оговору сознался... Следующий...

Подвели шляхтюка. Потертая одежда в пыли разных дорог, разбитые чеботы. Видно, бездомовник. Маленький, невзрачный собою, уже в годах. Личико с кулачок, редкие усы, голодные и жалобные глаза.

— Имя?

— Варган Будимиров, пан Коцкий,— ухмыльнулся человек.

— Расскажи о себе.

— Оно, пане... из согнанных я. Перевели с земли наши магнаты всех нас, бедолаг, в загоновую шляхту. Оно... можно б и жить, да только нобилію нашему приглянулась моя дочка... Приемная... Друга — покойника... Я, признаться, и женат не был... Жаль стало сироту. Пошел безземельником с нею. А ее и задумай отобрать,— голос у человека был слабый, он словно мяукал.— Сильные люди — что скажешь? Но и на сильных есть бог! Есть!.. Она того не перенесла. Не вынесла, повесилась... Вот и хожу уже десять лет. Бог смерти не дает...

— Хватит! — сказал комиссарий.— Ты перевоплощенный черный кот, что принадлежал прежде местному костельному органисту.

— Сроду не был котом... Вы мне, может, растолкуете?

— Сперва ты растолкуй и докажи, что это не так!

Наступила пауза.

— Видишь, не можешь. А мы докажем. Мы все знаем. Погляди на свою богопротивную рожу. На себя погляди. Усы редкие, вон какие — раз.

— Раз,— повторил пан Коцкий.

— Прозвище — два.

— Каюсь, два.

— Ты явился, а в тот самый день кот исчез — три.

— Не ведаю я этого. Зачем мне кот?

— Схватили тебя, когда пил в корчме молоко,— четыре.

— Пил. Хотел молочка.

— Видишь? А какой это добрый христианин пьет в корчме молоко? А?! Перевоплотился волей сатаны.

— Да я... Что ж мне делать, отче?

— Перевоплощайся обратно, ибо вред нанес органисту. Лови мышей.

— Сроду я мышей не ловил,— жалобно улыбнулся человек.

— Упрямится,— сказал комиссарий.— В ложных мыслях несправим. Отвести к тем!

Старик опустил голову. И внезапно Христос сам почувствовал, как тяжело, со свистом, он дышит, почувствовал теплоту нагретой рукоятки корда.

Рядом с ним стоял пузатый Фома, сжимая саблю. Рядом с Фомою — иудей, Илиаш, еще двое апостолов. А против них — несколько десятков латников с копьями и мечами.

— Ничего не сможем,— тихо сказал он.— Ровным счетом ничего. Отойдём, Тумаш. Помолись ты своему богу, Иуда, а ты, Фома, своему. Может, вымолим мы проклятие на их головы!

Они отошли на старое место. Комиссарий заметил их, сказал громко:

— Напоминаю, что ежели кто захочет вызволить еретиков — деревню сожгут, а жителей отдадут Святой службе... Следующий!

Подвели бабу. Несвязанную. Комиссарий, видимо, спешил закончить суд:

— Обвиняют тебя, что отнимала у коров молоко, крада теплые закаты и насылала красные, что пророчат ранние зазимки.

— Иди ты знаешь куда, поп! — сказала баба.— Коли я виновата

в чем, то разве в том, что репа у меня крупнее, чем у женки оговорщика, святой потаскухи Тодоры...

Комиссарий крикнул:

— Отведите... Следующий!..

Бог наш

Не давайте святыни псам.

... Матфея, 7, 6.

...Последнего привязали к столбу. Комиссарий произнес мрачные слова напутствия.

Пылали, тянулись в небо, рвались в него три огня. Трое молчали. Седой мужчина смотрел на солнце. Пан Коцкий дрожал всем телом и не мог скрыть своей муки. Крупные слезы катились из голодных, жалобных глаз. Баба извивалась в огне, насколько ей позволяли цепи, но молчала, и струйка крови стекала с закушенной губы.

Даже сюда, в то место, где стояли апостолы, порой нестерпимо веяло огненным жаром. Христос чувствовал, что по временам, когда повернет ветром пламя в их сторону, у него потрескивают волосы. И все же он не отступал. Охваченный огнем, седой человек страшно закричал:

— Отродье пекла... Сыны Велиала... Потомки дьявола и суки монастырской... Истинно говорю: среди зверей хищных на первом месте — поп, на втором — начальник и только на третьем — тигр!

Голова его упала.

На лицо Христа лучше было не смотреть. Фома казался безумным: глаза закрыты, кулаки сжаты. Потом с надеждой открыл глаза — столбы были на месте.

Раввунни не мог больше терпеть этого. Глянул на Юрася и ужаснулся: глаза школяра были безжалостны.

Фома явно сходил с ума. Обезумел и последний живой на костре шляхтич. И внезапно он закричал, пока не угасло сознание:

— Боже, если ты есть! Отдаю тебе душу свою!

Ревело, крутило пламя. А от столов бубнил и бубнил голос:

— Святого апостола нашего Павла к евреям послание...

Христос чувствовал, что умирает. Исчезло солнце.

— Потому что бог наш есть огонь поядоющий...

Рвалось и рвалось в небо пламя.

Поганский аркан

Стоя и к солнцу лицом обратившись, молиться негоже.

Гесиод.

Никогда еще до сих пор не были так близки к цели своих поисков, как в этот день. От местечка, куда пришли они на ярмарку, было до монастыря не более дня, от восхода до заката, ходьбы. Но знала, что они идут в этом направлении, одна Магдалина. Радовалась она, что скоро кончится ее путь, что она искупит свой грех, и в то же время необъяснимо грустила.

Падали в толпу звуки храмового колокола. Ярмарка была как ярмарка. Звенели макитры, вьедливые женские голоса от прилавков. Не-

движно, как идол, стоял среди толпы богато одетый крымский татарин с саблей. Чалма обвила полукруглый с шишаком шелом, насурмленные брови, пристальный взгляд холодных глаз. Молодое еще, красивое, горбоносое лицо. Кафтан стоит коробом, топорщится на кольчуге. Широкие книзу аксамитные шаровары не гнутся. На ногах вытертые стрелами сафьяновые чеботы. Стоит, словно ничто его не трогает.

На самом же деле татарин слушал. Говорили два мужика. Один молоденький, с овальным иконописным лицом, другой — пожилой, но крепкий еще, с хитрыми глазами, крючконосый, с седыми усами.

— Городенец один приезжал, — глаза молодого были полны наивного удивления, — то он говорил: Христос вышел из города. И вот будто это как раз они, во-он, ходят по рынку.

— Не подобно что-то, — сказал Седоусый. — Мазурики, по-моему. Татарин окинул глазами апостолов, пожал плечами. Пошел сквозь толпу к храму. Люди расступались.

— Бар-раны! — сквозь зубы сказал крымчак.

Шел, играл концом аркана, привязанного к кушаку. Как хозяин, поднялся по ступенькам, вошел в притвор, сунулся было дальше, в самый храм. Кустод встал на его дороге: нельзя.

Татарин льстиво прижал руку к сердцу, склонился, масляно улыбнулся.

— Из дверей погляжу, бачка. Входить мне сюда скоро. Зупсым скоро-быстра.

— Оглашенный *, что ли?

— Огылашенный.

— Ну, гляди, — с сытой снисходительностью сказал кустод. — Вера наша истинная, правдивая.

Крымчак стал присматриваться. У входа толпятся с блюдами, на которых деньги, со свечками, с образками, четками. Красиво везде и хорошо пахнет, но на стенах, противно аллаху, подобия людей.

Нечистые!

Узкие глаза осматривали золотые и серебряные раки, ризы, оклады икон, тяжелые серебряные светильники, статую в парче, серебре и золоте, в драгоценных камнях... Золотые сердца, руки, ноги, головы, туловища, маленькие статуэтки коров, лошадей, свиней... Усмешка пробежала по лицу:

— Бульда короша, бачка... Сюда сыкора приходит буду.

Кто-то прикоснулся к его плечу. Татарин отскочил в сторону, как громадный камышовый кот. Успокоился, дал дорогу Христу. Тот неожиданно остановился. К нему тянулась рука. Густо-коричневая, усеянная почти черными пятнами, перетянутая сетью жил, иссеченная в ладони, будто каждая песчинка, перебранная ею за долгую жизнь, оставила на ней свой след.

— Милостивец, подай, — молила старуха в рубище. — Стою и стою...

— Подай ей, Иосия...

Старуха радостно заковыляла к старосте. Высыпала перед ним пригоршню медных шелегов.

— Батюшка, коровку мне б... Маленечкую хотя бы.

— Тут, родненькая, у тебя на коровку не хватит.

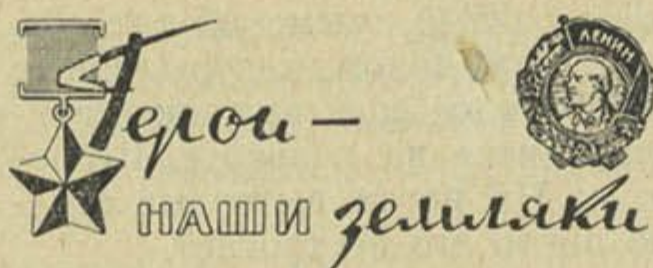
— После отдам.

— Ну вот!... От, дурость бабья.

— Батюшка, коровка, коровка ж наша помирает.

Неестественно светлые, странные, словно зачарованные, смотрели на это поверх голов Христовы глаза.

* В данном случае — готовящийся к принятию христианства.

Командир полка
ЖДАНОВ Павел Ильич

В 1943 году подполковник Жданов был назначен командиром 310-го стрелкового полка 82-й стрелковой дивизии. За время наступательных боев с 23 июля по 27 сентября 1943 года полк под его командованием прошел с боями свыше трехсот километров и нанес гитлеровцам большие потери, освободив городскую поселок Кромы, на Орловщине, и ряд украинских деревень. В ходе этих боев было уничтожено более 1 500 фашистских солдат, 15 танков, 5 орудий, десятки пулеметов. Прорвав оборону врага на рубеже Десны, бойцы полка под огнем противника быстро форсировали реку и захватили плацдарм.

Затем командование поставило полку новую задачу — форсировать Десну на другом участке фронта. И эта боевая задача была с честью выполнена. Стремительно продвигаясь на запад, батальоны полка вышли к Днепру севернее Киева, форсировали его и захватили плацдарм. Отбив ряд контратак противника, полк продолжал наступление...

Родился Павел Ильич Жданов в 1903 году в Слониме.

Звание Героя присвоено 16 октября 1943 года. В настоящее время живет в городском поселке Зельва Гродненской области.

— Говорю, не хватит.
— Б-батюшка! — старуха брякнулась в ноги.
— Н-ну, добро, — смилостивился тот. — Осенью отробишь. На вот серебряную...

Старуха поползла к иконе матери божьей. Повесила свою коровку как раз у большого пальца ноги «Тиоти»*.

Глаза Христа видели водопад золота, коровку, одиноко показавшуюся под ним, скорченную старуху, что вся колотилась, стоя на коленях, лицо старосты, глядевшего на все это...

Юрась поискал глазами. Взгляд его упал на волосяной аркан, обвязанный вокруг пояса у татарина.

— Дай!

— Ны можна. Ны дыля того.

— Ты просто не разглядел, на что еще он годен, — сквозь зубы сказал Юрась. — Дай!

Дернул за конец. Татарин завертелся, как волчок, подстегнутый кнутом.

— Бачка!

Но аркан уже разрезал воздух. На лице старосты пролег красный рубец. От удара ногою упала стойка. Золото с шорохом и звоном потекло под ноги людей.

* Языческое божество, слившееся в сознании верующих с образом богоматери. Считалась в Белоруссии покровительницей страны.

— Помогай бог! — басом сказал Фома. — А я подмогну!

К ним кинулись было, но они работали ногами и руками, как одержимые. Змеем свистел в воздухе аркан. Сыпались монеты. Хрустели, ломались под ногами свечи.

— Торгаши, сволочь! — глаза Христовы были белыми от ярости. — Торгаши! Что вам ни дай — вертеп разбойный сделаете. Крести их, Фома! Крести!

Они раздавали пинки и оглушительные оплеухи с невероятным проворством. Двое разъяренных вытеснили из храма, рассеяли, погнали, как хотели, толпу торгующих.

На ступеньках сидел с невинной рожей Раввун и по временам молниеносно ставил подножки убегавшим.

Христос отшвырнул аркан.

Перед храмом стоял остолбеневший народ и глядел, как человек сыплет в ладони старухе золотых коней, коров, свиней. Татарин в стороне, держа свой аркан, изумленно смотрел на старуху, на золото, на школяра.

— Бабуся, на, купи коров, купи всего! Никто нам, бедным, не поможет... Брешут все. Брешут.

Молодой осторожно стиснул Седоусому локоть:

— Говоришь — мазурик?.. А я думаю — правду говорили. Бог пришел. Бог! Никто, акромья бога, не пожалел бы... Я их знаю.

Татарин, услышав такое, начал проталкиваться через толпу к своему коню. Вскочил, пустил коня в намет, прочь от храма.

Юрась закрыл ладонями глаза: не хотел, не мог смотреть на белый свет. Потом его поразила тишина. Медленно сползли с глаз пальцы: люди стояли на коленях.

Пища для мужчин

Року того ж... маючи вожа дорог, ведома Марлора имем... уварвался и, пабивши людей, што (каждое) человечае место да кгрунту спалил...

«Крѣника Белой Руси».

Татарин мчал голым полем, как шальной. Дважды пересаживался уже на заводного коня. Кругом было безлюдье. Ни души. Только реяло впереди, возможно, над каким-нибудь яром воронье. Татарин подумал, взял правее, подъехал к пологому взгорку. По склону скатился в овраг.

Яр был битком набит людьми. Стояли нерасседланные, лохмоногие лошадки простых воинов, жевали сухой клевер арабские скакуны сотников. У большинства коней были на ногах овчинные чулки, а на храпах — перевязки.

Из глубокой котловины, вывороченной, видно, весенней водою, высились бока, горбатая спина и лобастая голова слона. Оружие слона, отполированная, толщиной с предплечье и длиной в две сажени цепь лежала в стороне. Слон вздыхал.

Всадник спешил, косолапо потопал к белому шатру, у которого сидел на кошме дебелый, еще не старый татарин. Сидел неподвижно, как божок, смотрел словно бы сквозь того, кто приближался.

Молодой довольно небрежно склонился перед ним.

— Отцу моему, темнику, хану Марлоре весть. Хорошая весть!

Вокруг глаз татарина образовалась сетка морщин. Продубленная ветрами и солнцем кожа у рта и редких усов пришла в движение:

Герои —
НАШИ земляки

Летчик-штурмовик
ЖИГУНОВ Владимир Романович

Сражался с фашистами на Воронежском, Степном, 1-м и 2-м Украинских фронтах. Участвовал в боях за освобождение Харькова, Полтавы, Кировограда, Львова, в форсировании Днепра, Днестра, Прута и Серета. За период с июля 1943 года по январь 1945 года гвардии лейтенант Жигунов совершил более ста успешных боевых вылетов, уничтожив при этом девять танков, тридцать автомашин, несколько зенитных батарей, складов с боеприпасами, железнодорожный эшелон и сбил в воздушных боях два фашистских самолета.

Родился Владимир Романович Жигунов в 1920 году в деревне Нашковичи Мстиславского района.

Звание Героя Советского Союза присвоено 27 июня 1945 года за успешное выполнение ряда важных заданий командования и личную храбрость.

— Весь день скакал, сын мой, первородный Селим-мурза.

— Спешил, отец мой.

Откинул потник со спины вспененного коня, достал из-под седла тонкий, большой, ладони на четыре, ломоть темного мяса. Протянул.

— Ты всегда подумаешь об отце, сынок...

— А как же?

Кониная была вкусна. Вся измочаленная и отбитая за день скачки, темная от доброго конского пота и пропахшая им. Нет на свете лучшего запаха, чем запах конского пота, это знают все...

— Садись, сынок. Ничего нет под небом аллаха вкуснее такого вот мяса. Пахнет полынью, где пасутся наши табуны.

— Пища для мужчин, мой отец.

— Ну так говори, Селим-мурза.

Молодой омыл ладонями лицо. Кошачья грация была в неторопливых его движениях.

— Край богатый, отец, — губы его, когда он это говорил, сложились, словно для поцелуя. — Но в простых хатах, как всегда здесь, можно брать разве что одних рабов. И они кроткие, ибо позволяют своим мулам брать у себя почти все... Живут тут белорусы, немного иудеев и даже татары, еще со времени Бату.

— Этих истребить, — сказал хан. — Так будет лучше для них. Магометанин, по закону пророка, должен отдавать предпочтение смерти перед пленом. Они уже — не мужчины.

— Крепости в небрежении. Очень просто будет пройтись стопою гнева и ужаса по ковру их покорности, превратить их землю в пепел отчаяния и разметать его нашими арканами.

Марлора оторвал кусок мяса, зачихнул его в рот сыну, который зажмурил ради этого глаза и по-гусиному вытянул шею.

— За хорошие вести. Иди в Горо-ды-ну. Скажи — не будет ясака,

не будет рабов, не будет золота, не будет сафьяна — мы выделаем сафьян из их шкуры.

— Есть и грустное, — сказал мурза. — У них... Только что у них объявился бог. Иса бен Мариам-ми, Иса Крису.

— Ты — видел? — пренебрежительно спросил хан.

— Как тебя. Он взял у меня аркан. Вместе с одним своим пророком он разогнал арканом целую толпу. Кто еще может такое?

— Б-бог, — хан щупал аркан. — Нет бога, кроме аллаха. Но помни, даже Бату избегал разрушать шатры чужих богов. Мало ли что! Это может нести ветер опасности. Когда столкнемся — бога брать первым. Скачи в Го-ро-ды-ну, сын.

Селим вскинулся на коня. Хан улыбнулся ему:

— Разговор — разговором, посольство — посольством, ясак — ясаком. Думаю: нам нечего медлить. Ужас — хороший помощник. А дадут согласие на дань — мы остановимся.

— Ладно.

Когда мурза тронул с места, хан хлопнул в ладони:

— Сбор!

Глухо зарокотали бубны. Стан пришел в движение.

Пятка сраму не имеет

И тогда этот паршивый нечестивец созвал к себе, — тайно и под покровом темноты — еще десятерых, чьи имена пусть не осквернят вашего слуха.

Восточная сказка.

Через два дня грохот татарских бубнов рассыпался над домами и улицами Городни. Нестерпимо, хотя тут его извергали всего два барабана и с десятков бубнов в руках охраны. Звук был нестерпим потому, что великая, мертвая тишина стояла на полных народом улицах города.

Шли посланцы от татар, а это означало, что и сама орда где-то здесь и уже льется кровь, лязгают, звенят мечи, свищут арканы и стон стоит в воздухе.

Никто не предупредил о появлении орды ни раду, ни духовный суд, сидевший в дворцовой церкви. Татарин приказал тысячнику Корниле не тянуть часами и днями, если не хочет, чтобы его тысяча встретила с тьмою, а сразу вести его «к Властителям». Иначе будет хуже. Каждая минута — сожженное село.

Ударяли, гремели бубны. И шел развалисто впереди своей охраны посыльный татарин. Ноги в сапогах с загнутыми носами уверенно попирали землю. А городенский синклит сидел в притворе дворцовой церкви и ничего не знал о нежданной радости, которую готовила ему судьба.

Перед почтенными и благородными ряскими стоял гонец.

— Интересно, — сказал Лотр. — Интересно было бы знать, почему вы сочли за лучшее оставить при себе вести о событиях в Новогродке, о попытке помешать Святой службе? Наконец... Это была ваша затея с голубями... Вы что-нибудь употребили?

— Употребил... — мрачно сказал мних-капеллан.

— Что?

— Я употребил этих голубей. Жареных в масле. Помните? Вы еще помогали мне их употреблять.

Кардинал поперхнулся.

Лицо капеллана обтянулось кожей. Безжалостно и жестко он сказал:

— Голуби вернулись без записок.

— Магдалина? — поднял Лотр недоуменные глаза. — Неужели?

Флориан Босяцкий кашлянул и ласково обратился к гонцу:

— Так что же это ты нам такое сказал? Как это разогнал торгующих?! Как дозволили?!

Гонец мучительно боялся принесенных им вестей.

— Отцы, — сказал он. — Это еще не все... Говорят, татары идут!

— Молчать! — вспыхнул Лотр. — Татары пришли и уйдут. А тот, кто замахивается на святыни, — это тебе не татары!

Неведомо, чем бы это кончилось для гонца, если б не послышались на переходах шаги, приглушенные удары и бряцание. Голос уговаривал кого-то подождать. Потом тысячник вошел, но не успели они спросить у него, что случилось, как с грохотом открылись двери церкви. Хлынула в церковь дикая какофония звуков. Бубны захлебнулись в гулких ударах.

Мурза Селим вошел бесшумно, как кот, и одновременно нагло. Дернул тысячника за нос, оглядел церковь, содрал с иконы бесценное «обетное» ожерелье из рубинов, почмокал языком, сунул за пазуху. Потом подошел к «вратам», прислушался, ударом ноги распахнул их. Оглядел бегающими глазами.

— Что? — резко спросил у толмача.

— Престол.

Мурза вскинул голову:

— Пристол. Сыдеть тут хочу.

И сел.

— Мыня слухай, владыри Го-ро-ды-на. Киназь Джикамон нета — Еы киназ... Ваш ответ... Что нада даете — татар не пойдут. Что нада не даете — татар пойдут. И пыль от Городына достигнет неба. И смрад от этой земли достигнет неба. Белый киназтва — будет кара, черный киназтва. Хан Марлора говорит. Я, Селим, сказал.

Мурза вытянул губы, словно для поцелуя, поднял руку, сжатую в кулак, и неторопливо стал разгибать пальцы. Один за другим:

— Золотых четыре тьмы, по одному на война, ибо сорок тысяч нас. Рабов четыре тьмы — на каждого война раб. И тьма рабов — мурзам и хану. И две тьмы золотых — мурзам и хану. И коней четыре и четыре тьмы, — он показал на оклады. — И золота вот такого четыре груды.

— Мы не из богатых, — сказал Лотр. — В скромной бедности живем.

— Лицо твое — пятка, не имеющая стыда, — оскалился крымчак. — Ибо не краснеет пятка. Что обманываешь? Смотри!

По стенам, иконам, статуям плыло золото. Властелины молчали. Селим не спеша вытаскивал саблю из ножен. Она выползала почти невидимыми рывками, как змея.

— Мгновение каждое прибавляет к вашей дани... Я вырву саблю и что тогда спасет вас?

И такая наглая сила была в этом голосе и в неторопливом выползании стали, что все словно услышали далекое гиканье, гул бубнов, рыданья верблюдов и ослов и шальной цокот копыт неисчислимой орды.

Сабля выползла почти до конца.

— Дан, — ощерился мурза. — Дан давай — жить будешь.

Люди в притворе переглянулись. И тут Босяцкий ласково, с чувством собственного достоинства поднял руку.

— Стой.

Мурза ухмыльнулся, с лязгом вкинул саблю обратно в ножны.

— Не угрожай нам, мурза. Мы достаточно сильны, чтоб растоптать вас.

Стража у дверей вскинула головы.

— И если мы все же дадим тебе то, о чем просишь, то не из боязни,— плоские глаза смеялись,— а потому, что так велит нам наш бог. Сказано ибо у Матфея: «И кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубаху — отдай ему и верхнюю одежду».

— Добрая вера,— сказал мурза.— Удобная для сильного вера.

— Ты что ж, не тронешь тогда земли? — спросил Гринь Болванович.

— Зачем «земли»? Вашей земли не трону.

Синклит думал.

— «Просящему у тебя — дай»,— наконец тихо сказал Лотр.

— И женщин дайте нам. Нам потребны женщины.

Мних тихо сказал:

— Машковский... Игуменье сказать, чтоб ту выдала басурманам,— и усмехнулся.

Татарин смотрел на шепчущихся, ждал.

— Дадим,— сказал Лотр.

И тогда отдался под сводами звук смачного плевка.

Плюнул человек, лет двадцати пяти, стоявший среди стражи. Худой, долговязый, но крепкий, в тяжких латах от шеи до ног (шлем он держал в руке, и длинные пепельные волосы лежали на стальных наплечниках), он вытирал тыльной стороной узкой и сильной ладони большой и твердый рот, рот одержимого. Серые глаза горели гневом.

— Эй, ты это что, в храме? — спросил Корнила.

— Кор-чма это, а не храм,— бросил человек.— Торг! Кто со мною? Мы им!

Несколько человек двинулись за ним.

— Будут воевать? — немного обеспокоенно спросил мурза.

— Отступники,— сказал Лотр.— Сказано «не убий». Тысячник, прикажи, когда кончим, замкнуть ворота и не выпускать из города мещан.

Вино ярости божьей

Тот будет пить вино ярости божьей, вино цельное, приготовленное в чаше гнева.

Апокалипсис, 14, 10.

Дня три спустя апостолы подходили к небольшенькому монастырю среди дубовых рощ и клеверных полей. Речушка окружала подножье пригорка, на котором он стоял.

Увидев белую игрушку обители, Юрась обрадовался. Можно заночевать под стенами. И Юрась велел раскинуться табором под огромными дубами, почти возле стены.

Когда под шалаши натаскали сена, когда горшок с варевом начал бормотать на огне, Юрась заметил, что Магдалине не по себе. Сказал ей:

— Ложись на сено да укройся. Я тебе капусты принесу.

Она легла под плащ. Ей, действительно, было не по себе. Закрыв глаза, она слушала их разговоры.

Вот возвратился с охапкой валежника телепень Филипп из Вифсаиды.

— Что за обитель? — спросил равнодушно Христос.

— Этого... Машковский какой-то... Во имя Марты и той... Марыли.

Магдалина содрогнулась под плащом. Она знала это. Только стена отделяет ее от той.

— Любопытный монастырь,— сказал Христос.— Вишь, что на стенах.

На низкой, в полтора человеческих роста внешней стене стояли де-

ревянные, в человеческую величину статуи. Туловища толстые, мясистые, глаза вытарашенные, головы большие. Статуи были окрашены в разные цвета: в розовый (лица), черный или рыжий (волосы), синий, голубой, красный и лиловый (одежда). Их раскрытые рты вроде бы дымились. И у святой Бригиты, и святой Цецилии, и у святых Катерины и Анны. Среди них стоял святой Микола с люлькой, и у того дымок вился над чубуком. У деревянного Христа дым завивался над прижатой к сердцу ладонью.

Святые смотрели на Магдалину неодобрительно. Она не знала, бредит она или нет. Стояли вокруг идола, качался дуб (а может, то было древо Добра и Зла), свешивался и шевелился в воздухе огромный лоснящийся змей.

В ужасе широко открыла глаза и увидела, что это не змей, что это Сила Гарнец, Яков Зеведеев, чмокает плотоядным ртом и блестит сомнительными глазками, показывая Христу здорового лилового угря. В лукошке у него было еще несколько более мелких: успел наловить в ставке.

«Почему я должна молчать? Надо сказать ему, что Анея здесь, выкрасть ее или взять силой, дорогою вырвать из отцовых когтей Ратму и убежать к панцирным боярам. Хата в лесу, оружие, вышка с дровами и смолой. Можно жить так двадцать — тридцать лет, подрастут дети и пойдут сторожить вместо отца. Будут богатыри...»

— Ты просила пить? — сказал Христос. — Пей... Напилась? А теперь поешь.

Она молчала.

— Э, да ты совсем плоха. Ну, давай покормлю.

Он ковырялся ложкой в миске. Потом она ощутила зубами мягкое и пахучее грушевое дерево, вкус горячий, живительно-влажной, наперченной капусты. Поймала себя на мысли, что с той поры, как живы были ее родители, когда сама была еще ребенком, — не было так спокойно, хорошо, надежно.

— Ну, вот, — сказал он. — Спи. Зажарим рыбу — тогда уж...

И она провалилась в дремоту.

Юрась смотрел на воду ставок, на синих стрекоз, летавших над водой, на лицо спящей. Из монастырских ворот вышли несколько молодых монахинь в белом, чернобровых, глазастых. У одной на плече была лютня. Он слышал громкие обрывки разговора:

— Чего это она и нынче добренькая, нас выпустила? И так третий день.

— И у игумений...

— Сердце... Знаем мы, что за сердце...

Одна девушка вдруг подала голос:

— Глянь, хлопцы какие. Это я их нашла!

— А раз нашла, так тащила бы сюда.

— Да, вишь, они недоумки какие-то. На ходу спят.

— Каши наелись.

Апостолы переглянулись. Потом Тумаш, Симон-канонит и Филипп махнули рукой и поковыляли в сторону девок. Крякнул Якуб — и тоже поднялся. Догоняя, бросились остальные. Раввуни задержался было.

— Иди, Иосия, — сказал Братчик.

Иуда побежал. Христос остался один. Сидел над панвами*, ворочал куски.

Магдалина пошевелилась. Христос положил ей на лоб ладонь, но руки были горячие от огня, так как он ворочал рыбу — не разберешь, есть

* Панва — глиняная сковорода.

си-
ны
ий,
ы-
ны
л-
ой

е-
ло
я-

то
и-
у-
ть

ы-
и
ми
и

рь

е
р-
и
о,

о-
х
т-

ий

п
е

л

у-

ь

жар или нет. И тогда он склонился и приложил к ее лбу губы. Нет, все хорошо. Просто огонь и свежий воздух.

Она ощутила прикосновение его губ. И этот простой жест вдруг неопровержимо сказал ей, что она никогда не откроет ему, что ждет его за этими стенами. Одно это прикосновение заставило ее понять то, в чем она целый месяц — а может и больше — боялась себе признаться.

И она внезапно вся задрожала от неодолимого, острого влечения к этому человеку, который сидел рядом и не думал о ней.

Мягкий вечерний сумрак прорезал девичий визг и крики.

— Что у них там? — встал Христос. — Вот черти!

Крик приближался. Христос смотрел в ту сторону, увидел, что это не просто полоса зарницы. Где-то далеко полыхало пламя.

Он увидел, что к стенам издали бегут несколько десятков женщин и мужчин в белом. Потом на значительном отдалении от них появилась какая-то темная масса. Некоторое время он не мог разобрать, что это. Но затем увидел блеск стали, хвостатые бунчуки, гривастые тени коней.

Те, что бежали, могли спастись. Нужно только открыть ворота. Он схватил Магдалину, поставил ее себе на плечи, потом поднял на руках высоко, как мог:

— Прыгай за стену! Прыгай!

Магдалина прыгнула.

— Беги к воротам! Стучи! Зови!

Сам он кинулся к воротам в этой внешней, низкой стене. Схватился за веревку колокола, каким вызывали сестру-привратницу. Ударил раз, другой, третий... Изо всех сил, близко уже, со всех ног летели беглецы. А за ними, прямо из зарева, мчалась орда, сотни две татар.

— Иги-ги! Иги-ги! Адя-адя! Иги-ги-и-и! — визг этот холодом отдавался в спине.

...Игуменья услышала все это, подняла голову. Пархвер, лежавший рядом с ней, лениво раскрыл большие синие глаза.

Христос метался у стены. В глазок увидел лицо Магдалины:

— Не отпирают!

— Беги, — голос у него одичал. — Бей, грохочи, руки разбей — достучись!

А позади слышалось:

— И-ги-ги! И-ги-ги!

Понял: не откроют. Теперь и самому не вскочить, и, значит, все попали в западню, и он тоже. Колодка на шее, цепи, аркан, путь в Кафу...

Он осмотрел стену и внезапно что-то мелькнуло в его глазах. А может, и вскочишь?

Христос помчался навстречу беглецам. Увидел у них в глазах дикое изумление. Саженой за десять повернулся и снова помчался к стене.

— Так! — хрипло крикнул Тумаш. — Так! Абы не полбн!

Он подумал, что Христос хочет разбить голову о камни. Но тот не думал об этом. Разогнавшись, прыгнул на стену и, сделав два шага по пологой поверхности, вскинул руки, зацепился пальцами за верхний край, ломая ногти, извиваясь, подтянулся и нечеловеческим усилием, усилием отчаяния и безысходности вскинул-таки ногу, а потом и сам сел верхом на замшелые камни.

В это время татарва нагнала и схватила Яна Зеведеева и Фому.

Над Иудой со свистом взлетел аркан, захлестнул глотку.

— Христос! — в отчаянии, с перехваченным дыханием, только и успел крикнуть несчастный...

...Игуменья и Пархвер, тащившие скрученную Анею к воротам внутренней стены, остановились, услышав этот крик.

— Ч-черт, что такое? — спросил богатырь.

Анея услышала визг и крики и поняла все. Игуменья еще позавчера открыла ей глаза на судьбу, ожидавшую ее.

— Открывай двери, — шепотом приказал Пархвер.

Игуменья не спешила: она расслышала, что за воротами, в двух шагах от них, кто-то глухо рыдал.

...Магдалина, до крови разбив кулаки, распростерлась на воротах, широко раскинув руки, как распятая. Одно отчаяние владело ею. Скажи она Христу обо всем — они прорвались бы сюда несколько часов назад, и тогда ничего этого не было бы.

— Тише! — сказала игуменья. И тихо, как кошка, взбежала стертими каменными ступеньками на забрало. Стена эта была втрое выше внешней. Припала к просвету между зубцами и увидела человека, который стоял на вершине оград.

Тогда она поспешно сбежала вниз, зашептала Пархверу:

— Этот на стене!.. И женщина тут, у ворот. Прознал!

— Выпускай!..

Связанная женщина безучастно смотрела в землю. Как только Пархвер оставил ее, она села: не держали ноги. Лицо было словно одеревяневшее. Игуменья покосилась на нее:

— Ему в руки?

— Черт с ним! Обоих схватят.

— Нет, — властно отрубила она. — Повели в вежу! Откроем внешние ворота. Если схватят — выпустим... Надо выбираться отсюда. Ходом... Он выводит в яр. Там ждут кони.

— Приказа не исполнишь, — рассердился богатырь.

— А как выпустим да они чудом утекут, что тогда? Мне духовный суд? А уж тебе Воздыхальни не миновать.

И вновь раздался душераздирающий крик:

— Христос!

Этот крик вернул Анее сознание, она вскочила на ноги:

— Ю-рась! Христос! Христо-ос!

Пархвер бросился к ней, подхватил под руки, бегом помчался к башне. Игуменья за ним.

— Хрис...

Ладонь Пархвера закрыла ей рот.

Школяр на стене, услышав крик, выпрямился, глаза стали безумными.

«Послышалось? — подумал он. — Она?.. Да нет, никто не кричит. Послышалось...»

Внизу все еще мельтешила толпа, кипела свалка, раздавались крики. Иуда сдавленным голосом спросил:

— Оставляешь нас?

Вместо ответа Юрась побежал по стене. Остановился.

— Ложи-и-ись! — неистово закричал он.

Люди начали падать лицами на землю. И тогда Христос ударом ноги скинул вниз одну фигуру святого — большой улей из долбленной липы. Улей грохнулся вниз, раскололся, будто на два корыта. Вывалились круглые решета вошины. Христос побежал по стене, понимая, что останавливаться нельзя: зажалют досмерти. Бежал и толкал другие ульи. Святые падали, разбивались. Все гуще и гуще клубился в воздухе «дым», все громче звенел, гудел, многозвучно гневался воздух.

Он бежал и сбрасывал, бежал и сбрасывал. Катерину... Анну... Микоу с люлькой... Самого себя, деревянного.

Кто-то закричал внизу. Пчелы нашли врага. Они не трогали тех, что лежали неподвижно, бросались на тех, кто двигался, на татар.

Взлетали и взлетали черные рои. Татары истошно закричали, отмахиваясь и вертясь. Головы некоторых из них уже напоминали подвижные, живые шары.

Вызволненные бросились к ставам, с ходу прыгали в воду. Один, другой, третий крымчак грохнулся наземь с ошалевших лошадей. А вскоре вся свора бешено скакала прочь, волоча за собой пчелиную вуаль. Она вилась, налетала туманными струями, гудела, отлетала и нападала снова.

— Вот вам и инвазия! — кричал Христос.

Услышав победный крик, игуменья тоже закричала:

— Говорила ж тебе! Ну, в вежу! Вот бы и выпустили. Тащи! Скорей!

Лязгнул тяжелый бронзовый завал. Загудели медные двери. Магдалина осела на колени, медленно упала на землю.

Апостолы ловили перепуганных татарских коней. Кричал на всех отчаянно Христос:

— Лови их! Да скорей вы, черти! Давай-давай!

Ему подвели коня, он вскочил в седло. Подождал, пока сажали на коня Магдалину прямо в объятия Тумашу, крикнул:

— Ну, скорей!

Пустил коня в намет...

...Миновала короткая, на две птичьих песни, ночь самого начала августа. Стало светать. Солнце вот-вот должно было взойти. Предутренний ветерок бродил в некошеных травах.

Остановились на самой вершине холма. Перед ними была ложбина. По ней петляла, довольно близко подходя к гряде холмов, проселочная дорога. На юге, где могла подстергать опасность, дорога выныривала из пуши за каких-нибудь пятьсот саженей: чтобы убежать — хватит с лихвой.

Магдалину сняли с лошади, но привести в чувство никак не удалось. Поставили на страже Иуду, а сами разлеглись, чтобы хоть немного вздремнуть. Постепенно все смолкли. Задремал и Христос.

...Скрип, голоса и крик животных были не во сне. Он увидел на гребне окаменевшую фигуру Иуды, глянул и ужаснулся: бежала толпа, вернее, пыталась бежать, но не могла. Словно в кошмарном сне.

Гнали стада коров, запыленных овец. Девочка едва переставляла ноги, неся на руках котенка. Тащили какие-то тележки, толкали тачки со скарбом. Скрипели возы.

Возможно, море так и проплыло бы мимо них, но в нем плыли трое знакомых — «слепцы». Один из них заметил его, толкнул дружков.

— Он, — сказал кто-то из них, всмотревшись.

И тогда мазурик дико и пронзительно завопил:

— Браты в го-ре! Лю-юди! Никто нам не подмога! Бог только один!

— Вот он! — показал другой. — От слепоты излечил меня!

— Он Городню от голода спас!

Люди начали замедлять шаг. Кто прошел мимо — оглядывались.

Братчик вдруг увидел, что толпа сворачивает с дороги и плывет к пригоркам. Приближалась, постепенно обступала их. И внезапно стон, казалось, содрогнул пригорок.

— Боже! Боже! Видишь!

Тянулись черные ладони, худые жилистые руки. Тысячеглазая боль снизу ползла к школяру.

— Спаси! Ратуй нас! Ратуй!

— ...Я нищий, как вы, бессильный, как вы.

— Покажи силу твою!

Взывали глаза, руки, рты.

— Я — самозванец! Я — мошенник!

Но никто не слышал его слов.

— Ратуй! Ратуй!

— Что делать? — тихо спросил Раввуни.

— Ничего, — сказал Фома. — Тут уж ничего не поделаешь.

И Братчик понял, что тут, действительно, ничего не поделаешь. Поднял руки, держал их над криком, а после над тишиной...

Весь день и всю ночь кипела, бурлила тысячерукая работа. Согласно неизвестному пока плану, Братчика люди пришли на это озеро, с трех сторон окруженное лесом. Большое, мелководное и топкое озеро с островками.

На самом большом островке был некогда замок Довыдовичей-Коротких, потомков пинских князей. Замок давно был разрушен. Оставалась только затравенелая дорога через лес.

Дойдя до озера, дорога всползала на искусственную дамбу. Когда-то, когда замок был еще цел, людей и лошадей перевозили отсюда до острова на больших тяжелых плавницах. Теперь плавницы догнивали на берегах и на дне. Да и сама дамба заросла по обоим склонам большими, уже медноствольными соснами, ольхой, дубками и могучими осокорями.

Толпа занималась тем, что тянула дамбу еще дальше. Мелькали лопаты, скрипели колесами возы с песком, сыпалась земля. Увязая в иле, люди тянули верейки с землей, трамбовали. Кипела бешеная работа. За сутки дамбу протянули сажень на двести. До островка оставалось еще столько. И тогда работу прекратили. Стали забивать в дно сваи.

Гонцы, посланные в сторону татар, оповещали, что Марлора идет, что он близко, что часть всадников во главе с Селимом отделил и послал на Волхово болото.

Христос задумался. Позвал распорядителя, мрачно сказал:

— Скорей забивайте сваи. Не поспеваем... Гонец, окачи к Марлоре, передай ему вот эту жменью земли.

— Землей кланяться?!

— Лучше пригоршней, чем всей, да еще с твоей шкурой в придачу. Скажи, что воеводы разбежались, что попы — молятся, что не имеют они права говорить, если сам бог тут... Скажи: пусть возьмет сорок человек и ждет меня на Княжьем кургане. Скажи: я возьму тридцать. Слово даю!

Мясо по-татарски

В другой раз я хотел подтереть зад кошкой, но она поцарапала мне оба полушария.

Рабле.

Курган был утоптан столетиями до каменной твердости, зарос польным, репейником, усеян синими звездами цикория и весь заставлен могучими бойцами-чертополохами, топырившими свои стальные копыя.

Христос смотрел на грузного хана.

— Кх!.. Мы говорим и говорим, но у нас, видно, ничего не выйдет.

Придется идти с кровью и пеплом. Видит аллах, я не хотел этого. Зачем ты кланялся мне землей? Какой смысл в этой горсти, неверный?

— Уходи, пока не поздно, хан!

— У меня четыре тьмы людей. У тебя едва наберется одна тьма, без мечей и без кольчуг... В трех часах пути у меня еще три тьмы. Тьма блуждает по вашим городам, и ведет ее сын мой. Даже если ты бог — ты бессилен! Бог за тех, у кого сила... Ну, какой еще смысл в этой горсти?

— Можешь засыпать ею свои глаза, чтобы они не видели, как убегают твои четыре тьмы!

Христу нужно было разозлить Марлору. Чудовищно, до животной ярости разозлить. И не против кого-нибудь, а против себя.

— Бесстыдное нахальство — щит трусости, — сказал хан. — Что можете сделать вы, люди пугливой веры, зайцы? Я у вас сорок городов сжег. Ясак брал. Рабов брал. И только один раз видел врага в лицо!

Юрась издевательски спокойно сказал:

— Ты сказал «бог за того, у кого сила». Так вот, я встал против двух твоих сотен и погнал их, как трусливых тварей, как крыс.

Марлора привстал:

— Так это был ты?

— Я!

— Интересно посмотреть, какая у бога кровь.

Христос вынул нож и резанул себя по руке. В запястье.

— Вот, — спокойно сказал он.

— Тц-тц-тц, — сказал хан. — Как у всех.

— Как у всех. Потому — беги!

Марлора закатил глаза. Он гневался все больше и больше.

— Люди... Люди ваши тянут каждый в свою сторону. Нет и не будет у вас такого, как у нас, — он привстал на колени и повел мутными глазами вокруг. — Вот гляди! — и он хлопнул в ладони.

— Джанибек!

Крепкий, не старый еще джура* сделал шаг вперед. Не склонился, не кинулся в ноги, словно понимал, что его ждет, и знал, что пред ним все равны и даже он, джура, идя на это, стоит вровень с ханом.

— Да, наимудрейший, — спокойно сказал он.

— Докажи свою преданность ханству и мне.

— Слушаюсь, луноликий.

Невольно холодея, стояли на склоне воины Христа и он сам. Джанибек спокойно раскрутил аркан, сбросил кушак, стянул кольчугу. Потом косолапо пошел с кургана. Марлора смотрел на него с гордостью.

Джура сошел в полной тишине. Снял кривую саблю — ялмань, воткнул ее в землю. Крепко воткнул. И потом — никто и слова сказать не успел — бросился на нее животом.

Христос стоял белый, как бумага.

— Видел ты, желтоухий? — торжествовал хан.

Джанибек внезапно закричал, грызя землю:

— Не забудь меня в раю аллаха!

— Вот чем мы побеждаем, — осклабился хан. — Есть такое у вас? Может быть?

Хан повернулся, и тогда Христос ударил хана в зубы. Лязгнули челюсти. Марлора покати́лся с кургана.

Татары схватились за сабли. Но вокруг Юрася уже трепетали положенные на натянутые оленьи жилы перистые стрелы.

— Вот так ты и будешь лежать! — сказал Христос.

* Воин-порученец.

Хан поднялся. Лицо его было в земле и нельзя было не ужаснуться, глядя ему в глаза.

— Эй, хан,— сказал Христос,— ты помни, нельзя играть с рысьей лапой. Бери орду, иди прямо на север! Я тебя жду.

Все начали спускаться с кургана к лошадям.

Меч и жало

Татарове с великим лупом шли... супротив которых... он, с малым людем выправивши, народ поганский за помощью божаю неспадено поразил и погромил, и лупы поодбирал.

«Хроника Белой Руси».

Христос стоял под дубом и смотрел вверх.

— Что, не видать? Тумаш!

В дубе было дупло, а из него торчало круглое, с вислыми щеками лицо Фомы. Вытаращенные глаза ворочались. Казалось, в дупле сидел огромный пугач. Затем этот пугач свистнул.

Юрась шел неторопливо, как и прежде. До леса было недалеко, до гряды — сажен двести.

Орда появилась на гребне гряды внезапно. Один всадник... Десять... Много, до жути много всадников, словно вырос на гребне лес.

Он неторопливо шел к пуще, спиною почуял: заметили.

— Ага-а-а-а! — певуче взвился голос.

Дико закричал Марлора. Затем гроыхнули бубны, послышался все нарастающий оглушительный топот; с гиком ринулась лава.

— Берите бога! — кричал Марлора. — Бога берите!

Юрась вошел в лес. Пропал. Если бы Фома увидел его в эту минуту, он бы немного успокоился. Ибо человек, скрывшись с глаз, вдруг рванул с места так, что мог бы убежать и от стрелы, пущенной ему в спину.

А позади все нарастал и приближался топот.

Ноги не держали его, когда он вылетел на дамбу, увидел с двух сторон искристую синь озера, а перед собой ровную ленту насыпи. Он бежал и теперь, может быть, даже быстрее, ибо выкладывал последние силы, но все время оглядывался, чтобы прекратить бег, как только они появятся.

И вот — выскочили! Он пошел спокойно, как прежде.

— Живьем брать!

Скакали. Настигали. Христос шел, словно не слышал их.

И вдруг Юрась остановился. Дамба кончалась и впереди было зеркало воды. Хан захохотал:

— Живьем!

Они были уже совсем близко. Еще немного и — бросок аркана. Один аркан упал саженях в четырех от него.

И тут Христос обернулся и, перекрестившись, спокойно шагнул в воду. Шел дальше и дальше, словно плыл в воздухе. А на срезе насыпи стояла ошеломленная орда. Марлора завопил, укусив себе большой палец руки, и кровью начал чертить на лице знаки.

— Мусульмане! С нами аллах! Тут мелко! В погоню!

Лавы вспенила воду. Впрямь было мелко. Но они двигались по вязкому дну, а человек шел по срезам свай, почти по самой поверхности.

Глубже... Глубже... Начали вязнуть кони. И тут Христос поплыл. Плыв довольно быстро. Из-за островка вывернулась навстречу ему по-

хожая на пирогу плавца. Челн скользил, словно по маслу. И тут Марлора понял: нападут на челнах.

До берега было сажен пятьсот. Но дамба, вот она, рукой подать. А в лесу нет людей. Иначе кричали бы, клекотали специально обученные кречеты на плечах у воинов.

— Назад! — крикнул он. — На насыпь.

Орда повернула. Пенили воду кони. На дамбе погонщик старался поворотить слона. Неуклюжий гигант топтался на месте.

Марлора с ужасом увидел, как на дамбу, словно в страшном сне, начал падать лес, росший по склонам. Падали сосны, тополя, ольхи, видно, загодя подпиленные. С треском взлетали высоко вверх куски дерева, шумели ветви. Через несколько минут вся дамба была, как сплошной непроходимый завал. Ошалевший слон бухнулся в воду, увязая в иле.

И тогда конники, обтекая дамбу, увязая, начали рваться к берегу. Кони падали — кто-то натыкал в дно острых ольховых тычков. Люди падали, кони топтали их. Барахтался в воде, топя всадников, боевой слон.

А из-за островов выходили новые и новые челны-пироги с лучниками. Стрелы летели роем. И эти люди плыли среди увязших и били, били, били на выбор. Татарам нечем было ответить. Единственный выход — вырваться на берег.

Он был уже близко. Между татарами и берегом лежала не слишком уж и широкая полоса, густо заросшая кугой, желтой кубышкой, очеретом и кувшинками.

Белые кувшинки. Хан стремился к ним, как к самой жизни. За ними — твердая опора для конских копыт... Конь внезапно осел. Марлора высвободил ноги и ухватился за хвост коня. Нащупал ногами прунт, встал.

И тут, из-под кувшинок, выросли, встали ряды. Будто сама вода родила их.

Полетели камни их пращей. Праща не лук, она не боится воды. Град каменьев. Каменный дождь, как в коране. Воины падали, ошалевший слон хватал хоботом своих же, вертел в воздухе и подкидывал высоко в небо.

Вода пенилась под камнями. Марлора увидел, что часть всадников все же прорвалась, но он уже не верил и потому не удивился, когда пуца ответила дождем стрел.

А затем увидел, что над ним высится, стоя в челне, этот Христос.

— Шайтан! — неистово крикнул Марлора. — Сын ишака! Осквернитель гробниц!

И с удивлением услышал, что в голосе врага — грусть и почти жалость.

— Дурень, — невесело сказал Христос. — Татары тут живут. Молятся по-своему. Добрые, мирные люди. Честные, чистоплотные.

Марлора старался неприметно, под бодой, вытащить из тула стрелу (лук был тоже под водой).

Жалобно тенькнула подмокшая тетива. Стрела упала возле челна, рыбкой вошла в воду, всплыла и закачалась стоя.

— Смерть несла, — сказал Христос. — Как ты. А теперь? Слушай, кончим дело миром... Дашь слово не приходить — пуцу.

Хан сплюнул.

— Пожиратели падали! У сына большое войско. Сдавайся! Даю одно слово: не убью тебя, даже, рабу, ушей не прокалю.

Христос спустил стрелу, и она вошла Марлоре в лоб.

Над озером догорало лютое истребление.

Узнав о гибели отца, мурза Селим уже четвертые сутки кружил, не ввязываясь в бой, отрывался, делал ложные выпады, проходил стороной, нападал на деревни, жег. И все же Братчик, у которого повсюду были уши, неуклонно настигал, находил, теснил все еще могучие и грозные остатки орды. Нечего было и думать взять их хитростью. Приходилось искать открытого боя, и сердце у Братчика болело при мысли о том, сколько будет убитых. Но он чувствовал — без сечи не обойтись.

Наконец они сами начали палить лес и перестойные сухие травы. Малые отряды рассыпались впереди, чтобы поджигать там, где орда могла прорваться. Отрезая дорогу огнем, понуждая ее сворачивать туда, куда ей не нужно, рать постепенно стягивала вокруг крымчаков огневую петлю.

Наконец им удалось затянуть мешок. Они прижали мурзу Селима к Неману у деревни Береза. На той стороне, так же как и на этой, ярко горели леса и курились болота. Идти рекой мурза не рискнул. Помнил, чем кончилось крещение на озере.

Он не боялся. Его люди не отставали: отстать — означало умереть. А люди Христа, стерши ноги или обессилев, охотно оставались среди своих. Значительно лучше вооруженный, хотя и равный количеством людей, татарский загон знал, что победит.

Но когда утром на широком поле появилась белая цепь и зазвучала «Богородица», Селим понял, что он погиб.

В четырехчасовой лютой сече воины Христа взяли поле. Взяли большой кровью, но не выпустили ни одной души.

Под вечер сквозь толпу провели на аркане мурзу Селима. Но еще до того, как Юрась начал с ним говорить, пришли выборные от мужичьей рати и попросили отпустить их. Лето клонилось к осени, хаты были спалены, нивы выбиты. Надо было собрать хотя бы то, что не вытоптали, да поспеть вырыть землянки.

Юрась увидел, как какой-то мужик, подобрав ятаган (а он, изогнутый, рубит внутренней стороной, точно серп), рассматривает сталь, трогает ее пальцем. Наконец мужик радостно ухмыльнулся, наклонился и начал ловко резать ятаганом траву: догадался.

И Христос понял — не удержать мужиков. Силуэт его на фоне вечернего неба поник. Будто стержень вынули из него.

Наконец разошлись почти все. Под пригорком стояли только два отряда: один — стража из Мира, беглецы, все в железе и с добротным сружием, хотя и в невеликом числе, и довольно большая толпа мужиков.

— Волковыйские мужики, — сказал Тумаш. А Иуда тихо добавил:

— Отпустил — напрасно.

— Почему? — спросил Братчик.

— Дурень ты, — сказал Фома. — А что если западня?

— Будет, — показал на толпу Юрась. — Хватит крови!

И тут захохотал мурза:

— Вот! Вот тебе и конец дороги твоей, бог. Вспомни Джанибека, что прошел уже по лезвию райского моста, что лежит сейчас среди гурий! Могло у нас быть такое, чтоб победив, сразу думать, не доведется ли отдавать аллаху души свои, — он захлебнулся. — Ы!-ых-ых!.. Волшебством вырвал победу, а не мужеством. Аллаху было угодно...

Христос не выдержал.

— Что-то у тебя, мурза, память девичья. Часто ж он вам изменяет, аллах! Часто же мы вас вслшебством побивали. Забыли, как вы, Киев взявши, на нас, белорусцев, шли? Как тогда под Кричевом простой му-

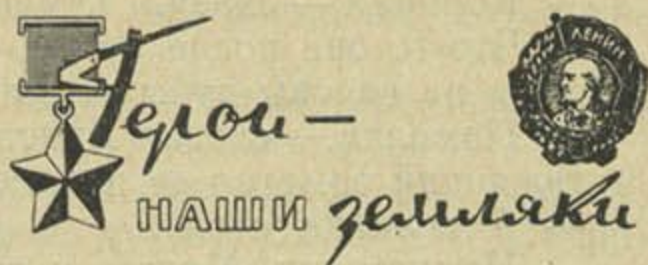
Пулеметчик
ЖМУРОВСКИЙ Дмитрий Петрович

Среди советских воинов, которые в марте 1944 года первыми вышли к реке Прут, на государственную границу СССР, был и пулеметчик Дмитрий Жмуровский. А вскоре батальон уже начал переправляться на противоположный берег. Немцы, обнаружив переправу, открыли сильный огонь. Но Жмуровский с товарищами все же преодолели реку и вступили в бой. Только за день они отбили двадцать вражеских контратак и удержали захваченный плацдарм до подхода помощи. Переправившись, бойцы батальона завязали бой за деревню Кирпицы, в ходе которого Жмуровский уничтожил пулеметный расчет противника и около пятидесяти гитлеровцев.

А спустя день при штурме безымянной высоты близ дороги на город Яссы он, зайдя в тыл врага, метким огнем нанес фашистам большие потери. В этом бою отважный пулеметчик был тяжело ранен, но, несмотря на это, продолжал бой...

За мужество, проявленное в боях с фашистскими захватчиками, 13 сентября 1944 года Жмуровскому было присвоено звание Героя Советского Союза.

Родился он в 1918 году в деревне Борисовичи Климовичского района. Ныне доцент Дмитрий Петрович Жмуровский работает в Белорусском государственном университете имени В. И. Ленина.

жик Иванко Медовник с ратью своей вас гнал? И как мы вам еще под Крутогорьем накостыляли! Ты на нас больше не пойдешь!

— Убьешь? — нахально спросил Селим. — Н-ну. Мы смерти не боимся.

Юрась все еще держал в руках столбик клейма.

— Зачем? Просто клейменный позором — не хан. Помни Кричев! Помни Крутогорье! Помни Волховы болота! Помни это поле! А вот тебе и метка на память!

И с силой ударил клеймом в лоб мурзе.

— Иди теперь к себе. Сиди с женщинами на их половине. Подбирай за конями навоз. Чтоб знал, как жить разбоем.

— Убей! — осознав все, с надеждой сказал мурза.

— Иди! Дайте ему коня.

Мурза побрел к пригорку. Сел в седло. Тронул коня. Лишь бы куда...

И тут встревожилось воронье над лесом. Встревожились мужики под пригорком. Встрепенулись мирские всадники.

От пущи тянулась кавалькада: несколько десятков всадников во главе с человеком в латах. Рядом с ним ехал некто в плаще с капюшоном.

— Корнила,— сказал Тумаш.— И каплан Босяцкий с ним.
— Что-то они после мессы,— сказал туповатый Пилип.— Этого... как татарам на головы дубы валили, так они...
— Помолчи,— сказал Христос.— Иди, Мария, встретить их...
Босяцкий заметил ее издали. Шепнул Корниле:
— А мужики стоят.
— Немного их. Можно и силой...
— Посмотрим. Шуму не хочется. Попытаемся иначе.
Они неторопливо ехали за Магдалиной к пригоркам.
— Ты знаешь, девка, что он страшен, что нельзя уже его использовать для победы над курией?
— А мне что!
— Изменила,— ласково сказал друг Лойолы.— Забыла, кто тебя из грязи поднял...
Босяцкий немного испугался — таким презрением каменело лицо женщины.
— Все меняется, не меняетесь только вы да властители! — сказала она.
— Да я не о том. Вот кабы помогла нам, убедила, чтоб ушел без стычки за рубеж — пошла бы с ним. И он стал бы твоим. Подумай, как много мы тебе даем!
— Много,— сказала она.— Только не уйдет он за рубеж.
Капеллан говорил с ней, нагнувшись с седла, чтобы никто не слышал. И она с неожиданной силой отпустила ему пощечину.
Мних вспыхнул, но сдержал себя.
Они подъехали к холму и, конные, стали перед Христом. Юрась смотрел в серые, слегка в прозелень, глаза капеллана — холодные, будто у ящерицы.
— Когда я их бил — вы молились. А теперь налетели на готовое.
Мних усмехнулся одними глазами.
— Гордыня? Так. И неразумность. Без церкви, учти, сын мой, не было бы победы. Без церкви ничего не бывает.
— Мочись вам в глаза — скажете: божья роса,— буркнул Богдан Роскаш.— Ну, а он?
— А он, милый Тумаш, повсюду записан, как шалбер, что «имя божье себе привлачил» *.
— Ничего,— сказал Равруни,— правда есть.
— Не тянись, любезный,— сказал капеллан.— Правды в таких делах не было и не будет. Это мы тайно управляли вами. Ты что это пишешь, иудаист?
— То, что сказано,— Равруни спокойно водил стилосом.— И потом ты, по слабости мозгов, не так назвал нас. Я не иудаист. А он, Христос, не католик. А вот Фома не православный. Это такая же правда, как то, что ты не человек, а гнида, которой досталось панство...
— Кто же вы, любопытно?
— Мы — люди,— ответил человек.— Мы люди, потому что мы отверженные всем этим миром лжи... Но мы, оболганные клеветой, битые — мы и есть люди во всей правде своей. И нет никакой иной правды: ни правды Шамоэла, ни правды Лотра, ни правды Яхве, ни правды Христа. А коли есть, коли несете ее нам вы, то...
— На хрена нам такая правда,— закончил Фома.
— Правильно,— подтвердил Равруни.
Капеллан понял, что разговора не будет. Оглянулся. И сразу Корни-

* Присвоил.

ла со скрежетом потянул меч. И тут рядом с ним спокойно сказал какой-то мужик:

— А ну, не рушь! Не рушь, нашей мовой говорю тебе, падло ты свинячье!

Босяцкий обвел глазами толпу. И вдруг испугался, увидев, что мужики держат полунатянутыми тугие луки из турьих рогов. Кто предполагал, что тут не топоры против мечей и копий, что это — охотники с юга? Топор — пустяк. Даже меч не берет миланских лат. Но против таких луков они — яичная скорлупа.

— Успокойтесь, люди,— мягко сказал он.— Тысячник погорячился. Но эта горячность заслужит прощение от бога, как и ваша неучтивость. Церковь никого не тронет, клянусь вам... Расходитесь. Пашите. Мы снисходим до вас...

Стража с отрядом, присоединившимся к ней, поскакала от костров в ночь. И едва смолк цокот копыт, как эти костры начали шипеть и взрываться паром, ибо их заливали водой.

Ночь осыпалась звездами. В темноте, казалось, не было дороги.

Муки рождения

Перапёлка! Ты ня ві гняздэчка блізка ля дарогі, перапёлка!

Песня.

... В том августе целую неделю лили страшные дожди. Не было дня, чтобы не выпал град. Земля не могла больше впитывать влагу, и воды широко разлились полями. По этой дороге, что не была даже грязью, а потоком, шли на север четырнадцать человек. Изнемогали, падали и снова шли, голодали.

За ними гнались по пятам. Видимо, повсюду были разосланы приказы, ибо несколько раз их хотели схватить, и спасались они только чудом.

Рыскали по дорогам разъезды. Проверяли у околиц. Ночуя в лесу, не раз они слышали лай собак. Слышали на ночных дорогах шаги, голоса, топот, временами какой-то крик. Они скрывались от людей, и поэтому не знали, что не одни бегут на север.

Бежали толпами. Бежали от холода и разорения, от плетей и податей. Бежали, чтобы не умереть. Пускались в путь целые деревни. Некоторых останавливали и поворачивали обратно. Но они не знали этого. Стократ на дню умирали и оставались живы и в недоумении были, когда же родится правда.

Их гнали, как мальков на отмели, как перепелов в жите. Надо было остановиться. Нельзя было больше бежать...

„Прости, мать! Тебе не надобно!“

Потым тые шалберове облудные оного свойго облудного (Христа) до алтаря пресвятой богородицы привели, где был образ оный чудовный. А мел той шаленый двоистую сукню...»

«Кроника Белой Руси» каноника Стрыковского.

Они вошли по раскисшей, страшной дороге в предместье Вильны и подошли к Острой святой Бrame.

Бурлила перед Брамой толпа. Толкались, гомонили, слышались про-

клятья, божба, смех. Но чем дальше они продвигались к арке, тем все более тихо и чинно становилось, будто люди на глазах превращались в ангелов.

Не снимая шапок, прошли воротами — никто не придрался. Возможно, просто никто не заметил, что это за птицы пришли с Мединикайской дороги.

— Вот тут и начнем, — сказал Христос. — Коли уж не услышат грома возле святыни, то нигде не услышат. Тут и ударим.

...Почти нагой, он стоял за аркой глухого переулка, выходящего на Татарскую улицу.

Между тем Магдалина занималась странным делом. Раввуни только что всунул одно верхнее платье в другое, расправил их на плитах мостовой. Магдалина, сметав оба платья по вороту, пришивала одно к другому. Потом зашила их по бортам, оставив на груди распор, в который могло пролезть два кулака. Раввуни тем временем прочно сшил оба платья у пояса. Всунул кулак в распор, попробовал разорвать сшитое — крепко. Не удалось даже Фоме. Потом оба платья приметали по краям подолов.

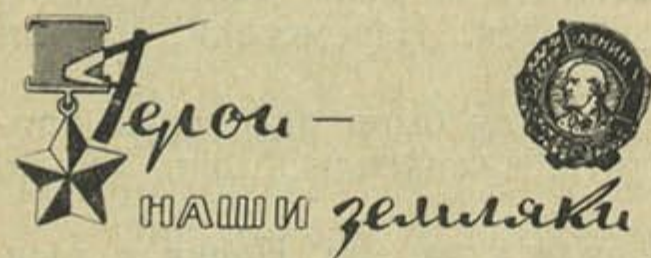
— А ну, Пилип, — сказал Юрась, — набери камешков да сыпь мне за пазуху.

— Оно... да зачем?.. Холодные.

— Порассуждай мне еще, долбня, — льстиво сказал Петро. — Бог, он знает.

Пилип нагреб жменю камешков.

— Кул-да ты, — рассердился Христос. — Не в распор, за пазуху, го-

Минометчик
ЖОЛУДЕВ Наум Ильич

Минометный расчет, которым командовал гвардии младший сержант Жолудев, 29 сентября 1943 года получил боевой приказ форсировать Днепр в районе деревни Колеберды Полтавской области. Переправившись на правый берег, минометчики открыли огонь по врагу, прикрывая переправу других подразделений. Фашисты пытались сбросить смельчаков в Днепр, но безуспешно. Шесть суток вели минометчики бои на захваченном плацдарме, отбив несколько контратак врага. 5 октября фашистам все же удалось приблизиться вплотную к минометному расчету. Гвардейцы встретили их гранатами. Жолудев вел огонь из уцелевшего миномета. Гитлеровцы не выдержали и снова отступили. За время боев на этом плацдарме расчет Жолудева уничтожил более ста фашистов и несколько огневых точек врага.

Родился Наум Ильич Жолудев в 1922 году в Гомеле. Звание Героя присвоено 20 декабря 1943 года. В настоящее время продолжает служить в Советской Армии.

лова ты еловая. Между платьями и рубахой. Чтоб только пояс держал. ...Они подошли поближе к матери божьей Остробрамской. Опять в шапках. Нарочно. Чтоб видели. И случилось так, что первый человек, подскочивший к ним, был тот Седоусый, что видел Христа во время изгнания торгующих из храма, и первый признал его не за мошенника, а за бога, став на колени.

— Шапку скинь, басурман!

На крик оглянулись близстоящие, и тут Христос с удивлением увидел в толпе множество знакомых лиц. Был тут молодой сподвижник Седоусого, старуха, что некогда молила о корове, еще кое-кто и — он не верил глазам — тот самый предводитель волковыйских мужиков, что защитил его от Босяцкого и Корнилы, а потом оставил, сказав: «Ты весной приходи. Как отсеемся».

Толпа уже заметила человека в шапке. Отовсюду проталкивались ревнители святости места.

— Шапки долой! Шапки прочь! А ну, сбейте!

— Сто-ой! — завопил вдруг Седоусый.

Кричать, тем более горланить тут было не положено, и поэтому толпа смолкла.

— Этому дозволено! Он татар погромил! Это Христос!

Тишина. Оглушительная тишина. И вдруг толпа взорвалась таким криком, которого даже в самые страшные осады и сечи не слышали эти седые стены. Вскинулись со звонниц вороны.

— Христо-ос!

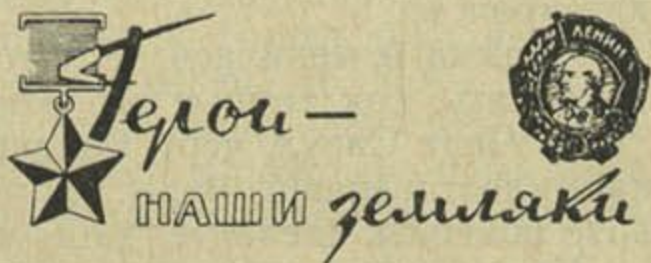
— Пришел! При-ишел!

Командир полка
ЖУК Александр Афанасьевич

Когда наши войска вышли к Одеру, первым форсировать реку было приказано полку, которым командовал подполковник А. Жук. А утром следующего дня специальный отряд начал переправу. Фашисты бросили против смельчаков авиацию, открыли огонь из орудий и минометов. Бойцы залегли, затем подержанные огнем своей артиллерии снова бросились вперед. Вражеский берег встретил их ливнем свинца. Но советские воины во главе со своим командиром потеснили фашистов и захватили плацдарм, постепенно расширив его. Подтянув резервы, гитлеровцы перешли в контратаку. Имея большое численное превосходство, они стали теснить наших бойцов к реке. Тогда Жук вызвал на себя огонь нашей артиллерии. Враг был отброшен. А ночью к ним пришли на помощь основные силы дивизии...

За мужество и отвагу, проявленные в боях на Одере, Александру Афанасьевичу Жуку 29 июня 1946 года было присвоено звание Героя Советского Союза.

Родился он в 1918 году в деревне Веска Любанского района. Сейчас живет в Москве.

- Заждались мы! Шкуру с нас последнюю заживо содрали.
- Пепелища, разор вокруг! — плакали запрокинутые глаза.
- Магнаты да попы ненасытные!
- Заживо помираем!

Тогда он стал подыматься на гульбище. Он был уверен: правильно делает, что наносит удар здесь. Только не знал, что тут столько шедших с ним на татар, знакомых, с которыми будет легче.

Вот они. Море.

Капеллан встал перед ним, загородил дорогу.

— Стой! Ты кто?

— Христос.

И отстранив капеллана, он пригоршнями стал брать с алтаря золото и драгоценные камни и сыпать их между платьями.

— Прости, Мать Сущего, Тиотя, Житняя баба, матерь божья, — говорил Братчик. — Тебе ж не нужно.

Капеллан, увидев святотатство, бросился бежать, чтобы чего доброго не угодить под неминуемую небесную молнию.

Со звоном вылетело огромное окно: как всегда, перестарался Пилип.

Служки схватились за мечи — стал на дороге у них Тумаш. Выпятил еще могучее, хоть и отощавшее с голодухи, пузо. Напряг грудь.

— За оружие хватаетесь? Я вам хвачусь!

Те опешили. И тогда на Христа бросились ошеломленные было монахи. Схватили его за пояс, сорвали... На пол посыпались камешки. Все остолбенели.

А потом начался шабаш и содом: стоны, плач, дикое вытье от ужаса, выкрики.

Христос стоял над этим столпотворением и усмехался. Теперь он презирал их.

Музыка изменилась. Кто-то, видно, изверился в псалмах и начал заклинать, как темные его отцы:

— Черт Савул, черт Колдун — отступитесь. Пане наш Перуне, Езус наимилостивейший, Велес, скотий бог и Власий святой, рассейте, завалите подковы, сделайте, дабы каменья в первоестество свое обратились.

Мних склонился над камешками и осторожно, как раскаленные угли, пощупал их, поднял евангелие, псалтырь и заклинательную книгу и трахнул об пол:

— Ежели такого дьявола не видели — идите с ним сами ко всем дьяволам!

Гулко грохнулись о каменные плиты тяжелые томы в коже, дереве и золоте. Якуб Алфеев зажмурил глаза. Ему показалось: ударил перун, и дьявол, дико зареготав, явился в огне, схватил книги под мышки и молниеподобно взлетел. Он поднял веки и понял, что это катятся по ступенькам, убегают монахи. Книги по-прежнему лежали на полу.

Христос швырял с гульбища в народ пригоршни ожерелий, денег:

— Подходите, люди! Берите по золотому или по жемчужине... Разве они пастыри? Они предались распутству так, что творят всякую нечистоту с ненасытностью. Матфей еще о них сказал — правда, Матей?..

— Н-но...

— «Любят, мерзкие, предвозлежания на пиршествах и председания в синагогах... И приветствия в народных собраниях, и чтобы люди звали их: «учитель! учитель!»

Молча, сурово слушал народ.

Набат

Я плакал, море увидав. Я плакал,
Как из ковчега вновь увидел солнце.

Миф об Утнапиштиме.

Святой службе и вообще церковной и магистратской радной элите, равно, как и нобильям, было о чем тревожиться. Многотысячная толпа вышла из Вильны на Городенскую дорогу.

Они шли, лишь бы идти. Большинство не знало, куда податься, и двинулось на Городенскую дорогу, потому что на нее вышел Христос с апостолами. Двигал всеми этими тысячами голод.

Ничто еще не предрекало предстоящих событий, когда они, отшагав в тот день около сорока верст, стали ночлегом у какой-то деревеньки.

В стане уже догорали костры, когда в церкви, на отшибе, засветились окна и послышалось пение. С любопытством люди двинулись туда, услышали страшный нутряной рык дьякона, знакомые слова о прокажении, удавлении и мгновенной смерти разным там врагам рода человеческого, поняли, что идет анафематствование, а потом расслушали, что анафему поют человеку, который побил татар, разогнал торгашей и вот только что дал им денег, человеку, что стоит среди них и даже с интересом слушает страшные слова проклятий.

— Чуешь? — спросил волковский мужик.

— Это они за твое добро, Христос, — сказал Седоусый.

Толпа молчала, не знала еще, что делать. Какой-то серый человек, весь гнутый, словно бескостный, услышав имя, названное Седоусым, протолкался сквозь толпу и бросился к Братчику. Никто даже не успел сообразить, что произошло. На мгновение он как бы прилип к Христу, стремительно выпростал руку с чем-то блестящим, прижатым к запястью и предплечью, и, сверху вниз, нанес скользящий, страшный удар. Затем выдернул блестящее (обличье его сияло неслыханным, фанатичным восторгом) и прорыдал в самозабвении:

— Церковь святая! Прими ворога!

Христос обернулся и, шатаясь, смотрел на него. Все это произошло так быстро, что никто и глазом не успел моргнуть. Серый рассчитанно перехватил нож и ударил на этот раз снизу. Но на этот раз он не успел: Юрась шибанул его ногой по руке, выбил блестящее и ударом в лицо свалил на апостолов.

— Волки божьи! — с пеною на губах кричал Серый. — Рвите! Шматайте!

— Лотр? — все еще шатаясь, переспросил Христос.

— Взгляните на лучший мой час! — надрывался фанатик. — На муку мою! Гляньте, вот рвут меня, но поражен сын Велиала!

Все смотрели на него и на землю. На ней ртутным, слегка изогнутым языком лежал страшный «зарукавный икол», уменьшенная копия меча для боя в тесноте.

— Что же ты не падаешь? — хрипел схваченный. — Падай! Падай! Душа твоя уже в дороге.

— Мастер, — даже с некоторым уважением сказал Христос. — А падать мне — чего же?

И снова молчание. И снова люди слышали, как дьякон, на верхних нотах, почти срывая голос, возглашает: ан-на-фем-ма-а-а-ы.

— Хлопцы! — закричал вдруг Молодой. — Да это что же?! Его гнать будут, проклинать, а мы молчим? Он заступает, а мы молчим? Да

коли они бога клянут, коли нож на него заносят — что дома ихние, как не гнезда дьяволы!

— Раскидать! — подхватили голоса.

— По бревну разнести!

— Гони их из крысиной норы!

Толпа рванулась к церкви. Через некоторое время вся она, от основанья до звонницы, ярко пылала.

Серый глядел на огонь невидящими, словно слепыми, глазами.

— А с этим что? — спросил молодой.

— Кинуть! — кричали отовсюду. — В огонь!

Десятки рук схватили его и понесли к пожарищу, подняли, стали раскачивать.

— Стой, — сказал Христос.

Странно, его услышали сразу.

— Скверное из него будет жаркое, хлопцы! — усмехнулся он. — Не-хай трохи жирку нагуляет, сопляк, — сказал Христос. — Будет знать, как со своими цацками в серьезную беседу лезть.

— Убей, — хрипел брошенный. — Убей, сатана!

— Иди, — сказал Христос. — Иди, пока не передумал. Это ж подумать, руку на человека!

Брошенный лежал, как мешок с тряпьем. Все смотрели. Потом он поднялся и медленно, не своими ногами, пошел прочь от огня, в темноту.

— Иосия, — сказал Христос. — А ну, пройдем.

Они спустились по склону к самому крайнему костру, над самым ручьем. Люди остались возле церкви глазеть на огонь.

— Посмотри, что это у меня на спине.

Иуда ахнул. Хитон густо набряк кровью. Рубаху хоть выжми.

Обмывая рану, иудей сказал:

— Одно я удивляюсь, как терпел? Второе я удивляюсь, как это все так обошлось? Просто глубокий порез.

— Нельзя показывать крови, разумеешь, — школяр заскрежетал зубами, когда сушеная трава-кровавка легла на рану. — А насчет второго, то правильно удивляешься. Большой мастер наносил удар. Надвое располосовал бы меня.

Когда они вернулись к пожарищу, толпа как-то странно молчала.

— Ну, поговорили? — спросил Седоусый. — Теперь что?

— Не знаю.

— Брешешь, знаешь, — прорвало внезапно Седоусого. — Должен быть бог, раз нам так худо, раз нам — смерть, — горло его раздувалось. — Не смей ношей гребовать.

Тумаш сказал:

— Думаете об одном, что хлеба нема, — и он про то думает. Что весь хлеб в известном месте и его надо взять — и эта думка от него.

Радостный общий крик взвился над пожаром.

— Спасибо, Тумаш, — тихо сказал Юрась. — И им и мне надобно туда. Только сам, без тебя, я бы их туда не отважился вести. Стыдно. Словно ради себя на смерть веду.

— Ну и дурень, — сказал Фома. — Не за что. Слышишь, как кричат.

— Милый, — тихо и горячо сказал Седоусый. — Уразумей, все одно. Должен был ты прийти. Бог... Черт... Человек... Все одно... Но не поверим мы, что ты не бог. Не потому, что чудеса твои видели. Потому, что безверье нам сейчас — смерть.

Молчание. Юрась поднял руки.

— Хлеб в Городне. Но я не хочу думать, что идем мы за хлебом единым. Не хлеб они взяли в свой Вавилон, в кубло гадючье, а хлеб добро-

ты вашей, милосердия. Не только тот кусок, что несете в рот, а тот, какой дали бы нищему, соседу, у которого вымерзла нива, брату из соседней веси, брату, пришедшему с земли, где голод. За то, что каждый день распинают там человека, прощения нет. Мог бы я сказать вам словами писанья, но зачем мне говорить вам это? Писаний на земле много. Правда человечья — одна.

И в этот момент, видимо, рухнул алтарь и арки притворов. Порыв ветра рванулся в трубу звонницы, и на ней глухо, беспорядочно, страшно, сами собой забухали, заревели колокола.

— Вот и набат,— сказал Седоусый

„Вознесись, озолотим!“

Ворота были крепкие, их нельзя было разбить, но рядом с ними была маленькая калитка. И вот через нее я однажды загнал в город груженного золотом осла.

Филипп Македонский.

Толпа шла от темноты до темноты. Торопилась. Со всех тропинок, проселков, большаков вливались в нее людские притоки. Словно сам Великий мужик понял, что рано еще превращаться снятому с убитого татарина ятагану в косу.

Песты, безмены, косы, долбни, пешни, похожие на короткие копья, татарские сабли, луки, кистени, мечи и цепы, лица, черные руки, лохматые силуэты коней — все колыхалось в зареве: жгли по пути все церкви и костелы, все богатые усадьбы и замки.

Магдалина молча ехала в голове войска рядом с Христом. Сидела в седле легко и привычно. На плечи наброшен грубый плащ. Только капюшон откинут с красивой головы.

И вдруг он увидел, что глаза ее с ужасом смотрят куда-то вверх. Он тоже поднял глаза.

На придорожном огромном кресте висело — острия копий не достигали ног — деревянное распятие. В трепетном свете лицо распятого казалось подвижным, исказившимся, живым. Распятый кричал звездному небу и — от смолоскопов — деревянное тело его было словно залито кровью.

— Слушай,— после паузы сказала она.— Я была приставлена к тебе. Я следила за тобой.

— Я знал,— тоже после паузы сказал он и, увидев, что она испугана, поправился:— Я догадывался. Голуби... Потом голубей не было. Я знал, что ты когда-нибудь заговоришь.

Протянул руку и прикоснулся к ее волосам.

— Нету вины. Ни твоей, ни моей и ничьей. Они опутали тут все.

Помолчал. Горела в небе, прямо над их дорогой, впереди, звезда. То белая, то синяя, то радужная. Шли к ней кони.

— Что же мне теперь делать? — почти шепотом сказала она.— Не знаю... Да разве не все равно? Может, Ратма? Может, еще кто? Распятый этих понатыкано на дороге... Вот еще одно... Боже, это же, как судьба... Ты, значит, туда? Царство божье утверждать?

— Попытаюсь,— глухо сказал он.

— И за ней?

— Если жива — и за ней.

Герои —
НАШИ земляки

Командир батальона
ЖУКОВ Петр Сергеевич

Бои уже шли на белорусском Полесье, недалеко от тех мест, где родился и вырос Петр Жуков. Батальону было приказано сломать оборону противника на берегах реки Тремля и пробиваться к реке Птичь. После предварительной разведки гвардейцы Жукова пошли в атаку и в результате короткого, но ожесточенного боя овладели первой линией обороны, а затем и второй. Но самые тяжелые бои завязались на подступах к третьей линии фашистских укреплений. Но и этот рубеж был взят благодаря умелому руководству боем командира и мужеству бойцов. Не удалось немцам остановить наступление батальона и на рубеже реки Птичь. В этих боях гвардии майор Жуков был тяжело ранен.

Родился Петр Сергеевич Жуков в 1921 г. в деревне Микуличи Брагинского района. Звание Героя присвоено за умелое руководство рядом важных операций в боях за освобождение Белоруссии и личную храбрость.

В настоящее время проживает в Мозыре.

— Ослепленный! — смежила она глаза. — Юрась, ты что, вот этого захотел, — она показала на распятие. — Дыбы? Плахи? Ты знаешь, чем это кончится?

— Знаю. Но не отступлю. В первый раз вижу, что они достойны. Верят в нечто лучшее, чем сами они сегодня. Не могу обмануть эту веру.

— Пропадешь. Ее не отдадут. И царства твоего не будет.

Она зарыдала. Он никогда не видел, чтобы так рыдали женщины. Глухо, беспросветно, сдерживаясь изо всех сил, не в состоянии сдержаться.

— Я пойду за тобою не приметно, — она набросила на голову капюшон. — Просто потому, что я не могу иначе. Пойду до конца. Все равно, чем бы ни кончилось. Может быть, ты умрешь безоружный, бескрылый. Я не знаю, как тебе помочь. Но и покинуть не могу.

И, окончательно спрятав лицо, соскочила с коня.

— Куда ты?! — с внезапным отчаянием закричал он.

Он хотел остановить коня, повернуть, броситься вдогонку. Но текли и текли толпы, теснили, влекли за собой. Конь не мог плыть против течения. Неумолимо отдалялся капюшон, его закрывали плечи, щиты, такие же капюшоны.

— Стой! Ради бога, стой!

Но людской поток нес его, оттирал.

Все.

И так она исчезла с глаз Юрася.

В ту предпоследнюю ночь они стали станом вокруг одинокой хаты. Кругом пылало море огней. И по этому морю плыло к хате десять темных теней — апостолы.

— Не нравится мне это, — бегал глазами Петр. — Мужичье! Жареным пахнет. Надо, хлопцы, навострять лыжи.

Худой, похожий на девушку, Ян усмехнулся приоткрытым юродским ртом:

— Не злу наследуй, брат мой, но добру.

Петро плюнул:
— Зло, это коли у меня украдут, либо женку уведут, а коли я у кого — это добро.

Они вошли в брошенную хату почти одновременно с Раввун и Богданом, подошедшими с другой стороны. На голом столе горела одинокая свечка. Братчик сидел в красном куту, положив голову на ладони. Поднял ее. И без того неестественно большие глаза словно бы еще увеличились.

— Вот что, — сказал Петро. — Там, в яру, как раз тринадцать коней.

— Чьих-то коней, — уточнил цыгановатый Симон Канонит.

— Исчезнем, — сказал Петр. — Бросим это.

— Я не пойду, — сказал Фома и объяснил не очень вразумительно: — Вы тут все хамы, а у меня — гонор.

Матфей глянул на море огней за окном и поежился:

— Ну, а мы так пойдем. Мытарем оно спокойней. Я еще чудес хотел, дурень. Прости нам долги наши. Сроду мы не платили их, — и внезапно крупные жесткие складки возле рта сложились в жадную, просительно-наглую ухмылку. — Только... евангелие свое пусть бы Иуда нам отдал.

— Ты ж неграмотный! — вскричал Раввун.

— Маловажно. А я евангелист. Мы вот с Иоанном его разделим, подчистим, где опасно, и ладно. А Иуде евангелия нельзя. Незаведено. Раввун показал ему шиш.

Всем было неловко. И, видимо, чтоб преодолеть эту неловкость, все начали высказывать дурные пророчества. Поднялся галдеж, потом крик. Матей лез к Иуде и кричал что-то маловразумительное вздорно-страстным голосом. Тот вопил в ответ. Ссорились и орали остальные.

От событий сегодняшнего дня и этого крика Братчик едва не обезумел. Встал над столом:

— Молчите!

Затрясся от удара кулаком стол. И тогда Фома, в восторге, что мо-

Летчик-истребитель
ЖУЧКОВ Тихон Свиридович

Около пятидесяти фашистских бомбардировщиков под прикрытием истребителей приближались к Ленинграду. У самой черты города их атаковала шестерка наших истребителей, разбила строй и заставила сбросить бомбы на головы своих же солдат. За четверть часа наши асы сбили восемь бомбардировщиков и истребитель противника и без потерь возвратились на свой аэродром. Так закончилась очередная схватка с врагом, в которой участвовал и морской летчик Тихон Жучков. Всего же он в тридцать одном бою сбил одиннадцать самолетов противника, выполнил ряд важных заданий командования по разведке и аэрофотосъемке фашистских военноморских баз, кораблей и аэродромов, не избегая при этом воздушных боев. Так, при полете над островом Лавенсаари он по собственной инициативе атаковал большую группу вражеских бомбардировщиков и сбил два из них.

Родился Тихон Свиридович Жучков в деревне Бахотец Чаусского района. Звание Героя присвоено 6 марта 1945 года.

В настоящее время работает в «Аэрофлоте».

жет показать себя, со скрежетом выдернул меч и рубанул им по столешнице. Стол развалился пополам. Стало тихо и темно. Раввуни нашарил свечку, выбил огнивом искру, зажег.

Апостолы, сжавшись, смотрели на Христа.

— Вот что,— сказал он.— Я это не ради себя. Нужны вы мне очень... Я это для вас, светлые души. Шкодили — замаливайте. Кто уйдет — отдам мужикам. Вот так.

— Вот так,— сказал Тумаш.

— Вот так,— повторил Раввуни.

Апостолы виновато, как побитые, переглянулись.

— Да что,— сказал Симон.— И мне нейдет в Городню войти. Поглядеть, как там, кони какие. Я уж было и отучился...

— Да и правда,— сказал Петро.— Бросить на пороге...

— Ладно,— за всех сказал Андрей.

— Мы в истине хотим ходить,— поддакнул Ян.— Ты нам верь.

Стукнули двери. В хату вошел Седоусый:

— Послы из Городни... Босяцкий.

Фома шумно выдохнул и захлопал глазами. Потом плюнул:

— Вот тебе и на! Не хватало...

Босяцкий вошел в хату и улыбнулся, как старый знакомый.

— Приветствую тебя, Христос. И вас, апостолы.

Увидел разрубленный пополам стол. Плоские глаза заблестели:

— Да это так,— пристыженно сказал Юрась.— Трохи забавлялись. Объясни, зачем здесь?

...Доминиканец кончил. Все сидели молча. Утомленные тени лежали под глазами Юрася.

— Что ж, я выслушал,— сказал он.— Спасибо за выкуп.

У некоторых загорелись глаза. Только Фома недоуменно и брезгливо сжал губы, да и Раввуни вскинул голову.

— Видишь,— сказал Христос.— Это, ежели посчитать, сколько на Белой Руси простых, да поделить, так на один золотой — сорок человек.

— Ну. Да они и того не имели. Берешь?

— Понимаешь, очень мне жалко. И взял бы, раз люди добрые так стараются дать. Нельзя ж обижать. Бога в душе надо иметь. Да вот только для одного меня этих ста тысяч — много. Не стою я столько. А как на весь народ поделить — позорно мало. Ну что им в этом? Одних поршней больше поистоптали, сюда идучи. Все одно, как сторговать корову по дороге на ярмарку, да и не повидав ничего, переть обратно. Не могу я ничего брать от вас.

— Вознесись, озолотим! Свободным будешь!

— Так у меня той свободы и так вволю. А ты вон их спроси!

Юрась показал в окно. За окном были огни. Будто звездное небо упало на землю.

— Может, кликнуть? Рассказать про выкуп. Спросить, досыта ли у них свободы? Не отдадут ли лишней?

Босяцкий понял, что все кончено. Только не удержался, чтоб не буркнуть:

— Свобода... Свобода...

— Она хорошая баба,— сказал Христос.— Наша баба. Ты, мних, святой, стало быть, ты в этих делах понимать не должен.

Спокойное, почти ленивое издевательство. Пес божий вздохнул:

— Нет, Христос. Это не я, видно, святой, а ты, если столько золота

этой бабе под ноги бросил, лишь бы ей на мгновение в глаза заглянуть, а после сдохнуть без покаяния.

Христос встал:

— Ступай ты отсюда. Зря ездил. Не боимся мы королевы, не надобен нам выкуп.

Наклонился к нему, пальцы схватили затылок доминиканца стальной хваткой, властно повертели лицо к окну, к огням:

— Меня хлестали, как их, потому каждый удар по их спине, горит теперь, как мой. Палками, плетью, камнями! Я влачился, блуждал, как Павел и как они. Разбойники на меня нападали и свои братья. Я голодал их голодом, и жаждал, и мерз, и ошибался, и грешил, и свят был. И если они — народ, то я — тоже. Вот последнее мое слово.

Нагорная проповедь

Если на землю хлынут потоки горя,
Каждый—пророк, кто людям плот
спасенья пригонит,
Плот спасенья и правды.

Гимн Риг Веды.

Перед последней той ночью медленно восходил народ на Красную гору, что под самой Городней. Тащили пару канонеров, захваченных дорогой, утомленно плыл людской поток. Садилось солнце. В последних лучах его сверкал далекий город.

— Там,— только и сказал Фома.

Силуэты башен. Искры окон. Все было так мирно, так напоминало какие-то города, где никого не убивают, где звучат арфы и пируют веселые люди, где даже стены — просто уважительная память о временах, неизмеримо давно отошедших в небытие,— что Братчик на минуту до боли пожалел этот покой.

В это время из рощи, что в стороне от ворот, вылетели сотни две конников и помчались, словно из последних сил, словно в безнадежную атаку. Летели одним стремительным клином. Седоусый крикнул, подал знак. Хоть было и далеко, люди натянули луки из рогов. Молодой старался особенно, хотел показать себя: оттянул тетиву чуть не до уха, искал глазами цель. Страшно хотел удачно выстрелить, дальше всех.

— Стой! — заорал вдруг Иуда.— Где вы держите свои глаза, где?! Холера вам в бок, лихоманка вам в голову!

Натягивать так тетивы не следовало. И богатырь не сумел бы вернуть ее в исходное положение.

Что-то тенькнуло. Все с ужасом смотрели, кто на юношу, кто на всадников. Молодой обомлел: медведем взревела среди стремительного шального клина дуда. Человек с черными руками кузнеца, долговязый дылда, желтый, как пшеничный колос, подпрыгнул в седле, поймал слабую — на излете — стрелу.

Цокот копыт нарастал. Кавалькада подлетела к склону, начала спешиваться. Только долговязый со стрелой взлетел на крутой склон, искал шальными ястребиными глазами.

— Это кто выстрелил? А? Кто? — он был страшен.

Молчание.

— Я,— наконец признался Молодой.

— Молодчина,— сказал Кирик Вестун.— Далеко стреляешь.

Прокатился смех. Кирик слез с коня.

— Здоров, Христос, не забыл?

— Кирик Вестун... Клеоник с Резбярного кута... Марка Турай!

— Помнишь,— засмеялся Вестун.— Ну, давай поцелуемся... Здорово, апостолы. Ну и пузо же ты отрастил себе, Фома, на апостольском хлебе... А-а, здоров, брат Иуда. Как, продать еще не собираешься?

— Спасибо,— сказал Раввунни.— Один уже однажды пробовал, и нельзя сказать, чтоб это было особенно весело для остальных. А я вот зря этим хлопцам крикнул... предупредил.

— Ну, добро, добро, давай поцелуемся или как... Слухай, Христос, вот тебе и подмога небоольшенькая. Мы было утекли, а после в гай вернулись, следить. Ты остерегайся, не лезь, как башкой в печку. Войско с вартою будут давать бой. Сидят вон там, в гаю и в ложбине, и там. Завтра выйдут строем на Волосово поле. У тебя людей сколько?

— Тысяч около десяти,— сказал Христос.

— Ну, а их с вартой тысячи три с небольшим. Тяжелая конница, латы, каноны.

Все смолкли. Ощутили смертельную тяжесть завтрашнего труда.

— Значит, сперва надо не подпустить,— сказал Фома.— Из пращей бить.

— Тоже мне еще, Давид,— сказал Иуда с иронией.

— Ты что знаешь? — Тумаш рассердился.— Научись сперва меч держать!

— Не умею! — сказал Раввунни.— Но все равно. Ты завтра пойдешь на поединок. Я с кем-нибудь — дразнить их. Каждый делает что может.

— Не пойдешь ты,— сказал Христос.

— Пойду,— настаивал Раввунни.— Если не мечом, то надо же чем-нибудь...

Братчик смотрел на него. Этот квелый, но ухватистый человек интересовал его и неуловимо напоминал о чем-то добром.

И он особенно мягко спросил у Иуды:

— Почему ты думаешь, что не надо сначала пращников?

— Это же ясно. Напасть сразу, не дать вылезти из этой ложбины, что ближе к стенам.

— Почему? — спросил Седоусый.

И тут Христос понял: дожди.

— Правильно! Правду сказал он! Они в латах. Дожди. Под осень почва плохо сохнет. Там грязко. Для них. Ну, не совсем, ну, по бабки кони загрязнут. И то хлеб. Попробуй посражайся, попади, отстранись, если ноги, как у мухи на смоле...

В ту ночь весь город — кто со смутной радостью, а кто и с замирающим от страха сердцем — следил за далекой горою, что вся, от подошвы до вершины, сверкала блесками огней. А на горе, в самый темный пред-рассветный час вставали, разбирали оружие, кое-как строились в длинную боевую линию.

Город означал для них жизнь, засеянные поля, нивы под колосьями. Без этого так или иначе была смерть. Поэтому никто не думал уклониться или отступить. Только в этом и была их сила.

К Братчику подошел Седоусый.

— Скажи,— коротко и просто произнес он.

— Может, не надо?

— Скажи. Ждут. Некоторые, может, в первый и последний раз человеческое слово услышат. Многие до завтра не доживут.

Он подал Христу руку. Братчик взлез на воз.

— Выше! — закричали отовсюду.— Не всем видно. Выше!

Седоусый подумал. Потом сказал что-то хлопцам. Несколько человек подошли и подняли воз на плечи.

— Выше! — орала гора. — Все хотят видеть!

Тогда под воз начали подставлять копьа, осторожно подымать его. Наконец пятьдесят копейщиков подняли его на остриях копий высоко над головами, вместе с человеком, стоявшим на нем.

Стало тихо.

— Ну вот, хлопцы. Завтра биться. Себя щадить не буду. Коли кто думает, что плоть моя выдержит удар копьа, — страшно тот ошибается. Разумеете, вы люди. Еще и еще раз говорю: вы люди. Не надобно нам забывать: мы — люди. Ничего уже нет в наш век ниже плахи. И ничего нет превыше, если уразуметь. Потому и встали. На том стоим.

Предрассветный сумрак начинал редеть. Светлело на востоке. Летели из обоза свежие, резкие голоса петухов.

— А теперь идем, — сказал он. — Идите как можно тише.

„Вот мой народ, как львица встает...“

«В руки голодных отдашь ты врагов всех стран, в руки оболганных и поверженных в прах — дабы принизить сильных людей всех народов».

Кумранский Свиток Войны.

Широкое, слегка пологое поле кончалось ложбиной, а затем снова шло на подъем. На этой возвышенности стояли кони, закованные в железо, и сидели на них такие же, железные, всадники. Обвисал багрянец, золото и бель стягов. Всадников было много. Треугольные и овальные стальные щиты, султаны, копьа, золотые — а чаще вороненые — латы.

Впереди всех возвышался Корнила, словно памятник самому себе.

Ложбина перед ними была глубоко-зеленая — досиня — после недавних дождей. Корнила надеялся, что мужики не осмелятся лезть на конный, железный строй: увидят и отступят.

Другая толпа, растянутая на милю, если не более, стояла выше, за ложбиной, на поле. Белая холстина, турьей кожи щиты, долбни, багры, пращи. От этой толпы отделились и начали спускаться по склону Тадэй и Иуда. Кричали что-то. Панское войско смолкло, и тогда Корнила понял: ярильщики.

— Эй, косоротые, — хайлал Леввей. — Эй, городенцы-граки! Смола черномазая! Задница шилом!

Оскорбления были общеизвестными и поэтому страшными. Цепь защитников взорвалась яростью.

— Хамы! — кричали оттуда. — Мужики! Головы лубяные!

— Паны! На соломе спите — зубами ищется!

И тут страшный нездешний крик оборвал перебранку.

— Босяки! — вопил Раввуни. — Чтоб вы, как свиньи, только мертвые на небо глядели, чтоб вы каждое утро угасали, чтоб всегда пустые были ваши кошельки, как собачья миска у худого хозяина, у собаки этой, Жикгимонта!

— Иудей,— сказал кто-то.

И тут Леввей вытянул руку, и на ладони его неведомо откуда явился зайчонок. Тадэй отпустил его, и тот понесся вдоль поля: спасаться.

— Вот! Займите у него храбрости!

Корнила взревел и подал знак. Войско спустилось в широкую ложбину. Сочно зачавкало под копытами коней. Перед железными лежало широкое поле, и по нему скакали к войску два всадника в легких кольчугах с пластинами и наплечниками: Братчик и Фома.

— Гэй! Гэй! Давай двоих на поединок.

Корнила крякнул, глянул на сотника Пархвера. Пархвер кивнул.

Братчик на белом коне, с легким мечом, и Фома на рыжем вертелись перед ними, дразнили. Ждать долго не пришлось. Навстречу им помчались Корнила и на грузном битюге богатырь Пархвер. Всадники мчались, тяжелые и страшные, как брантозавры, на конях, закованных в сталь.

Братчик увидел, что ноги коней выше бабок в чулках грязи, и подмигнул Тумашу.

— Нехай постоят остальные, покуда мы тут биться будем.

Ярильщики поспешно ретировались.

Горы железа летели на мужицких бойцов, и в рядах защитников города триумфально завывали, заулюлюкали. Ясно было — конец. В одном Пархвере сажень и шесть дюймов. И тут случилось неожиданное. Когда «железные» были уже совсем близко, Тумаш и Христос поставили коней дыбом, поворотили и шенкелями заставили сделать скачок в стороны. Две горы с разлета промчались мимо них. Юрась умудрился догнать Корнилу и плашмя ударить мечом по железной заднице. Загудело. Зареготало мужичье войско. Разозленный Корнила попытался сделать то, что было недозволено и что было ошибкой: через плечо, как жердью, огреть противника копьем. Юрась перехватил копье и, выдернув, бросил на землю.

Корнила схватился за меч. Теперь он не имел преимущества расстояния и веса, как тогда, когда был при копье. Теперь он был в проигрыше: мечи были одинаковой длины, а враг был более подвижен. Оставалась надежда на непробиваемый миланский панцирь.

Две пары вояк бились среди поля, и тысячи глаз смотрели на них.

— А ну, а ну,— подзадоривал Фома.— Дав-вай, собачья кость. Где тебе! Мы... от Всеслава.

— Я сам... от Всеслава,— хрюкал Пархвер.

— От хорька и свиньи!

Пархвер вспотел. Но Фоме приходилось трудней. Несмотря на громадную силу и вес, перед сотником он был мелковат.

Лязгали мечи. Лучи рассвета играли на латах. Все это напоминало веселую и жуткую игру.

— Держи-ись, Христос!

— На тебе!

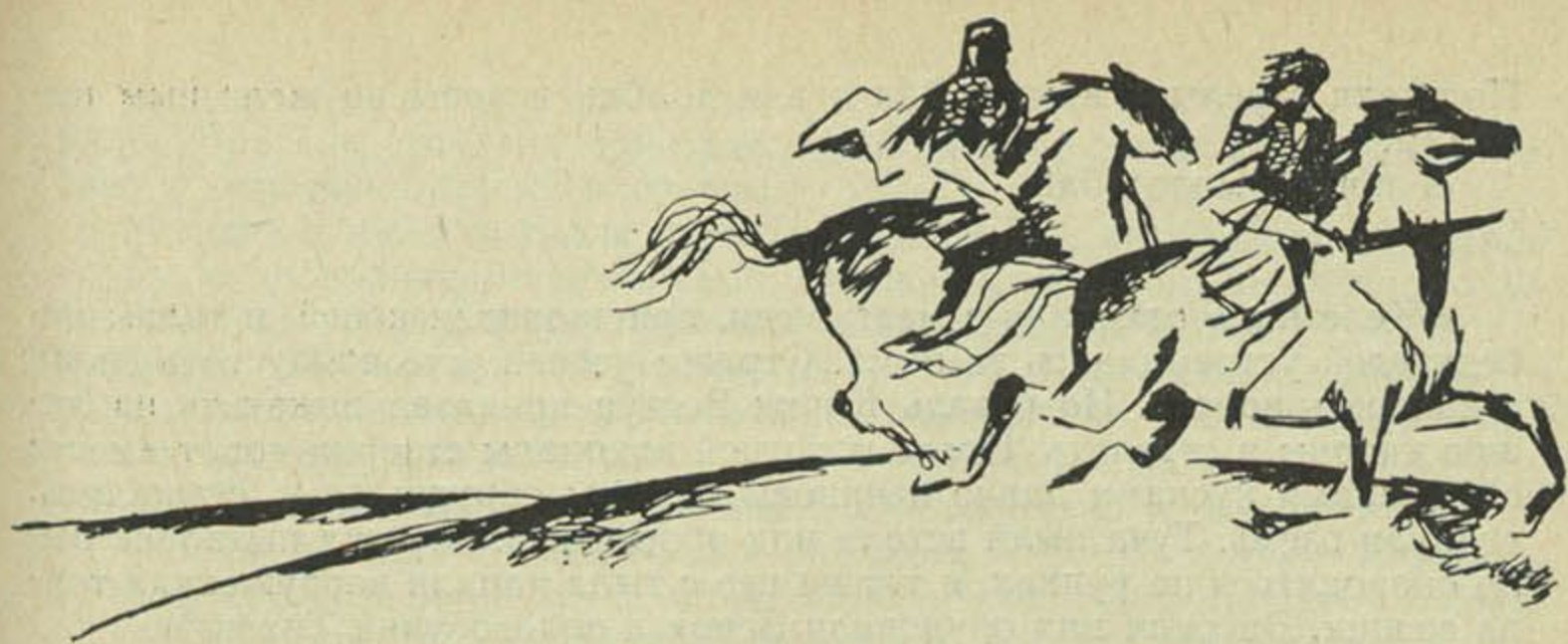
— БИ-ых! — отбил удар Корнила.

— Добро, что ты стрелу вынул,— скалил зубы Юрась.— Неудобно было бы с нею на коне.

Мечи звенели неистово. Корнила шумно выдыхал и бранился. Неудовольственным выпадом он отбил меч Корнилы и ошеломил тысячника. Тот крутанулся и грузно, тяжело грохнулся оземь. Не мог встать. Юрась наклонился, подхватил копье и поднес острие к груди лежащего. Оба войска ахнули.

— Держись,— сказал Христос.— Вставай.

Корнила встал и боком пошел, сам не зная куда. Железные еще по-

дались вперед: вызволять вожа, спустились почти все в ложбину. Из их рядов показались пасти канонов. Их тащили, и колеса их по ступицу увязали в земле. Юрась несколькими толчками копья направил Корнилу в нужную сторону и стал глядеть на Тумаша. Тот бился отчаянно, но удары гиганта были страшны — двуручный Тумашев меч каждый раз отлетал за спину.

Корнилу наконец оттащили к своим. Он, очухавшись, кричал, приказывал что-то. С ним спорили. И все же с их стороны внезапно ревнул один канон: мечь руководила тысяцким. Над головами бойцов пролетело ядро, взрыло землю перед мужицким войском.

— Эй,— кричали оттуда.— Горшки кидать будем!

Потом оттуда долетел лязг: мужичья катапульта метнула горшок с грязью — в знак предупреждения. Горшок недолетом — видно, не отрегулировали натяжку жил катапульты — упал прямо на голову Пархверу, и та застряла в нем.

— Эй, кум, помочь, что ли? — спросил Фома. Ударил слегка по горшку, расколол его. По шелому, по лицу, по усам богатыря плыла жидкая глинистая грязь.

Огромные глаза Пархвера загорелись безумной яростью. Он занес двуручный меч и слепо опустил его. Тумаш едва успел поставить своего легкого коня дыбом и лезвие вошло глубоко в землю. Хохот прокатился над полем.

Корнилу поднял руку в железной перчатке и опустил ее.

— Рушай! *

Произошло легкое замешательство. Чавканье долетало отовсюду.

— Кони загрязли,— сказал кто-то.— Не поспеем выбраться и принять ряд.

— Черт! — выбранился Корнилу.— Холера! Каноны на линию!

Стали тащить каноны. Но толпа на гряде уже пришла в движение, поплыла вниз, как белая лава. Медленно и грозно. Пушечные мастера торопились, но тяжкие каноны заваливались, показывали хоботы небу. И внезапно этот медленный, как лава, поток взорвался ревом, покатился с невероятной, всесокрушающей скоростью. Лес оружия все вырастал над ним, все ближе обезумевшие от гнева обличья.

Ревнули каноны. Круглые белые хлопья дыма расплылись в туман. Но было поздно. Скопище бежало и росло, словно во сне. Налетело. Затопило. Вознеслись багры, начали хватать конных и выдергивать их из седел на землю, с которой они, тяжелые, почти не способны были встать.

* Шагом марш, вперед!

Полетели стрелы и камни. Залязгали долбни и цепи по железным шеломам.

И пошла молотьба!

«Железные» отходили с места сечи, пришпоривая коней, и толпы победителей устремлялись за ними. Стража успела уже пропустить своих и запереть ворота. Но коваль Кирик Вестун приказал выкатить на линию каноны и стрелять. После короткой канонады створки ворот вместе с большими кусками давно нечиненной стены обрушились, осыпались, грянули оземь. Туча пыли встала над обломками. Стража пыталась было обороняться на руинах, и тут на нее с тыла напала вооруженная толпа мещан. Впереди них орудовали Зенон и золоторукий Тихон Ус.

Туча пыли редела. И сквозь нее мещане увидели всадника, что вступал в город. Низкое еще солнце нимбом стояло над его головой. Кричал, горлопанил оружный народ с ветками в руках.

— Страшно подумать,— тихо сказал Иуда,— что кабы ты сейчас надумал негодником сделаться. У-у!

— А они, негодники, все когда-то вот так ими и становились,— криво усмехнулся Христос.

Стража и войско еще бились перед замковым мостом. Им было трудно. С крыш кидали поленья, камни. Свистали, улюлюкали. Напирала на них толпа.

А между тем в замке не было почти никого из знатных особ. Часом раньше, как только Христос вступил в город, все духовные члены рады, войт и магнаты под охраной спустились в подземный ход и по воде побрели к выходу, спешили в Волковийск за подмогой. В городе тайно остался один Флориан Босяцкий: готовить торговцев и богатых мещан.

А сеча у ворот замка бурлила. Висели на копьях, били бревнами в створки, и стены тряслись. Падали камни на поднятые над головами щиты. Рубились на зубцах, и впереди всех тряс пузом Тумаш.

Наконец выбили ворота и ворвались. Людской поток ввалился в тронную залу. Пылали свечки, и мужики остановились, изумленные. Перед ними по всему полу были рассыпаны одежды, кубки, открытые ларцы, оружие. А у высшего места стоял в белой рубахе и черной чуге — приготовился — бургомистр Юстин.

— Берите,— сказал он.— Мертвому ничего не надо.

Как раз в эту минуту коваль Кирик Вестун в замковой часовне свалил на пол разубранного в золото воскового Христа. Тот улыбался, лежа на спине. Наступил поршнем прямо на восковое лицо, смял его.

Мужицкий Христос

Я к тем пришел, чья пища—земля,
К тем, чья знатность не выше быка,
К тем, которых палками гонят в поля,
Чье рабство—века, чье царство—века.

Египетский гимн.

Хребтами стояли над Неманом черно-сизые грозовые тучи. По всей дуге берега высились несчетные виселицы, а возле них шевелился народ. Плясало в воздухе пламя и стелился дым. Поэтому кто-то, чтобы не задымился белый Христов хитон, набросил ему на плечи черный с золотом

плащ. Братчик стоял на пригорке. Анея сидела, прижавшись к его ногам, а чуть ниже стояли апостолы.

Мещане и мужики гнали мимо них связанных. Лицо Братчика стало сухим, с провалившимися щеками. Остекленели огромные глаза. Он понимал, куда угодил, какую тяжесть взвалил себе на плечи.

Перед ним поставили бургомистра Юстина. Глаза того не горели теперь угольями из-под постриженных в скобку волос. Они словно угасли, хоть и глядели мужественно.

— Зачем дозволил попам править старой радой и городом?

— Они пришли с королевским войском,— твердо сказал Юстин.— И рада сдалась. Я не хотел этого больше всех. Но я человек. Я слаб.

— Брешешь, пес,— сказал Юрась.— Ты вот на этих взгляни. Вот «слабость» человеческая. Выкинули вас, как навоз из стойла.

Суровое, несмотря на холеность, иссеченное шрамами и отмеченное всеми пороками лицо Юстина не дрогнуло ни одним мускулом.

— Они еще придут. Скоро,— больше с грустью, чем с угрозой, сказал он.

— Я запер все ворота. Отныне земля Городни — земля справедливости.

— Надолго ли?.. Жаль, что я не смогу посмотреть, как это будет.

— Почему?

— Потому что — а вдруг человек не такая свинья, как я думал.

— Добро,— после паузы сказал Христос.— Развяжите его.

— Напрасно... Потому что, если они вернуться, я буду таким же, как прежде.

Бургомистр повесил голову.

— А этих — на виселицу! — злобно сказал Петр.

Христос смотрел на людей с каким-то облегчением и видел в их глазах растерянность.

— Ну! Этого... чего вы? — спросил дурында Пилип.

Из молчания начали вырываться отдельные звуки.

— Не доводилось...

— Ты собаку попробуй повесь.

— Да нехай бы, кто может. Вот ты, Янук.

— Иди ты знаешь куда!.. Во-во...

Братчик покосился вниз. Черные с синевою глаза опасливо глядели то на него, то на виселицы. Кто-то закутал Анею, поверх лохмотьев монашьяго одеяния, в черную чугу. Она смотрела умоляюще, но Юрась ждал.

— Разорвать их! — крикнул кто-то.— Бог мой, да неуж охотника не найдется?!

Христос с все большей теплотой оглядывал эти лица. На минуту ему почудилось, что мелькнуло меж ними лицо Босяцкого.

— Так вон же кат! — внезапно радостно заорал кто-то.— Нехай он!

Палач стоял в своей клетке и постепенно снова набирался гонору.

— А чего, я могу. Клетку только разбейте. Я почему и говорю, что ката нельзя в клетку.

— Можешь повесить их? — с гадливостью спросил Братчик.

— Так... пане боже. Служба ж такая.

Братчика передернуло. Сжались кулаки. Но сдержался, не ударил. Весело осклабился:

— А ну, кидайте его с клеткой в Неман. Может, хоть трохи отмоется.

Десятки рук подхватили клетку, потащили с откоса, раскачали, швырнули. Она нырнула, а потом с шумом всплыла в струях воды. Кат

сидел в ней по грудь. Клетку завертело течение, помчало. Заблеяла ей вдогонку дуда.

— И этих в воду гоните,— возвысил голос Христос.— Чтоб не смердело тут.

Схваченных погнали в воду, древками копий сталкивали с берега. И вот поплыла рекою череда разубранных в золото людей: жалкие, вислые усы, руки в парче работают по-собачьи.

— Гуси-гуси...— с берега загорланил Тумаш.

От хохота, казалось, содрогнулся берег. И Христос понял, что это, возможно, самая великая из его побед. Теперь можно было говорить все. Слушать — будут. И он поднял руки:

— Слушайте, хлопцы! Что ж так мы и будем до скончания дней обижать друг друга? Так вот что я вам скажу. С дня этого Городня — земля правды. Обиженных — не будет. Всем равно — и ни у кого больше; голодных — не будет. За веру кого-то убивать — нехай оно пропадет!

Он поискал глазами и выдрал у кого-то из рук светоч. Поднес к черному, просмоленному глаголю виселицы. Постепенно потянулись вверх, начали лизать смолу языки пламени.

— Слышите? Виселиц больше не будет!

В едином порыве, с чувством какого-то очищения люди бросились к отвратительным сооружениям. Подносили светочи, кричали, плакали. Сотни виселиц пылали над рекой.

Земля справедливости

В иную землю, в счастливый край
Золотой распахнулся вход.

Плач Петра-Пахаря.

Разделили все запасы из церковных и магнатских амбаров. Каждый, кто брал город, получил по две тысячи фунтов зерна, кроме прочего. Бедные мещане получили почти столько же. В городе остался еще общий запас на пять лет.

Разделили стада богатых, лишнюю одежду и деньги. Каждый человек на Городенщине мог теперь безбедно жить своим трудом. Все знали: засеяны будут поля, никто не будет принуждать, некого будет бояться, ибо каждый будет защищать безбедную свою жизнь.

Оружие раздали всем, кто способен был его носить. Христос не забывал: за каждым его шагом следят и только ждут, чтобы оступился. День и ночь чинили стены, ворота, вежи, валы, втаскивали на них каноны. На Мечной улице оружейники под надзором Гиавы Турая день и ночь ковали оружие. Очистили колодцы, запасли топлива на всю зиму. Вестун и другие учили людей воинскому делу до изнеможения. На звоннице Доминиканцев все время сидели дудари и следили за дорогой. Старым звонарям не верили. Черт их знает, что надумают. На ночь ворота запирали и около них ставили удвоенную стражу. Все знали — без боя не обойдется.

И, однако, за эти считанные дни город ожил. Повсюду шутки, смех, откровенные речи.

Почти опустели храмы. Вечерами на площадях плясали вокруг костров и песни летели до ясных звезд.

Стоял конец августа, и в этом была одна из угроз. Пришлые мужики во сне и наяву бредили пахотой и посевом.

И настал день, когда все это взорвалось.

Вновь стояли толпы у Лидских ворот. Только на этот раз уходили они, а оставался — он. И мужик невольно играл ятаганом, насаженным на древко.

— Хороша сталь?

— У-у. Глянь, коса какая. Трохи выгнул, подклепал.

Люди стояли перед ним, и он ничего не мог сказать им. Они были правы.

— Прости,— сказал кто-то из толпы.— Она ждет.

— Стереги тут. Порядок наводи. По-божески.

Очень некрасивая женщина подошла к ним:

— Я все сделала для тебя, пане боже. Теперь — отпусти.

— На что надеешься? — грустно усмехнулся он.— Деревня же спалена.

— Несчастье помогло. У нас, почитай, всех баб татары спалили. Молюсь и плачу за них. Что сделаешь, надо жить. Найду себе мужа, дети будут...

И заплакала. От горя за других и от облегчения за себя.

— Иди,— сказал он.— Будь счастлива.

Калека на костылях подошел:

— Отпусти. Мне от тебя ничего больше не надобно. Я не хуже других. Будет дом, жена, дети. Есть семена и хлеб.

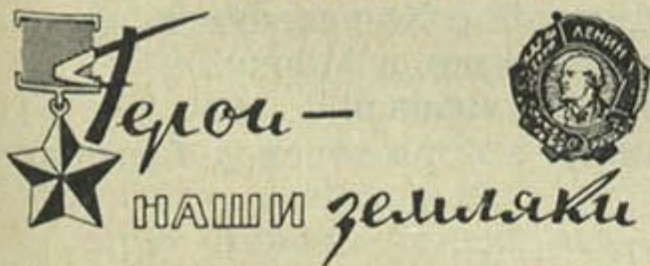
И другие слышались голоса.

— Конь у меня. Татарский. Первый. Руки к сохе тянутся.

— А коли не отпущу?

— Останусь. Слово даю.

— Иди,— мрачно, но твердо сказал Юрась.

Сражался на Центральном и Первом Белорусском фронтах, освобождал города и села Украины, Белоруссии и Польши. 138 раз вылетал он на штурмовку вражеских укреплений...

25 сентября 1943 года Степан Жуков вылетел на разведку в район Лоева. Его ведущий летчик Глазеев при подходе к цели обнаружил вражескую автоколонну и дал команду атаковать ее. Когда «ИЛы» освободились от бомб, на самолет Глазеева напали два истребителя. Жуков подбил вражеский истребитель и обратил в бегство другой.

На боевом счету гвардии старшего лейтенанта Жукова 10 уничтоженных танков, 60 автомашин, 20 орудий, несколько эшелонов и складов.

Родился Степан Иванович Жуков в 1923 году в деревне Пуца Россонского района. Звание Героя присвоено 15 мая 1946 года.

Летчик-штурмовик
ЖУКОВ Степан Иванович

Расползалась толпа.

Христос стоял у ворот один, и только далеко за его спиной стояла толпа мещан. Молчаливая. Христос же стоял и смотрел, как люди точками исчезали в полях.

Он любил их. Он не мог препятствовать делу жизни.

Именно поэтому на стены все время тащили камни, дрова, смолу.

Тайная вечеря

Яд аспидов на устах их.

... Римлянам. 3. 13.

В тот вечер шел он с Анеей, Раввуни и Тумашем. С ними шли еще Седоусый, Дударь, Ус, Зенон и Вестун. На ходу он отдавал последние в этот день распоряжения. Было еще довольно рано, даже первая звезда не засветилась еще в вышине.

— Ты, Кирик, и ты, Зенон, идите сейчас на стены. Проверьте еще раз всех.

Коваль зыркнул ястребиными очами.

— Добро! — сказал, отставая.

— А ты, Ус, эту ночь не поспи. Черед твой. Днем отоспишься. Бери дударя да лезь на звонницу Доминиканцев. Следите, хлопцы.

Золоторукий и дударь свернули.

— Турай где? — спросил Христос.

— Старик на Мечной. Работают. А Молодой с Клеоником до девок, верно, на вечерку пошли. Клеоника Фаустина ждет, а Марку...

— Хорошо, — засмеялся Христос. — Ах, как хорошо!

У предместного пляца люди водили вокруг костра хоровод. Слышался смех.

Сидит, сидит ящур
Во ореховом кусте...

Навстречу шел с факелами патруль. Разминулся с ними у самого дома, отведенного Братчику, небольшенькой хатки на углу Росстани и Малой Скидельской.

— А мне почему-то страшно за тебя, — неожиданно сказала Анея.

— Помолчи, — буркнул Тумаш.

— Бабские глупости, — загорячился Иуда. — Вот дом. Иди туда. Он придет.

— Идите, хлопцы. Я вас догоню.

Они остались вдвоем. Замерцала над городом первая звезда.

— Никуда от тебя не хочу, — сказал он. — И в рай не хочу. Только тут. С тобой.

— И я...

— А я кто?

— Мошенник. Наилучший в мире мошенник. И пусть даже не можешь сказать им этого. Все равно.

— Поздно. Не поверят. Да и не все ли равно.

— С богом было бы хуже...

Она приникла, прижалась к нему. И так они стояли, покачиваясь, под этим небом, что все ярче и ярче расцветало звездами.

Враги между тем были не так далеко, как думали в вольном городе. Если бы Юрась мог пронизать взглядом пласт земли и каменной облицовки подземного хода — он увидел бы зрелище, которое заставило бы его содрогнуться. Увидел бы он, что в том месте, где подземный ход образовывал небольшую пещеру и разделялся на несколько ходов, — к замку, к ратуше, к деревянному, с галереями, лабазу на Рыбном рынке, — стоит и ждет молчаливая толпа, большей частью в латах. Волковийская подмога.

Стояли Лотр, Болванович, толстый Комар, Жаба, Корнила с Пархвером. А за ними, в смутном свете нескольких факелов мерцала медь шоломов и сталь мечей. Лотр отдавал последние приказания:

— Будете резать. Без шума. А его — живьем!

— Ясно, — сказал Комар.

— Ну, а потом... суд. А этих — заставим поверить. Сколько у тебя людей? — спросил, обращаясь к Корниле.

— Семьсот с чем-то. А только — непорядок. Сколько чудес сотворил... И татар... А может и...

— Дурень! — сказал Лотр.

Враги были не только под землей. В темном проулке у Росстани Босаяцкий, переодетый немецким гостем, говорил с хлебником и еще с несколькими торговцами:

— Сейчас пойдешь к лабазу и ударом в плиту предупредишь, чтоб вылазили и расходились по местам. Светочи готовы?

— Готовы.

— Кресты на рукава нашили?

— Нашили.

— Сигнал-огонь на переходе от Доминиканской звонницы. По нему идите и бейте всех в меченых домах. Где крест на воротах или на дверях.

Хлебник мрачно усмехнулся:

— Об этом мог бы и не предупреждать, отец. Нам такой Христос — на кой черт. Все вымел!

— Отче, — сказал кто-то. — А как на улице человека встренешь? Как дознаться, еретик ли?

Друг Лойолы усмехнулся. Одними губами:

— Убивайте всех! Бог своих узнает! Вас сколько?

— Человек пятьсот, — сказал хлебник, играя кордом. — Н-ну д-добро, отче. Мы этой сволочи покажем рыбы да хлебы.

— Давайте, сыны мои. Клич все знают?

— Великодень, — сказал кто-то из темноты.

Ночь Белых Крестов

Подошла в ночи немая гостья,
Лес ломая, как ломают кости.

Конрад Мейер.

Город спал. Только стража маячила на стенах, да на звоннице болтали о том о сем Тихон Ус и Дударь.

Зенон и Вестун, проходя забралом над Лидскими воротами, каждый раз окликались негромко:

— Тумаш, спишь?

— Да нет, — сипло отвечал снизу Фома. — Нехай варта похрапит, а я уж утром.

— А Молодой?

— Да рядом со мною. Свищет во все закрутки.

И снова шаги часовых. И снова тишина.

А в центре города, далеко от стен и от стражи, давно уже звучали другие шаги. Теневыми сторонами улиц скользили, прячась по временам в ниши и переулки, люди с белыми крестами на рукавах. Тянулись цепочками в переулки, занимали их, останавливались у меченых домов.

Из переулков, из потайных ходов выползали еще и еще. Группа Пархвера, выбравшись из-под земли, пошла к лабазу, и там великан, весь налившись кровью, отвалил огромный камень, открыв второе жерло, из которого сразу же полился человеческий муравейник.

Загорелось синим светом окно на одном из гульбищ, ведущих к звоннице Доминиканцев. Тысячи глаз смотрели на одинокий огонь.

— Начали!

Огонь мигал. И, подчиняясь ему, тени потянулись улицами, стали заходить в меченые дома. Кто их метил и за что — их не касалось. Заходили, стягивали с кроватей или кончали просто так. Порою долетал из домов исполненный муки крик, но чаще ответом на удар было молчание: работали чисто.

Лотр стоял в садочке над молодой парой, спавшей под вишней. Далеко отброшенный, валялся корд мужчины, а рука его лежала на плече женщины. Кардинал перекрестился и дважды опустил меч.

Хлебник, проходя мимо водомета, споткнулся о спящего. Тот вскрикнул, но торговец успел воткнуть ему меч в горло и сразу присесть за ограду бассейна. Неподалеку сонный голос спросил:

— Чего это он?

— Померещилось что-то, — ответил другой. — Спи.

Хлебник немножко подождал и на цыпочках пошел на голоса...

Повсюду, пока еще беззвучно, творилось убийство. Страшная, нелюдская, кралась по городу ночь. Одно и то же происходило на Ковальской, Мечной, Стремянной, на всех улицах, во всех тупиках.

Наконец опьяневшие от крови, они потеряли осторожность, вылезли на свет. И тут заревела дуда на звоннице Доминиканцев.

Апостолы и Иуда

«...подвергшись казни огня вечного, поставлены в пример. Так точно будет и с теми мечтателями, которые... отвергают начальство и злословят высокие власти».

Послание ап. Иуды, 7, 8.

Апостолы шли к воротам самыми темными переулками, помойками и дворами. Перелезали через заборы, ныряли в подворотни, крадучись, шли дальше. Они удивлялись, что над городом все еще ревет дуда и кричат колокола, что кто-то все еще сражается.

— Какого черта! — ворчал Матей. — Кто там еще?

Играл Дударь. Здоровила в свитке, ласковый до тошноты «братачка» еще в самом начале, едва завидев внизу россыпь сражающихся людей, посуровел, словно глянув в глаза смертному часу:

— Слухай, Ус, пока не поздно — беги! Спасай его женку.

— А ты?

Дударь виновато развел руками:

— Ну что я? Мне живо меха продырявят. Так я, должно, тут реветь

буду. Вояка из меня — сам знаешь. Пока дуда ревет — они держатся... Так может попрощаемся?

Золотые руки легли ему на плечи. Друзья расцеловались. Усова голова исчезла в люке. «Братачка» навалил на люк камень, сел на него, раздул меха, взял мундштук в рот и, прикрыв веками глаза, заиграл: «Топчите землю, легионы божьи». Он знал, что не выйдет отсюда, и был спокоен.

Апостолы достигли уже почти самых ворот, когда из-за поворота вынырнули люди со свечками и белыми крестами на рукавах. Один схватил за грудки Филиппа из Вифсаиды:

— Э-э, кажись, из тех?

Филипп молчал. Перед лицом Петра водили свечком, издевательски разглядывали:

— Этот.

— Да не мы ж, — сказал Петр. — Ей-богу. Мы от мниха-капеллана идем. Вот... вот и монета...

Монета исчезла в руке начальника патруля.

— Вы, ежели хотите их сцапать — идите на угол Росстани и Малой Скидельской, — сказал Матей. — Там «женка» его, там и все.

Главный над крестовиками холодно ухмыльнулся:

— Д-добро, сволочь. Идите.

Закричали третьи петухи.

Ус, выбравшись из костела, понял, что улицами ему к Росстани не пробиться. Поэтому он, проложив себе дорогу сквозь толпу врагов, вскарабкавшись по какой-то лестнице, побежал по крышам. Бежать приходилось желобами, почти над пропастью. Несколько раз из-под ног обрывалась черепица, и Тихон запоздало холодел. Добрался до Росстани, спустился вниз и увидел, что двери дома сорваны с завес, слюда в окнах побита, а на пороге лежит белый женский платок.

Стоял в недоумении и отчаянии. Таким и увидел его патруль, которому апостолы показали дом. И только когда кресты оголили мечи — золотых дел мастер пришел в себя. Теперь оставалось спасаться самому. И он, опрокинув несколько человек, прорвался сквозь заслон, затерялся в лабиринте переулков.

Другой человек бежал к дому Анеи от самой Коложской слободы. Худой, темный лицом, с черными волосами. Бежал, перешагивая через трупы, обходя раненых, и в его мрачных глазах все сильнее разгорался ужас и недоумение.

На улицах все еще продолжалась резня, всевластно и неудержимо. В зареве свечечей багрово мелькали мечи. Над ними реял безумный крик, звучали проклятья, брань, бряцание, хриплые голоса.

Иуда не знал, что Христос в далекой слободе тоже услышал набат, что сейчас он, как одержимый, бежит садом. Раввуни видел только, что убивают людей, и отчаяние, похожее чем-то на восторг самопожертвования, заполнило все его существо. Последним толчком было то, что он глянул в теснину Старой улицы и увидел, как по ней, прямо на него, к рынку, к замку движутся несколько фигур: четверо латников вели Анею.

У него было только одно оружие. И он его употребил. Черной, в свете факелов, тенью он бросился в толпу, прямо в ряды сражающихся и убивающих, воздел руки:

— Люди! Люди! Стойте! Вы братья! Не убий! Слышите? Не у-бий!!!

Иуду схватили за руки.

...А далеко за городом, в сосновой рощице, апостолы перематывали ремни на поршнях. Был самый темный час перед рассветом, было хорошо видно: над Городней стояло громадное трепетное зарево.

Седоусый

Каля мяне кулі, як пчолкі, гулі,
Ля мяне дружочкі, як мост, ляжалі.

Белорусская песня.

Городенцы знали, куда в случае чего убежать тем, кто не способен держать в руках оружия. Под городом лабиринтом тянулись старые, заброшенные каменоломни. Самый ближайший вход в них был из улицы Стрихалей, туда бросилась толпа женщин, детей и стариков. Только бы спуститься под землю, а там — ищи ветра в поле.

Лотр тоже помнил об улице Стрихалей, послал туда человек сорок приспешников. Беззащитную толпу встретили мечами. И, верно, бойня не минула бы и слабых, кабы не нарвался на эту мерзость Седоусый с отрядом мещан. Они смяли мечных, вышвырнули их с улицы и стали заслоном по оба ее конца, пропуская только беглецов, спинами прикрывали их и медленно, по мере того как толпа втягивалась в тупик, отступали. Отступали и падали. С того конца, где бился Седоусый, руководил крестовиками и сам рубился в первых рядах Рыгор Городенский, а в миру — Гиляр Болванович. Куда подевалась его дряблость. Орудовал мечом ловко и умело.

И тогда снова заревела дуда. Ревела непрерывно, тревожно, грозно. Значит, люди были живы.

Какой-то грохот раздался за спиной Седоусого. С арки над тупиком упали решетки, которыми в минуту опасности перегораживали улицы: пробравшись по крышам, постарался кто-то из врагов. Седоусый почувствовал спиною холод железа.

Болванович занес меч — Седоусый отбил его.

— Умрешь, пес! Сдохнешь!

Седоусый начал хрипеть. Красное марево стояло перед глазами. Он хотел что-то сказать, выбраться, но Болванович ударил его мечом под сердце, отступил, опустив меч. И тогда Седоусый, собрав последние силы, ударил его острием меча в глотку, не прикрытую кольчугой.

Фома, нареченный Близнец

Богом клянусь, молитвы сегодня не нужны.

Рабле.

Отряд, охранявший Лидские ворота, отрезали с самого начала, и поэтому они только слышали рев дуды над городом, но ничего не знали об остальных. Фома, как только началась резня, сказал Молодому:

— Беги к Христу, веди сюда! Нас тут больше. Спасай его.

И Молодой пробился сквозь ряды. Его схватили за плащ, но он, полуголый, все же вырвался, побежал.

На забрале, по обе стороны от круглой башни-звонницы, смутно шевелилась толпа: люди Кирика Вестуна и Зенона. Они пускали стрелы в нападающих и рубились с теми, кто пытался добраться до башни, опус-

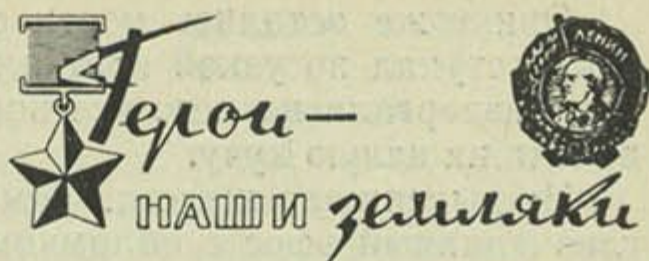
На рассвете с прифронтового аэродрома взлетел бомбардировщик «Пе-2» и, быстро набрав высоту, взял курс на запад. Путь одинокой машины, как обычно, лежал в глубокий тыл врага, туда, где его всегда встречали разрывы зенитных снарядов и истребители противника. Но каждый раз экипаж «Пе-2» умело выходил из самых неожиданных ситуаций и возвращался на базу с новыми ценными данными о вражеских оборонительных рубежах.

В трудном 1942 году Завадский десятки раз вылетал на разведку занятых врагом Смоленска, Вязьмы, Брянска, Орла, Гжатска, Калуги, Рославля, фотографировал систему обороны противника под Сычевкой, Гжатском, Юхновом.

Летом 1943 года отважный разведчик выполнил особо важные задания по фотографированию обороны противника на Белгородско-Харьковском направлении. В период прорыва обороны врага в районе Кировограда добытые им сведения легли в основу плана нашего наступления, завершившегося окружением и разгромом крупной группировки гитлеровцев.

Много раз экипаж самолета-разведчика вступал в бой с фашистскими истребителями и два из них подбил. Несколько раз «Пе-2», изрешеченный пулями, чудом дотягивал до своего аэродрома, доставляя новые важные сведения об укреплениях врага.

Родился Владимир Георгиевич Завадский в деревне Черкасово Оршанского района. Звание Героя присвоено за выполнение ряда важных заданий командования и личное мужество.

Летчик-разведчик
ЗАВАДСКИЙ Владимир Георгиевич

тить воротные решетки и тем самым отрезать дорогу беглецам из города.

Этой дороги нельзя было отдать. Только здесь еще и могли выбраться из западни, потеряться в полях и пущах раненые. Именно сюда, по мысли Фомы, должен был отвести остатки своего войска Христос.

Ни Тумаш, ни Вестун не знали, что Христос не сумеет пробиться сюда сквозь стену вражеских бойцов, что у него мало силы.

Лицо Фомы еще более побагровело, глаза вытаращились до того, что, казалось, вот-вот лопнут. Рубил, раздавая могучие пинки, подставлял подножки, бил плашмя и наотмашь. Грозно взлетал в воздух двуручный меч. Нападающие отскакивали от него горохом.

Падали вокруг и друзья.

— Отступайте, хлопцы! В поле, земля им в глотку! Ах, ты так?! Дворянина, римское ты отродье, сморчок ядовитый! Съешь, чтоб тебя земля ела! Подавись!

Он бился, как демон, но, отрезанный от других, вынужден был отступить в двери надвратной часовни.

— Сюда, Тумаш, сюда! — орали ему со стен Вестун и Зенон.

Они тоже остались почти одни, но еще держались. Фома, отбиваясь, отступал по узкой клетке звонницы. Тут было удобно, и хотя лестница извергала на него все новых и новых противников — он успел навалить их целую кучу.

Не выдержало железо. Фома ударил и удивленно поднял на уровень глаз длинный эфес с обломком клинка. Оглянувшись в отчаянии, увидел тусклый от яри, бронзовый бок колокола с фигурами святых, высоко наверху поворотную балку и веревку, что тянулась от нее сквозь пол в нижний ярус, в помещение звонарей.

Надо было спастись. Еще не зная, что он будет делать дальше, Фома подпрыгнул и всей тяжестью тела повис на веревке, полез по ней вверх. Машина колокола шевельнулась подолом чуть не над самым полом яруса. Он лез и она качалась сильнее. Внизу хохотали.

— Обезьяна! Гляди, обезьяна. А-а-а!

У Фомы захватило дух от радостной догадки. Добравшись до балки, он подтянулся на руках.

— А я вот вам морды красные сделаю, боровы! — рявкнул басом.

И скорчившись между стеной и колоколом, со страшным напряжением выпростался, толкнул ногами громадную металлическую тушу:

— «Великая Зофея», помоги!

И без того раскачанный колокол тяжело и страшно вздохнул. Громоподобный, до внезапной глухоты, удар переполнил и содрогнул звонницу, поплыл над городом.

Колокол ударил — в воплях и хрусте повалились, посыпались сходнями нападающие, — взвился дыбом, показав городу бронзовое рычащее горло. И еще. И еще.

Теперь можно было прыгать вниз, подобрать чье-нибудь оружие, снова стать на старом рубеже. Тумаш схватил чей-то меч и радостно — вон сколько добра наворотила «Зофея»! — захохотал.

В запале, чем-то похожем на счастье, он забыл обо всем, забыл, с каким зверем он находится в одной клетке. Отступил немного. Колокол на пределе своего полета коснулся его головы.

Фома упал, последней искрой сознания уловив безумный крик Вестуна:

— Тумаш! Ту-маш!

Кирик Вестун остался один. Зенон сталкивал вниз, на осаждавших, огромный камень, и стрела угодила ему под сердце. Спокойный взгляд серых глаз остановился на Кирике, потемнел.

Коваль, чувствуя, что он задыхается, будто это ему ударили под дых, взял из-за пояса у друга топор-клевец, стал пробиваться.

Прыгнул со стены в ров, скрылся на минуту под вонючей водою, вынырнул уже поодаль, выбрался на сухое, весь облепленный зеленой тиной, побежал, поймал за гриву коня, ходившего на поле между убитыми, взметнулся на него и, охлюпкой, поскакал, исчез в лесу.

„Во имя бога — убивайте!“

Да придет на вас вся кровь праведная, пролитая на земле...

Матфея, 24, 35, 38.

Теперь битва шла, если не считать мелких очагов, пожалуй, только в центре города. Христу и Молодому удалось сплотить вокруг себя сотни три оружных людей, и они ударили в тыл Белым Крестам, потесни-

ли, погнали их. Паника, порожденная их неожиданным появлением, была страшной. И они гнали, валили и убивали, не щадя.

Христос пытался пробиться к Лидским воротам, вывести людей из города. И поначалу это ему удавалось. Они гнали врага почти до конца Малой Скидельской, но тут дорогу им преградили свежие силы. Как раз в этот момент несколько раз ударила «Великая Зофея», а затем в тишине послышались рокот цепей и скрежет ворот. Пробиваться в ту сторону было больше незачем. Они были в западне.

Отряд отступал. Выход был один: Неман. Может, кому и посчастливится спуститься с береговой, почти отвесной кручи и спастись в потоке.

Крестовики теснили их сперва по Скидельской, потом Росстанью, Старой улицей, Старым рынком. Вел их Пархвер, а за их спинами добивали раненых.

И все же сопротивление мятежных людей было столь велико, что «кресты» изнемогали. Люди Христа получили передышку. Воспользовавшись этим, он отвел их к обрыву на запад от замка, приказал связать плащи и спускаться с кручи. Сам он с Молодым возглавил небольшую людскую цепь, что должна была прикрывать спускавшихся.

Лотр стоял возле ратуши. Все еще ревела дуда на звоннице и ей вторили отовсюду стоны и крики: добивали раненых. Сходились к ратуше убийцы, все словно опьяневшие, испятнанные кровью.

— Ну так что? — спросил Пархвер. — Что делать с теми?

— Его непременно возьмем живьем! Других — как хотите.

К нему подвели Анею и Раввуни.

— Скажите ему, чтобы он сдавался, — сказал Лотр. — Иначе у него достанет глупости разбить себе голову, прыгнув с яра.

Анея молчала. За нее ответил Иуда:

— А подавитесь вы! Я был медник. Я изучал Талмуд и потому был бедняк, ибо изучал его не как все. Я даже пробовал торговать и это были слезы, цорэс*. Но я не торговал людьми... И не буду!

— Ничего, мы найдем способ, — сказал Лотр. — А остальных убейте! Вы что-то сказали, бургомистр?

— Сказал, — у Юстина из-под скобки волос горели глаза. — Я сказал: пастырь лютого стада еще лютее пасомых.

— Что ж, неплохая похвала, — усмехнулся кардинал. — Капеллан прав. Убивайте. Во имя бога — убивайте!

Юрась с кучкой людей стоял в конце предмостного сада, там, где он подступал к неманской круче. Все сильнее пламенел восход, и каждый не мог не думать о том, успеет ли он еще раз увидеть солнце.

Цепь светочей полукружьем приближалась к ним. «Кресты» не хотели, чтобы хоть кто-нибудь проскользнул сквозь их бредень.

— Кончено, — сказал Юрась. — Пришел час! Предается сын человеческий в руки сволочи. Бывай, брат! Бывайте, братья. Простите.

— Ты нам прости, — отвечал кто-то. — Бывай, брат!

Молодой обнял Христа и вдруг ощутил какой-то странный, влажно-соленый вкус на губах.

— Ты что?

— Тихо, — ответил тот. — Сделать я ни хрена не успел. Поздно. Жаль. Людей жаль. Земли этой. Теперь она, бедная, восплачет.

— Ничего, — сказал Молодой. — Ничего.

Светочи были все ближе и ближе. Были уже видны залитые жидким багрянцем рожи.

— Да что говорить! — Братчик поднял меч. — Бей их, хлопцы!

* Горе.

з
г
в
б
е
с
с
с
л
м
р
ч
п
н
с
т
с
р
н
б
н
э
к
и
бу
вн
и
ст

Кучка обреченных бросилась на вражий стан. Жестокая, последняя закипела сеча... Где-то далеко все еще голосила, голосила дуда. Но враги оттесняли и оттесняли их к крутояру.

Христу казалось, что он заколдован. Бросается, бьет, рубит, падают вокруг друзья, падают враги, а ему хоть бы кто царапину нанес. И это было горше всего. Значит, хотят взять живьем. Глупость! Кто помешает ему кинуться с обрыва вниз головой?

Он услышал вздох и обернулся. Молодой с безмерным изумлением смотрел на оперенный конец стрелы, торчавший у него из груди. А когда солнце показало всем свой маленький красный краешек, над обрывом стоял уже только один Юрась. Ободранный, черный от копоти, с тяжелыми от пыли волосами, забрызганный кровью, он вертел над головою меч, скалил зубы и был так страшен, что к нему боялись приблизиться.

— Сдавайся, — крикнул Босяцкий. — Иначе арканы кидать будем.

Христос выругался.

— А рожна не хочешь, хорек. Тут камни внизу. Пока долечу до реки — разорвет. Живым не возьмете! Не дамся!

— Взгляни, — сказал рыцарь Иезуса.

Вражеская цепь расступилась. Стража держала за руки Анею и скрученного Раввуни с заткнутым ртом. Нагло ухмыляясь, к ней подошел Пархвер. Сверкнул глазами. Взял Анею за волосы: испуганно вздрогнули ресницы, закатились глаза.

— Сейчас я ее... — хохотнул Пархвер.

После никто не мог сообразить, как это случилось. И меньше всех сам Юрась. Глаза будто сами заметили ножное копьё рядом с трупом, тело сделало стремительный рывок, рука схватила и направила куда следует. Острие вылезло у Пархвера из спины. Он стоял, словно опираясь грудью на древко, и еще не понимал, что убит. Все стояли, словно оглушенные.

Христос подумал, вздохнул и сказал:

— Добро, Босяцкий, поладим.

— Не смей! — дико закричала женщина.

Иуда извивался в руках стражи, как вьюн, но высвободиться не мог.

— Молчи, Анея, — голос Юрася был безжизненным. — Не тужься, брат Иосия. А то случится с тобою нечто — только людей насмешит. Ну их к дьяволу! Не стоят они и смрада нашего.

Смотрел прямо в глаза:

— Мое слово, кот ты мой бархатный, не твое слово. Так вот: ты этих двоих в челн посадишь. Целый, не дырявый. Весла дашь. Оттолкнешь их от берега, и когда они будут на середине реки — я брошу меч. Иначе...

— Слово? — усмехнулся мних. — Iuzo*.

Анея кричала и вырывалась все время, пока ее несли в челн.

— Береги себя! — кричал с обрыва Юрась. — Береги! Может, сын будет.

— Нет! Нет! Не-е-е...

Иуда шел за нею, как убитый. Сел в челн, бессильно опустив руки.

— Раввуни! Если дашь ей выскочить — продашь меня! Прода-ашь!

Челн оттолкнули. Течение закрутило, понесло его на середину. Юрась видел, как отражаются в Немане берега и ослепительно белые облака, и шапки деревьев, сизые леса на горизонте — вся эта земля, по какой столько ходили его ноги и по какой им больше не ходить.

И тогда, чтоб уже ни о чем не жалеть больше, бросил меч...

* Клянусь.

Раввуни

И поразил Филистимлянина так, что камень
впился в лоб его.

1-я Царств, 17,49.

Дударь трубил, ему больше ничего не оставалось. Несколько даже слащавое лицо «браточки» теперь было будто из камня. Звуки дуды тревожили, напоминали, угрожали. И тогда на крыши ближних домов были посланы лучники. Звучно хлопнула по бычьей перчатке тетива. Стрела пробила меха и впилась дударю в ямку на границе груди и шеи.

Тишина легла над трупами, и ее слышали все. Услышал и Раввуни в челне и Братчик на берегу. Только Иуда увидел страшное раньше, потому что к Христу как раз подходил Лотр. В руке у пастыря была «кошка» — семихвостый корбач с крючком на каждом конце.

— Лжеучитель! Ересиарх! — только тут ярость его выплеснулась наружу. — Грязный схизмат!

Весь побагровев, он хлестнул «кошкой», сдирая у Братчика с плеча одежду и кожу. Замахнулся во второй раз — Босяцкий и Комар схватили его за руки: поняли, сдерет со схваченного шкуру без суда.

Братчик плюнул Лотру под ноги.

— Ишь, испугался как! Ну чего ты? Шкуру с меня дерут — чего же ты орешь? Признавайся, нунций, сколько раз со страху удельывался, пока я колотил вас, как хотел?

Он жаждал, чтобы его скорей убили. Тут, на месте. Он боялся пыток. Он еще не знал, какую пытку они приготовили ему. Увидел, что все смотрят то на него, то на реку, взглянул и впервые потерял самообладание.

— Где же твоя честь, Лотр?! Где же твое слово, Босяцкий?! Где, вшивые пастыри?!

Два челна отчаливали от берега, готовясь в погоню. В каждом было по четыре оружных весельника.

— С тобою да честь? — спросил Лотр.

И тогда, понимая, что это все, что этим людям можно даже плевать в глаза, Юрась, сам не соображая, на что надеется, разъяренно закричал:

— Раввуни! Рав-ву-ни-и-и!

Услышав этот крик, Раввуни, давно уже увидевший погоню, в отчаянии заметался в челне. Река мчалась, берега пролетали быстро, но еще быстрее, словно на крыльях, приближались челны преследователей.

Иуда сел и начал неумело грести. Поставил челн сперва боком, потом кормой, потом опять носом. Весло зарывалось в воду, выныривало оттуда в тучах брызг. Иуда не умел грести. Он вообще мало чего умел.

Тогда он решил молиться. Вот помолится немножко, пусть не по правилам, а потом возьмет женщину и прыгнет в воду, и, поскольку не умеет плавать, а она связана — они пойдут на дно. Избавятся от мук и не изменят Братчику.

Но тут же с ужасом понял, что не помнит ни одного слова молитвы. В жажде оттянуть время и вспомнить — он увидел на дне челна забытую мережу. Смекнул что-то. Начал по-звериному рвать ее ногтями и зубами, срывая каменные грузила. Освобожденную сеть бросил в воду и, пока погоня путалась в ней, успел немного отдалиться.

— Раввуни-и! — долетело издалека.

И тут он вспомнил, за что его лупцевали однажды в детстве. Погоня была уже близко. И тогда он встал. Неторопливо снял с себя ко-

жанный пояс, обмотал один конец вокруг запястья, другой сжал в ладони. Взял каменное грузило. И выпрямился, раскручивая самодельную пращу. Камень зафырчал, вырвался, угодил в лоб стерновому первого челна. Забытое, казалось, искусство — не подвело. Стерновой выпустил стерно, юркнул головой в воду. Ладья завертелась на месте. Раввуни захохотал. У преследователей было только холодное оружие.

Еще удар. Еще.

Он кидал и кидал грузила. И с каждым ударом выпрямлялся и выпрямлялся. И кричал в безумном восторге:

— На тебе, холера! На! На!

Челны завертелись на месте, замедлили бег, поворотили к берегу. А человек на корме все еще вертел пращу. Потом закинул ее за плечо. Почти как Давид.

Христос на берегу, увидев это, захохотал.

— Ну, пастыри! Спасибо за зрелище, а то я было и нос повесил, добро, что не увели, дали узреть. Уж коли вы этакую овечку, что ни на кого руки не подымала, кусаться заставили — тогда дрянь ваше дело. Ха-ха-ха!

Его повели от берега, а он хохотал, и смех его был страшен.

А челн мчала и мчала вода. Анея безучастно сидела на дне челна. Проплывали лесистые горы, тронутые кое-где желтизной осени. Песчаная коса далеко врезалась в воду, и кто-то на косе неистово махал руками. Иуда присмотрелся, узнал: на косе стояли Кирик Вестун, резчик Клеоник и Марка Турай.

— Сюда правься! — крикнул коваль.

Раввуни развел руками. Весло во время схватки уплыло. И тогда Марка и Клеоник кинулись в воду, стали резать ее плечами, доплыли, бивком поворотили челн к берегу и потащили.

Иуда черпал забортную воду, обмывал лицо, чтобы никто не заметил, что он плачет. Они долго обнимались и хлопали друг друга по спине.

— Братка, — захлебывался Иуда. — Живой... Братка!

— Живой, — сказал коваль.

Марка молчал. Иуда знал почему. Гиавя Турая схватили.

— Ничего, — сказал Раввуни. — Главное, живы. Голова цела, даже и думать можно.

— Зачем? — без слез спросила Анея. — Зачем спасли. Умереть бы.

— Зачем? — и Иуда выругался. — Чтоб груши околачивать...

Они шли и обсуждали, как им быть дальше, уже довольно долго, когда Иуда заметил в мельтешеньи лесной листвы какую-то тень. Человек сидел спиной к дороге, и Иуде показалось, что он узнал его. Остальные ничего не заметили.

— Идите, — сказал он им. — Я догоню.

Подождал, пока друзья исчезли за поворотом, и осторожно пошел к человеку. Мягкая трава глушила шаги. Какая-то птица свиристела в листве. Он встал за спиной сидящего.

Иуда не ошибся. Матей сидел и пересчитывал деньги. И тогда Раввуни громко сказал:

— Во дни царя Соломона был в Иерусалиме некто, кто трахнул в храме, ибо динарий обещали ему.

При звуках голоса Матей вскинулся. Глаза были белыми от страха.

— Ты?!

— И явился им, явился в Эмаусе, и многие не верили, что он... Н-ну! Матей успокоился. Нагло всыпал деньги в кошель и спрятал его.

— Пасть заткни... А то вот дам и... чудес не бывает.

Герои —
НАШИ земляки

Командир партизанской бригады
ЗАСЛОНОВ Константин Сергеевич

Осенью 1941 года Константин Заслонов вместе со своими товарищами железнодорожниками организовал партизанский отряд и, перейдя линию фронта, прибыл в район Орши. Спустя некоторое время Заслонов устроился «на работу» в паровозное депо, вошел в доверие к оккупантам и развернул активную диверсионную работу на железнодорожном узле.

За три месяца заслоновцы организовали 98 крушений поездов, вывели из строя или подорвали свыше 200 паровозов, тысячи вагонов и цистерн с горючим, а также большое количество техники врага. Но дальнейшее пребывание Заслонова в Орше становилось опасным. В феврале 1942 года, оставив наиболее законспирированных партизан в Орше для продолжения диверсионной работы, Заслонов с группой товарищей ушел в лес. Созданный им партизанский отряд «Дяди Кости» вырос вскоре в крупную бригаду.

В ноябре 1942 года, после трехмесячного боевого рейда по районам Витебщины и Смоленщины, партизанская бригада Заслонова прибыла в Сенненский район Витебской области. 14 ноября на деревню Куповать, где размещался штаб бригады, гитлеровцы бросили крупные силы. Завязался неравный бой, в котором Заслонов погиб.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 марта 1943 года Константину Сергеевичу Заслонову было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Иуда зарычал так, что Матей растерялся: белые, как у собаки, зубы Раввуни почти хищно оскалились.

— Кто-то сказал: Иуде евангелие не положено. Кто-то у меня евангелие спер и испохабил.

— И не положено. По писанию.

Иуда надвинулся на него.

— А по жизни? По моей? И по твоей?

— Писание...

Иуда был божественно ироничен:

— А тридцать сребреников? Они ж, согласно писанию, мне принадлежат, а не тебе.

— Иди получи. Кто мешает?

— По писанию, слышишь? — лицо Иуды было страшным. — Дав-вай цену измены!!!

И он сделал то, чего в обычном состоянии не мог бы сделать: взял Матея за грудки и приподнял. Мытарь уронил кошель в мох. Челюсти его тряслись. Иуда с силой швырнул его на кучу валежника. Подобрал калиту, сунул в карман. Вытирая мохом руки, сказал:

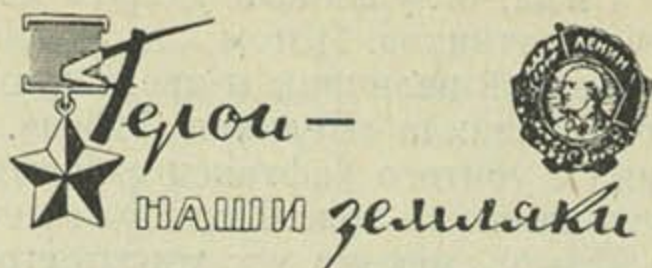
— Ну вот, теперь по писанию. Евангелие у Матфея, деньги у Иуды.

На аэродроме возле города Станислава фашистское командование сосредоточило несколько десятков бомбардировщиков и истребителей. Подступы к нему охранялись многими зенитными батареями, которые встретили нашу пятерку штурмовиков сильным огнем. Но несмотря на это, двадцать фашистских самолетов были уничтожены. Мужество и мастерство проявил в этом бою Николай Зайцев, уничтожив несколько машин.

3 апреля 1945 года, будучи ведущим четверки «Илов», капитан Зайцев вылетел на штурмовку вражеских укреплений в одном из районов Чехословакии. При подходе к цели советские штурмовики были атакованы восемнадцатью немецкими истребителями. Завязался неравный бой, в котором Николай Зайцев лично сбил немецкий истребитель. Продолжая выполнять задание, штурмовики, ведомые Зайцевым, уничтожили несколько десятков фашистских солдат и без потерь вернулись на базу.

Всего на счету Николая Зайцева 185 боевых вылетов, 20 уничтоженных танков, 3 железнодорожных эшелона, около 50 автомашин, 50 орудий и минометов и более пятисот гитлеровских солдат и офицеров.

Родился Николай Яковлевич Зайцев в 1923 году в Крупках Минской области. За мужество и героизм, проявленные при выполнении ряда боевых заданий, 29 июня 1945 года ему присвоено звание Героя Советского Союза.

Летчик-штурмовик
ЗАЙЦЕВ Николай Яковлевич

Вставай, а то я что-то не уразумею, где у тебя лицо, где задница. Так, молодчина. Теперь скажешь, по крайней мере, что не ради денег продал, а по убеждению.

Благословляется раб божий

Не копай другому ямы — сам увалишься в ню.

Скорина.

Уже несколько дней ходил по улицам Городни странный человек. Голова и почти все лицо обмотаны суровой холстиной. Из-под нее выглядывают глаз и один короткий ус. На плечи накинута темная, грубого сукна плащ. Подса плаща сзади приподнят, очевидно, концом меча, висящим под плащом на боку. Суконный синий кафтанец тесноват — как только не треснет. На рукаве — белый крест.

Где он ночевал — никто не знал и не видел. Возможно, что нигде, ибо в ночи редкие прохожие порой тоже замечали его на улицах.

Человека звали Богдан Роскаш, а во время Христовой эпопеи — Фома Неверный, нареченный Близнец.

Он петлял по городу, сам не зная зачем. Просто тут сидел Христос, а Фома был не из тех людей, что бросают друга в беде.

Тогда, оглушенный ударом колокола, он почти сутки пролежал под кучей латников. Потом как-то отошел. На голове у него была страшная, небывалой величины и цвета гуля, а череп гудел так, будто в нем празднично звонила «Великая Зофея». Он увидел заваленную телами улицу. Снял с убитого кафтанец с белым крестом, взял у монаха межный пест и сунул его за пояс. Подобрал меч и чей-то кистень.

Потом смекнул, что узнать его — нехитрое дело. Отпилил ножом концы своих усов, забинтовал голову, оставив один глаз. И только тогда спустился на улицу.

Искал он друзей, с которыми можно было напасть на замок или ратушу. Временами впадал в отчаяние, но все равно ходил и искал.

Обессиленный, зашел в корчму, увидел монаха-доминиканца. Тот сидел и пил, а на столе лежал ковчег-пенал, в каком носят пергаментные и бумажные свитки. Круглое лицо монаха лоснилось, глаза были масляные. Фома сел неподалеку.

— Приятель, — сказал тот. — Ну и разукрасили ж они тебя, гады.

— Не говори!

— Ничего, — утешил монах, — за все им отрыгнется. Увидят завтра, как этого ихнего антихриста, носконного апостола, сермяжного папу припекут.

И похлопал ладонью по пеналу.

Фома заказал горелки и закуску. Подвинулся ближе к доминиканцу.

— За папу! — налил ему Фома.

— За папу? Не могу.

Фома похолодел. Разговор начинал попахивать ересью и костром. Среди гуляк могли быть соглядатаи. Он представил, как подъезжает к дверям корчмы «корзина для спаржи» и как его волокут туда, взяв за руки, два здоровяка в плащах.

— Эт-то почему?

— А ты мне налить забыл. Г-гы! Что, хорошо я пошутил?

— Тьфу! Чтоб с тобой так век шутили... Ну так за то, что папа все может, — легкий туманец хмеля от этой шутки выветрился из головы у Фомы.

— А папа не все может, — заноровился монах.

— Как это не все?

— А так. Папа, как и церковь, милосердны должны быть. Осудить он может. А исполнить приговор — дудки. И кардинал так.

— Брешешь!

— Я тебе брехну. Вот тут, — монах похлопал по пеналу, — дело антихриста. Несу войту, чтоб подпись поставил. Костер. «Без пролития».

— А как не поставит?

— Чего ж не поставит? Помрет разве.

— А-а. Растолковал ты мне. Добро. Так давай за милосердие папы, за то, что и он не может.

Выпили. Закусили подсолеными орехами.

...Доминиканец пришел к дому Жабы только часа через полтора, видно, протрезвившись дорогой, ибо подошел к привратнику довольно прямо и, протягивая ковчег-пенал, властно бросил из-под капюшона:

— От Святой службы к войту. Приложить руку.

Его пропустили.

— Что передает Святая служба? — спросил войт.

— Будьте любезны приложить руку.

— После. После, — сказал Жаба. — Потом подпишу. На Замковую площадь привезу.

— Повешение?

— Что вы, отче. Да тут и костра мало.

Монах откинул капюшон. Жаба поднял глаза и остолбенел, увидев лицо Фомы.

— Ну вот,— сказал шляхтич.— Бери перо.

— Я тебе...

— Слушай, войт, Роскаши шутить не любят, и ты мне не Филипп Македонский, выскочка ты, свинопас, холуй скверного рода, хорьков батя.

— Как смеешь?!

— Если ты, сало дурное, сейчас не подпишешь, я тебе, этакому Карлу Великому, загоню ноги именно в то место, каким ты думаешь.

Войт взял перо.

— Пиши. «Властью войта запрещаю кару огнем. Последнее мое слово».

Жаба написал. Ухмыльнулся.

— Дурень ты, Фома. Кто ж мне помешает после переписать?

— Я,— сказал Роскаш.— Я помешаю. Я благословлю тебя на весь остаток твоей жизни.

Войт Цикмун Жаба не успел крикнуть. Фома с размаху ударил его медным пестом по голове:

— Благословляется раб божий.

Некоторое время спустя он отыскал на задворках, в густых лопухах и лебеде, мертвецки пьяное тело доминиканца. Скинул с себя рясу, положил ему под голову. Потом разбудил, сильно растирая пьяному уши.

— Допился,— с укором сказал Фома, когда доминиканец испуганно вскинулся.

— Батюшки,— ужаснулся тот.— Солнце уже высоко. Когда же к войту?

— Я и говорю, допился. Ты что, забыл? Были ж мы у войта. Добро, что я тебя не бросил, что свиток нес. Потерял бы...

— Не может быть!

— Гляди, подпись.

— Странно,— сказал монах.— Не согласился на костер. Ничего не помню.

Доминиканец замычал, держась за голову и шатаясь.

— Ничего,— сказал Фома.— С кем не бывает. Идем поправим голову, да и разойдемся. Поспешай, брат.

Они выпили еще по чарке и разошлись, довольные друг другом. Монах понес пенал с бумагой, Фома отправился блуждать вокруг замка. Сердце его плакало. Помилуванью, подписанному войтом, не поверил бы никто. Единственное, чего он добился, было избавление друга от лишних страданий. От самой мучительной кары. Кары огнем.

Распи его

Слушая сие, они рвались сердцами своими и скрежетали на него зубами.

Деяния, 7, 54.

Ревели колокола. На улицах густо кипел народ. Небо было синее и необыкновенно жаркое для сентября, с грозowymi тучами на горизонте. Казалось, вернулся июль. Над Неманом, над Замковой горой, над Зитхальным горбом, надо всей Городней плыли и плыли серебряные паутины.

Еще утром Юрася привезли из радной тюрьмы на Подол, на берег

Немана. Он должен был подняться Взвозом к замку, на Воздыхальню. По всей этой дороге двумя рядами стояла стража. Людей в лохмотьях оттеснили подальше, к стенам домов, во дворы и ниши. За спинами латников стояли люди, одетые в аксамит, фелендыш, буркатель и парчу. Сверкало оружие, радужные пояса, перчатки тонкой кожи, сафьян обуви.

Для него сбили огромный сосновый крест, который он должен был втащить на Воздыхальню. Он должен был идти первым, и с ним только два стражника с кордами на боку, с плетями в руках. Остальные участники процессии должны были идти следом, саженьях в пятидесяти, потом дети невинного возраста, наряженные ангелами; белые, полупрозрачные одеяния, завитые волосы, крылья из радужной ткани и восковые свечи в руках. За ними — пятьдесят девушек из богатых семей, тоже в белом и тоже со свечами. За ними монахи, облаченные в черные и белые саваны с дырами на месте глаз. А потом уж латники.

Высшее духовенство должно было выйти процессией уже около самой Воздыхальни.

Тронулись часов в девять утра, но было уже жарко. Пыль курилась под ногами, невидимыми были в свете солнца огоньки над воском свеч, блестели сталь и медь, колыхались кресты в руках монахов, ангельски пели целомудренницы.

Прочли приговор — издевательство над церковью и покушение реченного Христа на подлинную веру... Покарать, со лживым его крестом, милосердно и без пролития крови.

— Ясно, — сказал тот, вскидывая крест на плечо. — Чего им еще проливать? Кровь они выпили давно, и из меня и из людей.

И пошел по Взвозу на гору. Медленно-медленно.

К гульбищу подлетел гонец, соскочил с коня, что-то зашептал на ухо Лотру.

— Кто? — побагровел тот.

— Неведомо. Утром только и нашли.

Кардинал молчал. Долго. Наконец решился.

— Мещане славного места. Войт наш скоропостижно помре... Он не дал согласия на костер... Пусть же висит это исчадие ада на лживом своем кресте...

Никто не услышал, как ахнул после этих слов человек с завязанной головой. Он стоял на угловой башне, что нависла над Неманом.

На башне стояли еще двое, тоже, видимо, сумевшие сунуть в лапу кустоду. Несколько поодаль стоял, как статуя, монах в плаще с капюшоном. А ближе шалел от восторга, голосил и хлопал по спине то человека с повязкой, то монаха, словно сбитый из своих хлебов, хлебник.

— Распни его! Распни! — он плевал вниз. — Тьфу на тебя! Тьфу! Собака! Ересиарх! В пекло пойдешь!

Человек крикнул, нагнулся, будто бы поправить ремень поршня. И, внезапно, железной хваткой схватил хлебника за ноги, рванул и перебросил через парапет. Хлебник с криком полетел вниз.

— Ишь ты, как он к богу торопится, — сказал человек, с угрозой глядя на монаха.

Но монах смотрел не на него, а на то, как хлебник грохнулся оземь, как покатилося вниз по склону, стучаясь о камни, его тело, как оно неподвижно легло на дороге почти у самых ног Христа.

Юрась перешагнул через труп.

И тогда монах высунул из-под плаща кисти рук. Руки были золотые.

— Фома, — сказал он человеку с завязанной головой. — Брат. Ты жив?

— Ус, — голос Фомы сорвался. — И ты жив?

Фома обнял его. Руки его тряслись.

— Брате... Погоди... Мы еще им учиним!

Перед самым крутым подъемом Братчик остановился. Подумал, что будет и некрасиво и позорно, если он вот так, почти ползком, будет идти сквозь эту нахально-сытую толпу.

Христос напрягся, поправил крест, выпрямился, пошел, увязая в песке.

Фома и Ус с жалостью и ужасом смотрели на это. Потом не стало сил смотреть. Спустились с башни и начали толкаться в толпе.

— Видишь, что у меня? — Фома показал Усу спрятанный под плащом лук.

— Эх, брат, ничего ты не сделаешь, — вздохнул Тихон. — Двое нас. Только двое...

А сквозь толпу уже продирался человек, монашій плащ которого подозрительно топырился. Какой-то ремесленник буркнул ему в спину:

— Монахов еще понанесло. Шваль!

И тогда монах обернулся, взял человека за руку и приподнял капюшон.

— Кирик! — тихо ахнул ремесленник. — Живой?

— Тихо, брат. Оружие есть?

— Клевец под плащом.

— Пробирайся поближе к эшафоту.

Единственный шанс давала неожиданность нападения. Коваль за эти дни сумел собрать сотни две оружных людей из «недобитых». Часть из них стояла крепким кулаком вблизи Воздыхальни. Они должны были в надлежащий момент напасть на стражу, перебить ее и, схватив осужденного, пробиваться к стене, выходящей на Неман. На этом пути в два ряда до самой стены стояли свои люди.

...Человек с крестом явился в замковых воротах. И тут уже не крик, а несдержимый вопль сотряс воздух. В замковом дворе, где можно увидеть всю казнь с начала до конца, собрались самые богатые, то и дело обвали:

— Распни! Распни его!

Стража едва сдерживала древками гизавр толпу. И в этом реве совсем не слышно было, как тихо плакали люди у стен.

Слышали это немногие. Слышали это Кашпар Бекеш и Альбин-Рогвал-Алэйза Криштофич, стоявшие на выступе контрфорса, у замковой площади. Бекеш словно повзрослел. Все тот же меч в золотых ножнах, та же улыбка. Солнечно-золотые волосы выбиваются из-под берета. Но в огромных глазах, вместе с чуть презрительной снисходительностью тяжелое раздумье.

— Разгул темных страстей, — сказал Криштофич.

— Все надо видеть своими глазами. Даже самозванцев.

— Думаю, что мне придется оставить тебя, сынок. Не позднее чем завтра я уйду из этого города. В Вильну.

— Почему?

— Смотри! — Криштофич показал рукой.

К человеку с крестом тянулись кулаки богатеев.

— Смерть! Смерть ему!

И другие голоса:

— Избавитель! Спаси самого себя!

Бекеша передернуло:

— Страшно!

— Потому-то мне и надо бежать. Видишь, они созрели. Не сегодня-завтра возьмутся за нас. И эти будут одобрять. Говорю тебе, они созрели.

— Страшно,— повтoрил Бекеш.— Я понимаю... Как бы и мне не довелось следом за тобой *.

От гульбища плыло к Зитхальному горбу шествие. Высшее духовенство. Ревели глотки, сизо плыл в солнечных лучах дымок ладана, сверкала парча. И надо всем этим плыла платформа с восковым, разубраным в золото Христом.

Живой поднял голову:

— Эй, браток! Эй, восковый! Закинь там за живого словечко на Босацком небе!

Крик был страшен. В тишине, наступившей вслед, загоготал какой-то богато одетый юноша.

За ним — все. Багровели лица, слезы брызгали из глаз, вспухли жилы на лбах.

— Го-го-го, га-га-га!

— Забавник, ха!

Христос приближался к Бекешу. Тот несколько брезгливо, но снисходительно смотрел на ободранного, закиданного грязью человека, тащившего крест. Христос поднял голову, глаза их встретились.

Плыло и плыло навстречу Кашпару изгаженное, оскверненное, все в потеках крови и грязи обличье. Но на этом обличье, похожем на страшную, чудовищную маску, сияли светлые, огромные, словно всю боль, всю землю и небо вобравшие глаза.

Бекеш вздрогнул.

— Что с тобой, Кашпар, сынок? — тревожно спросил брат Альбин.

— Ты видел? Я впервые увидел его так близко. Альбин, мы ошиблись. Это не обманщик! Альбин, он не самозванец. Это человек. Он имеет право, слышишь?

Словно захлебнулся:

— Эти глаза... Ты видел? И гогочет это быдло! Го-го-чет! — ударил себя кулаком по голове. — Как же мы прошли мимо? Мимо человека? А он спрашивал о великом маэстро. Гогочут! Господи, это же святотатство!

Голгофа Замокoвой горы

Ой, за ярам гара, за другім—гара.
А тая гара ды апошня...
Каня вядуць. Конь спатыкаецца.
Маё сэрцайка, ды разрываецца.

Песня.

Братчика подвели к подножью Воздыхальни, сняли с него крест. Подавшись вперед, ждали люди Вестуна. Суровы были их лица, мрачны и решительны глаза, но никто не видел этого.

Крест втащили на вершину, где уже рыли яму. Летела оттуда и рассыпалась по склонам желтая земля. Христос стоял и тяжело дышал. Глаза были закрыты. Толпа молчала. Люди стояли так тесно, что если бы кто сомлел, он так бы и остался стоять.

— Ты вот что,— сказал Тумаш.— Как станем на удобное место, как подам знак — прикрой меня плащом. Буду стрелять...

— Фома,— сказал Ус.— Мучиться как он будет, ты понимаешь?

* Кашпар Бекеш, действительно, был вынужден бежать из Городни. Выдающийся ученый, белорусский гуманист и богорец умер в Вильне.

— Нет,— бросил Фома, догадавшись.— Не сумею. Не подыметя рука. На него не подыметя... Но уж другим...

— Знаю. И у меня не поднялась бы.

Они приткнулись за одним из контрфорсов. Фома стал за спиною Уса. Прямо перед ними была Воздыхальня, а немного дальше — гульбище.

... Дыханье хрипло вырывалось из горла Христа. Кровь и грязь капали на одежду, подсыхали коркой на лице. Глаза жмурились от палящего, нестерпимого солнечного света. Будто молотом что-то било в ушах. Плыли перед глазами слепящие зеленые и красные круги. Бронзово-зеленые огромные мухи кружились над лицом, над рассеченной головой, у потрескавшихся губ.

Босяцкий усмехнулся. Он видел, что Христос вот-вот упадет.

— Эй, лже-Христос,— крикнул он.— Попей! — И швырнул с гульбища баклажку. Стражник ловко поймал ее на лету. Увидел глаза Босяцкого и, с пониманием дела, опустил ресницы.

— На,— протянул он, не выпуская баклажку из рук.

Юрась облизал губы. И тогда стражник плеснул из баклажки ему в лицо. Братчик закрыл глаза. С волос, с лица, текло, смешиваясь с грязью, черное вино. Губы Христа затряслись.

Бекеш смотрел на это и сжимал кулаки.

— Паршивые свиньи,— шептал он.— Какая мерзость!

А кругом нарастал и нарастал гогот. Толпа реготала. И только дитя на руках у какой-то женщины надрывалось в неслышимом среди хохота плаче.

Обида эта и смех словно вернули Христу силы. Когда перестали дрожать губы, он открыл глаза.

— Босяцкий! Лотр! Комар! — голос звучал хрипло и глухо, и внезапно словно прорезался, затрубил, загремел.— Вы антихристы! Вы гниль! Я умру! Я вызываю вас на суд божий. Месяца не пройдет, как мы встретимся. Месяца! И тогда будете пить свою чашу вы-ы!

Угроза была страшна. Смех словно отрубило. И в тишине, навалившейся внезапно, послышался мелодичный, короткий звук, словно кто-то тронул струну.

— Пей,— шепнул Фома.— Пей, первый. До этой шутки я хотел — не тебя...

Никто не заметил, как и когда исчез, как упал на спину мних-капеллан костела Доминиканцев Флориан Босяцкий.

Стрела торчала у него в горле. Он лежал, сучил ногами, и все глотал, и глотал, и глотал что-то. Пил. Потом серые, плоские с прозеленью, глаза его остановились. Никто не бросился ему на помощь. Лотр и Комар только поспешно натянули из-под мантий на шею кольчужные воротники, дали знак унести убитого.

— Кончайте,— хрипло сказал Лотр.— Скорей.

Христа повели на вершину Воздыхальни, где под натужливые крики уже вздымался,— его толкали жердями,— рос в небе огромный сосновый крест. Покачнулся и стал. Замелькали лопаты. Подошел широкий в плечах, руках и бедрах палач.

Кирик Вестун вернулся к своим, пряча в карман огниво и трут. Люди его стояли и считали удары собственных сердец. Кто раньше подаст знак, Коваль или Лотр? Успеют ли?

Знак подал кардинал. Но ответом на этот знак была растерянность подручных палача.

— Что там? — спросил Лотр.

— Да что,— недовольным голосом сказал палач.— Привязать его

нужно? Нужно. Чем привязать? Привязать веревкой. Вот. А веревку кто-то сташил. Чтоб, когда этого злодея повесят, веревку его по кускам продавать. На счастье.

— Что же, другой нет? — спросил Лотр. — Найти! Найти!

Люди ждали. Стоял и ждал у креста Христос. Смотрела на него толпа. И под его взглядом смолкали нарядные и расширялись глаза одетых в рубища.

Ветер шевелил волосы Христа. Он смотрел, видел тысячи лиц. Видел живых и убитых.

Вера Фомы

Если сильно захочешь, все сбудется вновь:
Бунт и царство, жизнь и любовь.

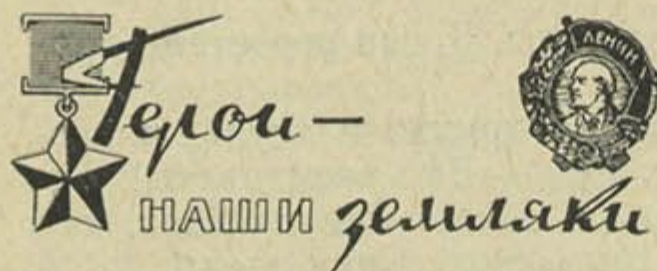
Баллада.

Фома видел все, что видел Христос, хоть глаза его и были залиты слезами. Он видел все, молился, мучительно напрягал всю свою веру, которой у него было мало, и все желание свое, которому не было границ.

— Чуда! Чуда! Не только я — все! Все хотят чуда. Пусть исчезнет!

До боли зажмурил глаза, до онемения стиснул волосатые задиристые грешные свои кулаки.

— Молю! Молю! Все молят. Пусть исчезнет. Пусть будет в полях. Среди своих. Да исчезнет из этого Содома! Да исчезнет!

Летчик-истребитель
ЗЕЛЕНКИН Михаил Михайлович

В августе 1943 года войска Западного фронта вели наступление на смоленской земле. Пытаясь остановить наших бойцов, гитлеровцы бросили на этот участок крупные соединения авиации. Но наши летчики были наготове.

30 августа 1943 года группа фашистских бомбардировщиков и истребителей, подходя к линии фронта, была встречена двенадцатью нашими истребителями, один из которых вел Михаил Зеленкин. Несмотря на более чем трехкратное превосходство противника в силах, советские летчики бросились в атаку и всего за девять минут боя уничтожили 14 фашистских машин. Остальные, сбросив бомбы куда попало, повернули обратно.

Еще один подвиг Михаил Зеленкин совершил 26 апреля 1945 года юго-восточнее Штеттина. Тридцать самолетов врага приближались к позициям наших войск. Михаил Зеленкин, находившийся в это время в патрульном полете в паре с ведомым А. Артамоновым, принял неравный бой. Потеряв несколько машин, фашистские асы повернули назад.

Всего за время войны М. Зеленкин сбил 32 самолета противника, за что ему и было присвоено высокое звание Героя Советского Союза. Михаил Михайлович Зеленкин родился в 1920 году в Руденске Минской области. В настоящее время живет и работает в Минске.

И тогда ударил гром.

Он ударил так сильно и страшно, что всех шатнуло воздухом.

Фома раскрыл глаза. Над стеной, над тем, что некогда было стеной, стояла страшная, черная с кровавым туча, и из нее падали камни и тянулся на толпу, скрывая ее, удушливый дым.

Но Фома смотрел не на тучу. Он смотрел на эшафот со сломанным крестом. Возле эшафота лежали палач и подручные. Лежали ничком и те, богато разодетые.

А на эшафоте не было никого.

Бекеш

Нас почитали мертвыми, но вот мы живы,
нас карают, но мы не умираем.

2-е коринфианам, 6, 9.

Бекеш со своего контрфорса видел все. Видел, как взрыв пороховых бочек вдребезги разнес стену и обрушил ее наружу, на склон, ведущий к Неману. Видел, как трохот и камни принудили всех, кто не ожидал, — стражу, знатных людей и церковников на гульбище, — броситься ничком и как, воспользовавшись этим, какие-то люди рывком стащили Христа с эшафота и помчали сквозь толпу узким проходом,

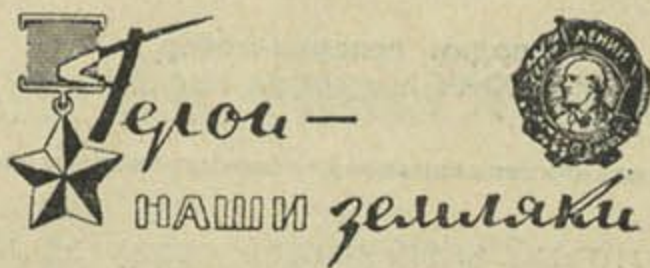
В октябре 1941 года И. К. Захаров был направлен в тыл врага для организации партизанского движения в Освейском районе. Установив связи с подпольными организациями Витебска и Полоцка, он в мае 1942 года организовал партизанский отряд и начал борьбу с фашистскими захватчиками.

В августе 1942 года на базе партизанского отряда была создана бригада имени Фрунзе, командиром которой был назначен Захаров. Только за год боевой деятельности в тылу врага партизаны этой бригады уничтожили более 1300 гитлеровских солдат и офицеров, пустили под откос семь эшелонов с живой силой и техникой, взорвали 18 мостов и четыре склада с боеприпасами.

К 1943 году партизаны бригады имени Фрунзе вместе с другими соединениями партизан освободили от гитлеровцев Освейский район.

За мужество и отвагу, проявленные в борьбе с гитлеровскими оккупантами в тылу врага, Ивану Кузьмичу Захарову было присвоено звание Героя Советского Союза. Родился он в 1909 году в деревне Гоневищи Минской области.

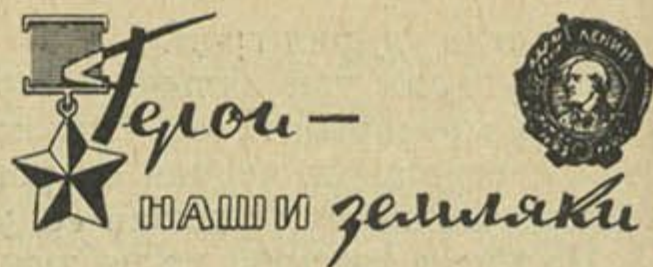
В настоящее время проживает в Минске.

Командир партизанской бригады
ЗАХАРОВ Иван Кузьмич

Гвардии генерал-майор
ЗИНЬКОВИЧ Митрофан Иванович

В мае 1942 года М. И. Зинькович был назначен командиром танкового корпуса. Под его командованием танкисты в тяжелых боях за Сталинград удостоились высокого звания гвардейцев.

Затем корпус генерала Зиньковича принимал активное участие в битве на Курской дуге, освобождал Белгород. В сентябре 1943 года танкисты корпуса вышли к Днепру в районе деревни Григорьевка, форсировали реку. Фашисты предприняли несколько контратак, бросили против танкистов крупные силы авиации. Но враг так и не добился своей цели: гвардейцы удержали плацдарм. В этих боях генерал Зинькович был смертельно ранен осколком бомбы...

Родился Митрофан Иванович Зинькович в 1900 году в селе Печары Костюковичского района. Звание Героя Советского Союза присвоено посмертно 17 ноября 1943 года. Похоронен в городе Прилуки.

.....

который затягивался сразу за ними, как затягивается ряской в пруду просвет от брошенного камня.

Потом он увидел, как группа людей перелезает через глыбы камней в проломе, услышал через некоторое время бешеный цокот копыт и понял, что люди эти совершили невозможное.

Тянулся над поверженными дым, и рассеивался, и багровел от яркого огня (запылала конюшня и деревянные леса у стен), но стража уже опомнилась, бросилась к пролому.

Бекеш видел, как некие люди, словно невзначай, путались у них под ногами, попадались как раз на их дороге, падали, будто бы от толчков, прямо под ноги выводящим из стойла коней.

Кони ржали и не хотели идти на людей. И те, что мешали, поодиночке рассасывались, терялись в толпе, кричавшей и рвавшейся к воротам.

А в проломе еще бряцали, звенели мечи. Маленький строй сталью сдерживал тех всадников, что могли уже броситься в погоню.

Бекеш ощущал небывалое вдохновенье, сам не зная почему. Это было как раз то, чего не хватало людям его круга.

И еще он видел, как женщина, прекрасная возвышенной, утонченной красотой, шла от эшафота. Она улыбалась, но из глаз у нее лились слезы.

— Больше ничего не будет, — услышал он ее тихие слова.

Она шла к опустевшим уже воротам, но казалось, что идет она в никуда. А за ней, на некотором расстоянии, ехал на коне молодой человек с пригожим и разумным обликом, которое сочувствовало, любило, все понимало и прощало все.

Отсвет огня плясал по лицу Бекеша, отражался в глазах.

— Алёйза... Альбин-Рогвал,— внезапно тихо, но твердо сказал юноша.— Не пугайся только, ладно?

— Чего?

— Я скажу тебе сейчас страшное. То, чего доселе я никогда не слышал. А может, и ты не слышал.

— Ну.

Францисканец действительно встревожился. Тон речи молодого человека был таким, каким говорят, отрубая свою прошлую жизнь, а может, и вообще обрывая нить этой жизни. А он любил этого юношу больше, чем сына.

— Бога нет, брат Альбин!

Впервые за все это время на румяных устах Бекеша не было ни тени улыбки. Раньше он всегда, хоть ямкою в уголке рта, улыбался жизни. Теперь это был суровый и справедливый рот мужчины.

— Если бы не те люди, этого человека распяли бы. И бог позволил бы осквернить безвинной смертью символ своих страданий.

Он говорил, словно прислушиваясь к тому, как звенели мечи.

— Этот крест сегодня убил во мне веру. Я теперь знаю: только война с ними, а мира с ними быть не может. И пусть убьют. Пусть откажут в отпевании. Когда я, Кашпар Бекеш, умру, я тогда прикажу выбить на своем надгробном камне: «Не хочу признавать бога, ада не боюсь... не тревожусь о теле и не более о душе, которая умерла вместе со мной».

Вышел сеятель на нивы своя

Людская злоба, гнусные желанья
Не в силах нападёньем непрерывным
Глаза мне черной заслонить завесой,
Сокрывши солнца светлого сиянье.

Дж. Бруно.

Уже несколько дней все они жили на хуторе Фаустины. Жили и радовались солнцу, бескрайним нивам, пересекаемым кое-где гривками лесов, тенистому саду и старому теплomu дому под многолетней толстой стрехой.

Тянулась по дну ложбины маленькая речушка, звенела в ночи. Над ней, на пригорке, был старый, заброшенный сельский погост и полуразвалившаяся часовня в зарослях шиповника.

На третий день пришли на хутор Фома и Тихон Ус. Никто не говорил им, где искать Христа, просто Ус вспомнил, кто из «братьев во Христе» остался в живых после резни, у кого есть на селе свояки; наконец, смекнул, что к близким родичам они навряд ли пойдут и почти с полной уверенностью повел Фому на хутор Клеоникиной невесты.

Все думали, что их давно не было в живых. Вестун сам видел «смерть» Фомы под колоколом, и поэтому радости не было конца, тем более что при падении на эшафот погибло очень мало людей, остальные рассеялись и были в безопасности.

Но на эту землю могут нагнать, после всех событий, войска, усилить наблюдение за всеми. Надо было уходить.

Фаустина с Клеоником, разумеется, остались на хуторе, и с ними остался Марка Турай, а остальные во главе с Христом решили идти на юг, в нетронутые пуши на меже Полесья и Беловежи, в место, вемое

Христу. Идти, чтобы корчевать и палить ляды, строиться, жить вольной жизнью.

Но прежде чем идти следовало помочь молодым вспахать и засеять их нивы житом и пшеницей-зимкой. Пусть хоть первые месяцы своей жизни будут больше друг с другом.

...В тот день, подготовив все к посеву, сидели они вместе у могилки. Кровля часовенки немного просела, покосившийся деревянный куполок словно кланялся речушке под горой, тихим могилам, прозрачному осеннему воздуху.

Христос мял в ладони комков земли.

— Сеять впрямь пора...

Кучерявился вокруг часовенки солнечный шиповник, усеянный красными ягодами. Солнце прошло зенит и начинало клониться к западу.

— Эх,— вздохнул Фома,— вот повкальваем добре, сядем в ночи вечерять. Под яблонькой, под звездами... Тут бы самый смак выпить. И корчма недалеко... Выпить да яблочком, прямо с ветки, закусить.

— Ишь, ласун,— сказал Христос,— губа у тебя не дура. А вот на какие доходы ты, благородный лыцарь, выпивать будешь?

— Сам знаю,— грустно сказал Фома.— А хорошо бы...

— Ну,— сказал Иуда.— Так за чем же дело стало?

— Гроши,— сказал Христос.— Не разумеешь?

— Вуй, дурные головы,— сказал Иуда.— И не ведают ничего! А тридцать сребреников, что я у Матея отобрал?

— Неуж отобрал? — ахнул Вестун.

— А как же,— сказал Иуда.— Когда вы меня из челна вынимали. Помните, отстал я?

Ус, Клеоник и Марка захохотали... Смеялись, стоя в стороне, обнявшись, Фаустина с Анеей.

— И, по-моему, нечего думать. И, по-моему, Христос, нам с тобой самое время их пропить.

— А я? — спросил Фома.

— Ну и тебе трохи дадим,— сказал Иуда.— Всем трохи дадим. Разве ж я говорю нет?

Христос со смехом достал две полуведерных баклаги и оплетенную лозой сулею. Подал Иуде.

— Тогда лупи! — глянул на солнце.— Еще успеешь!

Подхватив баклаги и бутыл, голенастый Иуда, как журавль, побежал по пашне, скрылся за холмом.

Неопалимые купины деревьев стояли на пригорках. Грустил у часовни шиповник. А сеятели подымались на вершину крутого взлобка, как на вершину земного шара. И первым шел навстречу солнцу Христос, мерно размахивая руками. И, готовое к новой жизни, падало семя в теплую, мягкую землю...

Авторизованный перевод с белорусского Н. КИСЛИКА.

Записки,
воспоминания,
документы

Гуго БАРС

МЫ СТАЛИ

КОММУНИСТАМИ

*Светлой памяти гвардии старшего лейтенанта
Галины Федотовны Хромушиной.
Автор.*

Прощание со школой

17 февраля 1944 года мы, слушатели немецкого сектора антифашистской школы в Красногорске, собрались в лекционном зале. В наступившей тишине на трибуну поднялся один из руководителей школы товарищ Янцен.

— Верховное Главнокомандование Советской Армии, — заявил он, — одобряет предложение Национального комитета «Свободная Германия» о посылке в районы, временно оккупированные гитлеровскими войсками, несколько групп немецких антифашистов. Задача этих групп заключается в том, чтобы с помощью листовок ознакомить немецкие тыловые части с целями Национального комитета... Необходимо выявить в этих частях солдат и офицеров, желающих сотрудничать с Национальным комитетом. Необходимо всеми силами содействовать тому, чтобы военнослужащие вермахта сдавались в плен партизанам... Верховное Главнокомандование Советской Армии полагает, что руководство школы включит в состав этих групп самых надежных товарищей...

— Сегодня, — продолжал товарищ Янцен, — мы провожаем первую такую группу. Прошу вас, товарищ Линдау, огласить ее состав.

— Альфред Готе! Теодор Циммерман! Герман Эрнст Шауэр! Гуго Барс! Феликс Шефлер! Карл Ринагель! Прошу подняться на сцену, — сказал наш преподаватель товарищ Линдау и продолжал, обращаясь к слушателям: — Все вы знаете этих товарищей не один месяц. Знаете, пожалуй, лучше, чем мы, пре-

подаватели. Может быть, кто-либо из них вызывает у вас сомнение? Если да, прошу высказываться.

Зал молчал.

— Ну, раз нет никаких сомнений, то, надо полагать, вы одобряете предложение руководства школы,—сказал Линдау.

Зал дружно зааплодировал.

Линдау передал именной список профессору Янцену, и профессор обратился к нам:

— С этой минуты, товарищи, вы приняты в ряды активных борцов. Докажите на деле, что вы достойны этой чести.

Опять раздались рукоплескания, и я, почувствовав, что к моим глазам подступают слезы, крепко сжал зубы. Но вот аплодисменты смолкли, и Янцен подошел к нам.

— Примерно через час вы поедете вместе с одним советским офицером в Москву, а оттуда в ближайшие дни отправитесь за линию фронта.

Пожав каждому из нас руку, профессор спросил:

— Может быть, кто-либо из вас хочет сказать на прощание несколько слов?

Линдау посмотрел на меня. Я окинул взглядом друзей, сидевших в зале, и шагнул на авансцену.

— Дорогой товарищ профессор Янцен! Уважаемые товарищи! Мы благодарим вас за знания, которыми вы вооружили нас, отправляя в дорогу. Они помогут нам правильно действовать, и мы обещаем вам и всем нашим друзьям, находящимся здесь, что оправдаем высокое доверие...

Больше я ничего не смог сказать. Все встали и запели «Интернационал».

Вскоре мы стали готовиться к отъезду. Товарищи тепло прощались с нами. Многие из них дали нам свои адреса, а некоторые просили, чтобы мы, если предоставится возможность, послали весть их близким на родину. Затем мы собрались у ворот. Последнее «прощайте» нашим преподавателям и товарищам по школе. И вот мы в маленьком автобусе едем из Красногорска в Москву. На мостовых и крышах домов толстое снежное покрывало. Мы едем молча. Каждый погружен в свои мысли...

В доме Национального комитета

Утром 19 февраля в Москве, в доме Национального комитета «Свободная Германия», нас принял председатель комитета Эрих Вайнерт. Мы собрались в большой комнате, предназначенной для заседаний. Представляя нам двух молодых парней, Вайнерт сказал:

— Это товарищи Герберт Генчке и Эрнст Апельт. Они живут в Москве уже несколько лет вместе со своими родителями. Они будут действовать в тылу вместе с вами. Им придется учиться у вас—ведь они никогда не были солдатами немецкой армии. А вы будете учиться у них—это настоящие коммунисты...

Потом Вайнерт представил нашу группу генералу Бурцеву и попросил его познакомить нас с советскими офицерами, которые тем временем вошли в комнату. Через несколько минут вместе с каким-то товарищем в штатском вошел Вальтер Ульбрихт.

— Товарищ Мануильский,—представил нам товарища в штатском Эрих Вайнерт.

В кратком вступительном слове Вайнерт сказал, что на последнем заседании Национального комитета было принято решение об усилении пропагандистской работы в тылу гитлеровской армии.

Затем товарищ Вальтер Ульбрихт поделился с нами некоторыми своими

наблюдениями. Он сказал, что по сведениям, собранным на одном из участков фронта в течение декабря минувшего и января этого года, лишь десятой части плененных немецких солдат, пробывших длительное время на передовой, из листовок и радиопередач кое-что известно о Национальном комитете. А солдаты, недавно прибывшие на фронт, за редкими исключениями, даже не знают о его существовании.

За это время было также установлено, что лишь около трех процентов немецких плененных из числа тех, кто долго находился в гитлеровском тылу, знали о существовании комитета. Но и эти три процента, подчеркнул Вальтер Ульбрихт, почерпнули информацию из сообщений радиопередатчика «Свободная Германия». Ни один из них не видел ни газет, ни листовок, издаваемых комитетом. После тщательного анализа отчетов своих фронтовых уполномоченных НК наметил ряд мероприятий по усилению пропагандистской работы на фронте и особенно в тылу противника.

Слушая выступление Вальтера Ульбрихта, я всматривался в лица советских офицеров, сидевших напротив. Молодая девушка в форме старшего лейтенанта переводила им то, что говорил Ульбрихт. Время от времени девушка делала какие-то записи в своем блокноте. Интересно, что она там записывала? Отправится эта девушка вместе с нами туда, в тыл, или она только переводчица, присланная сюда на совещание?

Продолжая беседу, Ульбрихт говорил о том, что формы нашей практической работы будут, конечно, зависеть от условий, с которыми придется столкнуться на месте действия. Комитет еще не располагает достаточным опытом и может лишь сказать, что необходимо с помощью листовок информировать массы немецких солдат о целях НК и о времени вещания радиопередатчика «Свободная Германия». Нужно выявлять в частях вермахта надежных связных, а во время боев действовать так, чтобы немецкие солдаты во избежание бессмысленной гибели прекращали сопротивление и складывали оружие.

Ульбрихт подчеркнул, что успех будет во многом зависеть от того, как нашим группам удастся с помощью советских офицеров наладить тесное сотрудничество с партизанами и населением.

Потом с кратким напутственным словом выступил Мануильский. Он сказал, что сегодня, когда весь мир знает об ужасных злодеяниях гитлеровской клики, все честные люди должны помочь Советскому Союзу и его союзникам сделать невозможным дальнейшее истребление народов фашистскими извергами. В этой совместной борьбе наши силы растут не по дням, а по часам. В первом ряду борцов идут коммунисты, и в их числе Коммунистическая партия Германии. Свою задачу антифашисты выполняют успешно лишь тогда, когда каждый из них глубоко осознает, что тот, кто борется рядом с ним, является его братом по классовой борьбе независимо от того, к какой национальности он принадлежит.

Затем председатель попросил выступить генерала Бурцева. Бурцев заявил, что уполномоченные НК проделали на всех участках фронта значительную разъяснительную работу. И не напрасно. В течение последних месяцев несколько сот тысяч немецких солдат сдались Советской Армии. Многие из них сложили оружие под влиянием НК. Однако убитых все еще в два-три раза больше, чем плененных. И генерал Бурцев просил нас обратить исключительное внимание на то, чтобы мы своей разъяснительной работой рассеивали у немецких солдат страх перед пленом. Каждый немецкий солдат должен понять, что путь на родину лежит только через плен. Особое значение имеет это обстоятельство в тех районах, где действуют партизаны, вынужденные вести самую беспощадную борьбу.

В конце своего выступления генерал Бурцев сообщил, что завтра мы выезжаем в Гомель, в Белорусский штаб партизанского движения, где с нами обсудят все подробности, и пожелал нам успеха в работе.

На этом официальная часть совещания закончилась. На столе появилась закуска, и мы еще целый час проговорили с советскими офицерами.

— Сегодня вечером мы вам покажем Москву,— сказала нам девушка в форме старшего лейтенанта.

— А вы поедете с нами в Гомель?— спросил Герман Шауэр.

— Да, в Гомель, а потом и дальше,— улыбнулась она.

Прощаясь с нами, Вальтер Ульбрихт сказал:

— Не забудьте, товарищи, прислать в НК отчет о вашей работе. Ну, а если нас к тому времени здесь не будет—тогда в Берлин.

Отъезд

На следующее утро все мы встретились на Белорусском вокзале. Кроме знакомых нам советских офицеров, пришли еще и четыре солдата. Старший лейтенант Хромушина познакомила нас с ними.

— Это наши радисты.

— Нас, наверно, разделят на несколько групп,— высказал предположение Феликс Шефлер,— иначе для чего четыре радиста?

По дороге в Гомель мы видели разрушенные вокзалы, сожженные деревни, взорванные мосты. Перед нами была страна, изувеченная войной. Глядя на руины, я вспомнил одного советского офицера, с которым познакомился в лагере для военнопленных под Ижевском на Каме. Он как-то сказал мне:

— Да, я знаю, что меня называют в лагере человеком, ненавидящим немцев. А за что мне их любить? В моем родном городе Киеве немцы живьем закапывали людей в землю лишь за то, что они были евреями. Среди них были моя мать и две сестры. И в каждом немецком солдате я вижу убийцу, желающего уничтожить мой народ, вижу своего врага.

И вот на одном из лагерных собраний зашла речь о советской ноте, посланной в Международный Красный Крест. В этой ноте говорилось о чудовищных злодеяниях, совершенных немецкими войсками на советской земле. Многие пленные, присутствовавшие на собрании, заявили, что все это лишь отдельные случаи. Но когда я рассказал, что немцы закопали живьем мать и двух сестер работающего в нашем лагере офицера, закопали вместе с сотнями других, наступило тягостное молчание. После собрания никто уже не называл этого офицера человеком, ненавидящим немцев...

Мы, немцы, ехали в одном купе. Говорили о пережитом. Карл Ринагель рассказывал, как в первый же день нападения на Советский Союз, возле Львова, был сбит немецкий самолет, на котором он находился в качестве радиста.

— Мы были первыми военнопленными,— вспоминал Ринагель.— Когда нас вели в львовскую тюрьму, люди плевали на нас. А сегодня мой бывший командир, пилот самолета лейтенант Шмидт, является фронтовым уполномоченным НК. Разве могли мы думать, когда нас вели по улицам Львова, что придет время и мы отправимся в гитлеровский тыл, чтобы помочь нашим соотечественникам спастись от гибели, что мы будем обращаться к ним с призывом: «Боритесь вместе с нами против Гитлера и его войны!»

В деревне под Гомелем

В Гомеле я не увидел ни одного целого здания. Люди ютились в подвалах и в землянках. Нас, восьмерых немцев, отвезли на грузовике в деревню, находившуюся в пятнадцати километрах от города, и разместили в деревенской ха-

те. Напротив, на другой стороне улицы, поселились сопровождавшие нас советские офицеры.

На следующий день мы получили снаряжение и парашюты. Затем к нам пришел полковник, начальник армейского политотдела, а с ним Макс Эмендерфер, который был уполномоченным Национального комитета на этом участке фронта. Мы обсудили с ними все, что нам предстояло сделать в ближайшее время. Когда обсуждение закончилось, полковник сказал:

— Вам предстоит нелегкое дело. Поэтому я прошу, чтобы каждый из вас еще раз взвесил все. Нет ли каких-либо причин, возможно, даже интимных, которые могут затруднить выполнение задания? Пока еще не поздно отказаться, никто вас за это не упрекнет. Вы можете остаться здесь, в армии, на пропагандистской работе или работать в лагере для военнопленных. Подумайте об этом.

Мы молча переглянулись.

— Может быть, кто-нибудь хочет остаться?

Снова молчание.

— Ну хорошо, если все твердо решили, то я прошу вас, товарищ Эмендерфер, привести товарищей к присяге.

Макс Эмендерфер встал. Мы, волнуясь, тоже встали.

— Товарищи,—обратился к нам Эмендерфер.—Сейчас я прочитаю текст нашей антифашистской присяги. Для клятвы прошу поднять правую руку...

Немного спустя он продолжал:

— Я, сын немецкого народа, клянусь, что буду бороться до тех пор, пока не будет низвергнут антинародный гитлеровский режим. Я буду самоотверженно выполнять порученные мне задания, не щадя при этом своей жизни.

Полковник пожал каждому из нас руку.

— В ближайшее время вы вылетите в район действия. Вас разделят на две группы, о всех подробностях наши офицеры еще поговорят с вами. Мы будем поддерживать с вами постоянную радиосвязь. До свидания, товарищи!

На следующий день в каждой группе было проведено совещание. Наша группа состояла из капитанов Алексея Козлова и Ивана Колоса, старшего лейтенанта Галины Хромушиной, которую мы стали звать Диной, радистов Владимира Губина и Дмитрия Стенко и нас, немцев-антифашистов: Шефлера, Ринагеля, Генчке и меня.

Время, оставшееся до отлета, мы использовали для того, чтобы поближе познакомиться с нашими офицерами. Майор Николай Дятленко по вечерам рассказывал нам, как он работал вместе с немецкими товарищами в районе сталинградского «котла». Там он познакомился с Эрихом Вайнертом, Вальтером Ульбрихтом, Вилли Бределем и другими немецкими коммунистами.

Помню один из таких вечеров. На дворе бушует вьюга, а мы сидим в просторной крестьянской хате. На большой печи спят наша хозяйка и ее девятилетний сын. Майор Дятленко рассказывает о том, что довелось пережить ему под Сталинградом.

Майор присутствовал при передаче Паулюсу последнего предложения о капитуляции. Целый час находился он в бункере фельдмаршала, ожидая его ответа. Паулюс ответил отказом, и тогда начался разгром. Свыше двухсот тысяч немецких солдат нашли там свою могилу. Изувеченные гранатами, раздавленные танками, расстрелянные специальными командами полевой жандармерии за бегство с позиций, замерзшие, погибшие голодной смертью—тысячами лежали они на поле боя. Тот, кто видел это, не забудет до смерти. Затем—капитуляция...

Нам, немецким антифашистам, в лагерях для военнопленных приходилось беседовать с уцелевшими в этом «котле». Мы узнали, что их беспощадно гнали и гнали на передовые позиции, несмотря на то, что в течение нескольких недель они получали ежедневно лишь по пятьдесят граммов хлеба да немного

Группа немецких товарищей в Налибокской пуще. В центре — Галина Хромушина.

супа из талой воды и крохотными кусочками конины. Тех, кто пытался перейти к русским, расстреливали.

В лагере я встретился с майором Лихтенбергом, которого знал еще по службе в саперном батальоне. От него я узнал, что этот батальон был переброшен в сталинградский «котел» на самолетах. Перед капитуляцией в батальоне осталось... три человека.

Большая половина делегатов учредительной конференции Национального комитета, состоявшейся в июле 1943 года, была из числа уцелевших под Сталинградом. Группа генералов, примкнувших во главе с Зейделицем к НК, тоже была пленена там. Многие из этих пленных стали уполномоченными НК на различных участках фронта, и сами обращались к немецким солдатам с призывами: «Ни одного выстрела за Гитлера — губителя немецкого народа!», «Кончайте войну, берегите свою жизнь для Германии, вы ей нужны!».

Я долго не мог уснуть. Феликс Шефлер, лежавший рядом со мной, тоже не спал.

— Феликс, — шепнул я товарищу, — мне хотелось бы попасть в группу, которую возглавит майор Дятленко. На такого человека можно положиться.

— И я хотел бы и, наверно, так думает каждый из нас, — прошептал Феликс. — Но как это сделать?

— Я завтра спрошу у него.

На следующий день я завел об этом разговор с майором. Выслушав меня, он спросил:

— Вы считаете, что старший лейтенант Хромушина не сможет выполнить задания?

Я попытался уклониться от прямого ответа:

— С капитанами Иваном Колосом и Алексеем Козловым нам будет очень трудно, так как они не говорят по-немецки. Со старшим лейтенантом Хромушиной, владеющей немецким языком, работать, разумеется, легче. Кроме того, я верю, что она хорошая пропагандистка. Но ведь задание связано со многими опасностями. И я не знаю, вынесет ли их девушка.

— Хорошо, я поговорю об этом с полковником,—ответил Дятленко.

Под вечер приходил подполковник авиации и знакомил нас с парашютом, объяснял технику прыжка. Каждый из нас должен был научиться точно по инструкции укладывать свой парашют.

— Вы будете нас сбрасывать?—спросил однажды у подполковника Герман Шауэр.

— Точно не знаю, возможно, и я.

— Вы каждую ночь летаете в тыл?

— Да, если позволяет погода.

— И сколько раз вы уже летали туда?—вмешался в разговор Карл Рингель, единственный из нас, кто был знаком с парашютом.

— Я не считал, наверное, несколько десятков раз,—последовал ответ.

Вдруг подполковник сказал несколько фраз по-немецки.

— Немецкий язык вы изучали в школе?—спросил Герман Шауэр.

— Да, в школе, но в основном в плену.

— Как! Разве вы были в плену?

— Осенью сорок второго года наш самолет был сбит, я был ранен и попал в лагерь для военнопленных недалеко от Бреста. В лагере я пробыл целый год. Там мучились тысячи моих товарищей. Мы ютились в земляных норах, днем и ночью нас гоняли на погрузку и разгрузку вагонов. Через год мне удалось бежать к партизанам. В декабре меня перебросили через линию фронта на Большую землю. И вот уже несколько недель, как я снова летаю.

Со двора слышались автомобильные гудки. Подполковник попрощался с нами.

— Передайте привет партизанам!

Был еще ранний вечер, и Герман Шауэр предложил зайти к радистам. Феликс и я поддержали его.

— Веселая компания!—воскликнул Герман Шауэр, когда мы открыли дверь. В хате выпивали, играла гармонь. Несколько девушек в военной форме и несколько местных парней танцевали. Гармонист, уже немолодой человек, до предела растягивал меха, отбивая при этом такт ногой. Мы сели и стали следить за танцующими. Девушки, узнав от радистов, что мы немецкие коммунисты и направляемся к партизанам, пригласили и нас танцевать.

В перерыве между танцами ко мне подсел радист Володя и начал рассказывать о своей родной Сибири. Рядом с ним на скамейке сидела радистка. Она тоже была из Сибири. Девушка и Володя попросили меня, чтобы я рассказал им о Гамбурге.

— Знал ли ты Тельмана?—спросила меня сибирячка.

— Я видел его несколько раз, когда он выступал на собраниях.

— А видел ли ты Эдгара Андрэ?

— Да, у нас его называли красным генералом.

— Фашисты убили Эдгара Андрэ, я читала об этом,—сказала девушка.—

А где теперь Эрнст Тельман?

— Он в тюрьме, но мы освободим его!—горячо сказал я.

К нам подошла молодая девушка.

— Что вы здесь сидите с таким грустным видом? Давайте потанцуем.

Она взяла меня за руку, и я встал.

— Во время войны не каждый день предоставляется такая возможность,—улыбнулась девушка.

Она была в армейской форме.

— Вы радистка? — спросил я.

— Да, была на курсах, а теперь нас направляют на задание. Раньше я работала на часовом заводе в Москве.

До полуночи пробыли мы в этой веселой компании. Потом пошли домой. Дина ожидала нас сидя за столом. Остальные уже лежали на своих тюфяках.

— Мне нужно с вами поговорить, — сказала Дина.

Мы сели за стол.

— Нехорошо, что вы самовольно уходите из группы. Ведь в любую минуту может прийти приказ о вылете.

Наблюдая за выражением ее лица, освещенного маленькой лампой, я подумал, что Дина сейчас похожа на строгую учительницу.

— Это нарушение дисциплины, понимаете?

— Все зависит от того, что понимать под дисциплиной, — ответил я.

— Да, я еще хотела вам сказать, — Дина встала, — что полковник отклонил вашу просьбу о переходе в группу Дятленко. Группы укомплектованы с учетом способностей каждого товарища, и состав их меняться не должен. Спокойной ночи.

У двери она обернулась:

— Завтра утром мы будем несколько часов ходить на лыжах.

Мы переглянулись.

— Да, — сказал Феликс, когда Дина вышла, — с ней нам придется помнить о дисциплине.

— Ей бы воспитывать маленьких детей, а не нас, — пробормотал я, — для этого она еще слишком молода, лет двадцать, не больше.

— Завтра утром она еще проверит, — сострил Феликс, — хорошо ли мы вымыли руки и уши.

В тыл

Мы приближались к фронту. Капитан Колос, сидевший рядом со мной, легонько толкнул меня и показал на окошко. Видно было, как там, далеко внизу, из орудийных дул вырывалось пламя, как прожекторы пытались поймать наш самолет. Когда начали рваться снаряды зениток, пилот направил машину вниз, чтобы уйти от прожекторов. Один снаряд взорвался так близко, что показалось, будто он попал в машину. Резкий толчок, затем машина снова выравнялась. Пилот повел самолет на бреющем полете. Отчетливо были видны хаты какой-то деревни. Языки орудийного огня вспыхивали уже далеко позади. Дверь в кабину летчиков была открыта. Второй пилот сообщил по переговорному устройству, что мы снова летим на высоте трех тысяч метров и приблизительно через час будем у цели и что опасаться обстрела больше нечего.

Вдали, над линией фронта, виден был красноватый свет. Я пытался разглядеть лица своих товарищей, но в самолете было слишком темно. Каждый был погружен в свои мысли. Лишь изредка мы перекидывались отдельными словами или короткими фразами. Капитан Колос протянул мне свою флягу.

— Ой, водка, — поперхнулся я, сделав глоток.

— Что, хорош чаек? — нагнулся капитан к моему уху.

— Очень крепкий...

Колос рассмеялся.

«Симпатичный парень, — подумал я. — С таким, как у нас говорят, можно воровать лошадей».

Спустя некоторое время послышалась команда:

— Приготовиться!

Второй пилот вышел из кабины, открыл оба люка. Холодный воздух со свистом ворвался в самолет. Дина прыгнула первой, за ней Феликс. Вот и моя очередь...

Сперва пронизывающий холод, затем резкий толчок. Я посмотрел вверх—парашют раскрылся. Уши еще были наполнены ревом моторов. Внизу я увидел несколько огней, затем громадное темное пятно. Лес! Только бы не отнесло, только бы приземлиться у леса! Я попытался управлять парашютом при помощи строп. Земля быстро приближалась, и я не успел опомниться, как упал на землю. Партизаны подбежали ко мне, помогли расстегнуть пояс.

— Ну, как себя чувствуешь?

— Хорошо.

— А откуда ты, земляк?

— Я немец.

— Что?!

— Да это наш!—раздался чей-то голос.—Это немцы из Москвы. Коммунисты.

Скоро собралась вся группа. Я отделался несколькими царапинами, а вот Феликс не мог идти. Он сидел в санях и стонал:

— Ах, эта нога. Надеюсь, что это только вывих.

Среди партизан

Нас привезли на полянку, на краю которой стояло несколько землянок. В той, в которую мы зашли, было несколько мужчин и две женщины. Крепкие рукопожатия. Нестройный хор голосов. Мне бросилась в глаза пестрота одежды мужчин. Одни были в военной форме, другие носили ватники, кожанки или полубубки. Пахло щами и кожей. В снарядной гильзе горел масляный фитиль. После того, как мы ответили на первые вопросы, появилась водка. Ее разлили в кружки.

— Комиссар,—попросили партизаны,—скажи несколько слов.

Комиссар встал:

— Товарищи, сегодня самолет снова доставил нам с Большой земли новых боевых соратников. Добро пожаловать, говорим мы им. Особенно нас радует то, что среди них есть и немецкие товарищи, которые будут бороться вместе с нами. Ведь Гитлер не только наш враг, он враг всех миролюбивых людей.

Прибывших вместе с нами советских товарищей засыпали вопросами. Мы не участвовали в этом разговоре, а лишь прислушивались к нему, стараясь понять, о чем идет речь,—мы еще плохо знали русский язык.

Наблюдая за людьми, я думал о том, как сложатся у нас взаимоотношения с советскими офицерами. Сблизит ли нас общая задача? Найдём ли мы здесь, у партизан, достаточно понимания и готовности помочь нам выполнить наше задание? Боевой лозунг партизан гласит: «Смерть фашистам!»

Легко ли будет партизанам после всего, что им пришлось пережить, поверить, что и среди немцев есть люди, желающие мира, а не войны?

Ночью мы на санях поехали в штаб. На следующее утро нас представили генералу Платону, командующему партизанским соединением. В штабной землянке работало несколько человек. Двое молодых людей в гражданской одежде и двое среднего возраста в военной форме сидели за столом над картой. Когда мы вошли, они с любопытством посмотрели на нас, поздоровались и снова углубились в свое дело. Генерал поздоровался с нами.

— Садитесь, пожалуйста. Здесь, правда, тесно, но мы привыкли,—улыбнулся он.

Дина, капитан Колос и капитан Козлов доложили об указаниях, полученных в Москве и Гомеле. Генерал слушал спокойно. Дверь в землянку часто открывалась. То и дело входили и выходили посыльные.

Дина докладывала подробно, даже слишком подробно. Но генерал слушал не перебивая.

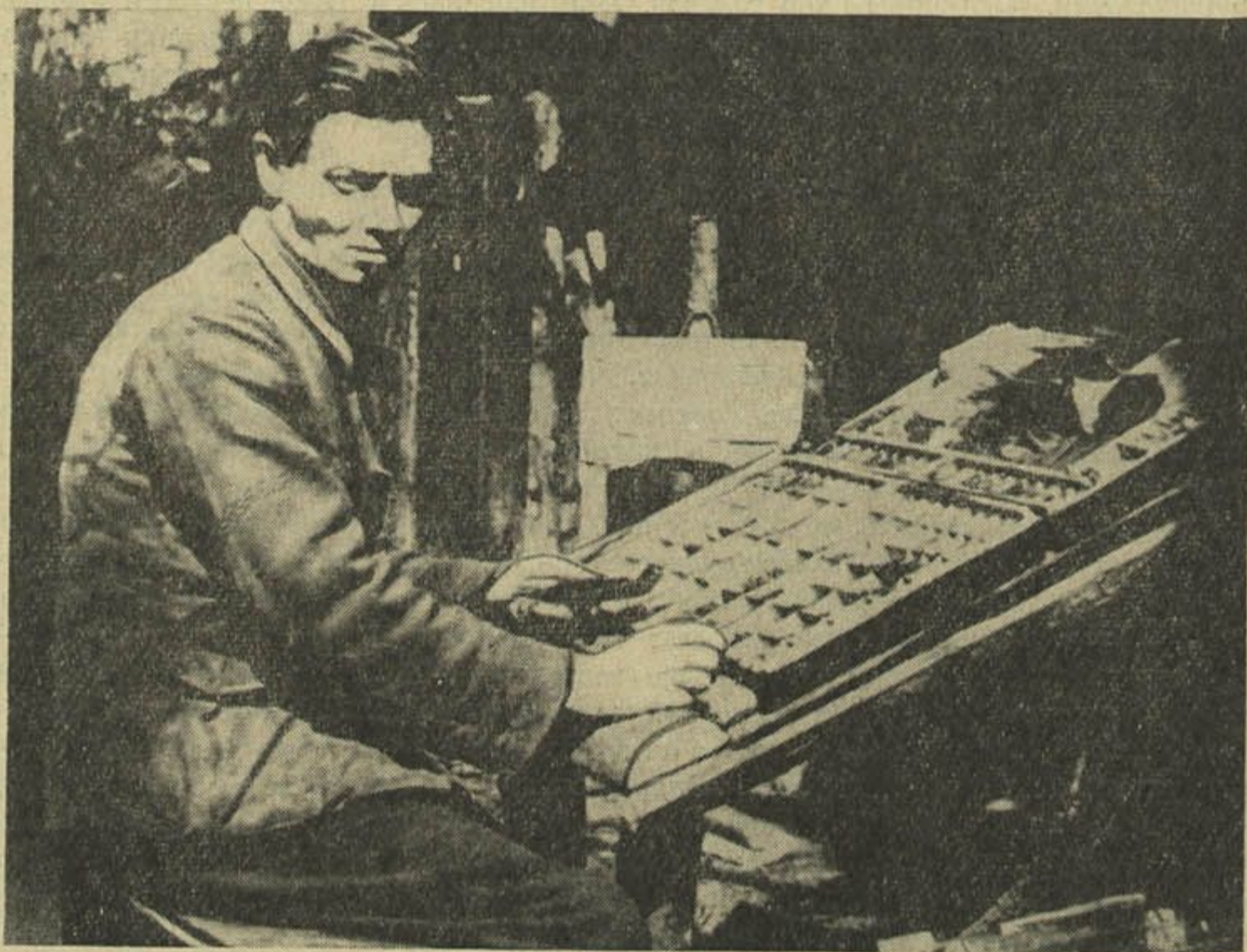
— Хорошо, — кивнул он головой, — вкратце я уже информирован по радио. Сколько времени вам нужно для того, чтобы развернуть типографию? Два дня? Имейте в виду, что мы должны не позже чем через шесть дней начать распространение первых листовок. Капитан Колос займется выяснением обстановки в немецких гарнизонах. В случае каких-либо затруднений поставьте меня в известность. Хорошая, действенная пропаганда нередко приносит лучшие результаты, чем оружие. — Окинув взглядом присутствующих, генерал обратился к нам: — Я думаю, что наши немецкие товарищи согласны со мной. Но, конечно, обстоятельства могут сложиться таким образом, что и вам придется воевать. Я уверен, что в случае необходимости немецкие товарищи будут такими же бойцами, как и наши.

— Само собой разумеется, товарищ генерал, — ответил Феликс.

— Тогда, товарищи, за работу.

Оборудовав две выделенных для нас землянки, мы приступили к работе. Первая листовка была отпечатана тиражом в 2500 экземпляров. Она называлась «Чего хочет движение «Свободная Германия?»»

Мы очень гордились своим первым произведением. Теперь эта листовка должна была с помощью связных и специально проинструктированных распространителей найти дорогу к немецким солдатам. Пробудит ли она у немецких солдат интерес? Заставит ли задуматься над судьбой Германии? Какие контрмеры будут предприняты гитлеровским командованием? И я уже представлял

Набирается листовка....

торых командиров. Она волновалась, но ее выступление убедило товарищей, относившихся с сомнением к нашему заданию, в том, что они не правы. Дина говорила о необходимости вести пропаганду среди немецких солдат, подчеркивала, что эта работа требует привлечения сотен и тысяч помощников. Ведь нужно не только распространять листовки, но и собирать сведения об их воздействии на немецких солдат и о контрмерах, принимаемых гитлеровским командованием. Все наши многочисленные помощники должны быть убеждены в необходимости этой работы. Командиры и комиссары обязаны разъяснить это бойцам своих отрядов. Листовки нужно переводить на русский язык, чтобы их содержание знали и партизаны. Тогда они окажут нам большую помощь.

— Ну, а как мы решим вопрос о «пропуске»?—спросил я.

— Думаю, что листовки нужно обязательно снабжать «пропуском», призывая этим немецких солдат переходить к нам. Необходимо также, чтобы здесь был оборудован лагерь для военнопленных.

К нам часто заходил редактор партизанской газеты Геннадий Будаи. Он делился с нами опытом, приносил экземпляры своей газеты, высказывал мнение о наших листовках. Однажды Геннадий взял только что отпечатанную листовку и начал медленно, слово за словом, читать: «Товарищам из частей СС и СД Центрального участка фронта...»

— Неужели ты веришь, что эти бандиты будут вместе с антифашистами бороться против Гитлера?—спросил он меня.

— Нет, я в это не верю. Мы говорили об этом у нас в группе. Но вот уже две недели у нас находится эсэсовец Гансен. И он на меня производит впечатление человека, ищущего выход. Гансен больше не хочет убивать и жечь, поэтому он перебежал к нам с этой листовкой. Обращение к эсэсовцам, которое ты читал, написано Гансеном от своего имени, а не от имени Национального комитета «Свободная Германия».

— Я читал показания Гансена о злодеяниях его команды,—сказал Геннадий,—это ужасно... В одном из ближайших номеров нашей газеты мы опубликуем часть того, что он рассказал. А к Первомайскому празднику вы готовите листовку?

— Нет, не готовим. Немецкие солдаты теперь не думают о Первомае, ведь уже одиннадцать лет в Германии царит свастика. Теперь важнее говорить правду о войне, о Гитлере.

К нам подошла Дина.

— Как дела, Геннадий? Первомайское воззвание отпечатали? Есть сведения: немецкие солдаты в близлежащих гарнизонах читают наши листовки! Нам стало известно, что в воинских частях производились обыски, посты полевой жандармерии обыскивали солдат на вокзалах. Все военнослужащие, у которых они нашли листовки, арестованы.

Первомай

У нас состоялся партизанский Первомай. Ночью на железных дорогах в сотнях мест были взорваны рельсы. У немецких солдат было, конечно, далеко не полное представление о боевой силе партизан. Нужно было им это разъяснить, и я стал обдумывать текст листовки.

В день Первомаея заботы показались меньшими, а надежды большими: ведь этот праздник вместе с нами праздновали трудящиеся всего мира! Иван Казак, комиссар бригады, в расположении которой находилась наша группа, его родители, которых мы называли «Муттэр унд Фатэр», пригласили нас в свою зем-

ляв
вла
Ил
уг

пре
тов
Кол

это

сил
А л
шал
лош
рас
что
чут

с по
каж
Лож
мен
в ш
ные
уче
гово

изби

ноч
Я н

Вр

ную
мал
зань
очев

8*

лянку. Мы рассказывали о Германии, о том, как там до прихода Гитлера к власти праздновали Первомай, о крупных демонстрациях в Гамбурге. А затем Илья Стрельцов, командир партизанского отряда «За Советскую Родину», угостил нас салом и водкой.

— И вы должны как следует почувствовать, что сегодня праздник.

Пополудни к нам зашел Иван Колос. Он рассказал, что немецкая полиция предпринимает все меры, чтобы как можно скорее сорвать расклеенные листовки. Десятки полицейских командированы с этой целью в Молодечно. Затем Колос спросил:

— Ты умеешь ездить верхом?

Только однажды на ипподроме я попытался сесть на лошадь, заплатив за это несколько пфеннигов.

— Не очень хорошо,—ответил я нерешительно.

— Ну, тогда поехали, бери лошадь.

Не успел я как следует усесться, как лошадь рванулась вперед. Я изо всех сил старался удержаться в седле. Больше мне ничего не оставалось делать. А лошадь галопом приближалась к расположению соседнего отряда. Она не слушалась меня и бежала, куда хотела.

Некоторые партизаны, узнав меня, поскакали вслед и придержали мою лошадь. Я радовался, что не упал.

Вечером мы долго сидели вместе. Вдалеке кто-то играл на гармонии. Дина рассказывала о Москве и своем детстве. Вдруг Дина сказала:

— Товарищ Гуго, вы всегда такой молчаливый и замкнутый. Расскажите что-нибудь.

Я смутился.

— Хорошее было у вас детство?—не успокаивалась Дина.

— Нет,—покачал я головой,—у меня не было детства. В школе меня били чуть ли не каждый день, да и дома часто колотили.

— Били в школе?—с недоверием спросила Дина.

— Да, вам, конечно, трудно в это поверить. В нашей школе воспитывают с помощью палки. В течение нескольких лет у меня была учительница, которая каждый день избивала тростью весь класс. Это доставляло ей удовольствие. Ложась вечером спать, я молился, чтобы на следующий день меня били поменьше. Но бог не хотел помогать ни мне, ни моим товарищам. Мы всегда шли в школу со страхом. На первом уроке учительница раздавала тетради, проверенные ею дома. За каждую ошибку полагался один удар тростью. А ведь были ученики, делавшие до двадцати ошибок. Кто испытал это, тот вряд ли будет говорить о счастливом детстве.

Дина сказала:

— В фашистских лагерях от истязаний погибают тысячи людей. Между избиением детей в школе и пытками в лагерях и тюрьмах—прямая связь.

Дина встала и пожелала нам спокойной ночи.

...Мы долго лежали на нарах. Дверь нашей землянки осталась открытой: ночь была теплой. До нас все еще порой доносилось пение и звуки гармошки. Я не мог заснуть, думая над планом очередной листовки.

Вражеский лазутчик

Стояла жара. В землянке было душно, и Герберт и Карл установили печатную машину на столе в лесу. Феликс прогуливался, приучая свою ногу к нормальной ходьбе. Он все еще хромал. Я сидел на пне и писал листовку «Партизаны». Неподалеку за столом Гансен нарезал бумагу. Он по-прежнему был очень сдержанным.

У меня с ним недавно был интересный разговор. Гансен сказал, что в его части осталось несколько товарищей, которых можно вовлечь в нашу работу. Гансен уверен, что он сумел бы убедить их перейти на нашу сторону. Вновь и вновь я думал об одном и том же: можно ли доверить Гансену такое поручение? При этом я вспоминал слова Геннадия Будая.

Я еще раз перечитал свою листовку «Партизаны». Пополудни мы сообща обсудим ее текст.

Гансен подошел ко мне и завязал разговор. Он рассказал о своем городе Фленсбурге, о родительском доме, о том, как он, будучи членом Гитлерюгенда, в начале войны добровольно пошел в эсэсовцы. Затем мы снова заговорили о его товарищах.

— Не говорил ли ты с фрау старшим лейтенантом? Я готов отправиться с тобой в Минск, чтобы установить связь с товарищами, — сказал Гансен.

— Да, говорил. Но к этому нужно как следует подготовиться. Ведь нам самим опасно пробираться через леса, и до границы партизанского района нас, очевидно, будет сопровождать специальная группа. Дина обещала, что при первой же возможности выяснит этот вопрос в штабе.

Во время нашего разговора пришел посыльный из штаба и забрал часть отпечатанных листовок, чтобы передать их распространителям. Посыльный сказал, что в штаб прибыл какой-то немецкий солдат, которого, вероятно, сегодня или завтра направят к нам. Этот солдат — перебежчик, он хочет установить связь с группой Национального комитета.

— Еще один! Нас становится все больше, — обрадовался Гансен.

Вскоре капитан Козлов доставил немецкого солдата. Это был высокий молодой парень, родом из Эрфурта. Из рабочих. Звали его Курт Шаписон.

Вечером все мы собрались в землянке. Курт рассказал нам, что в марте он впервые получил отпуск и побывал на родине. Там он решил при первой возможности бежать. Вернувшись в часть, познакомился с местными жителями, которые дали ему листовку и сообщили, как связаться с нашей группой. Курт явился в указанное ему место. Там он встретился со связным, который отвел его к партизанам.

Работа у нас наладилась, через каждые два дня мы выпускали новую листовку. А ночью самолеты доставляли газету, издававшуюся Национальным комитетом, и другие информационные материалы.

6 мая к нам снова пришел Геннадий Будай. Он принес свежий номер партизанской газеты «Красная звезда», где была опубликована часть показаний Гансена. Герберт помог нам перевести отрывок на немецкий язык. Прочитав наш перевод, Гансен сказал, что он в точности соответствует его показаниям.

На следующий день ко мне пришла Дина:

— Товарищ Барс, пойдете, пожалуйста, в штаб.

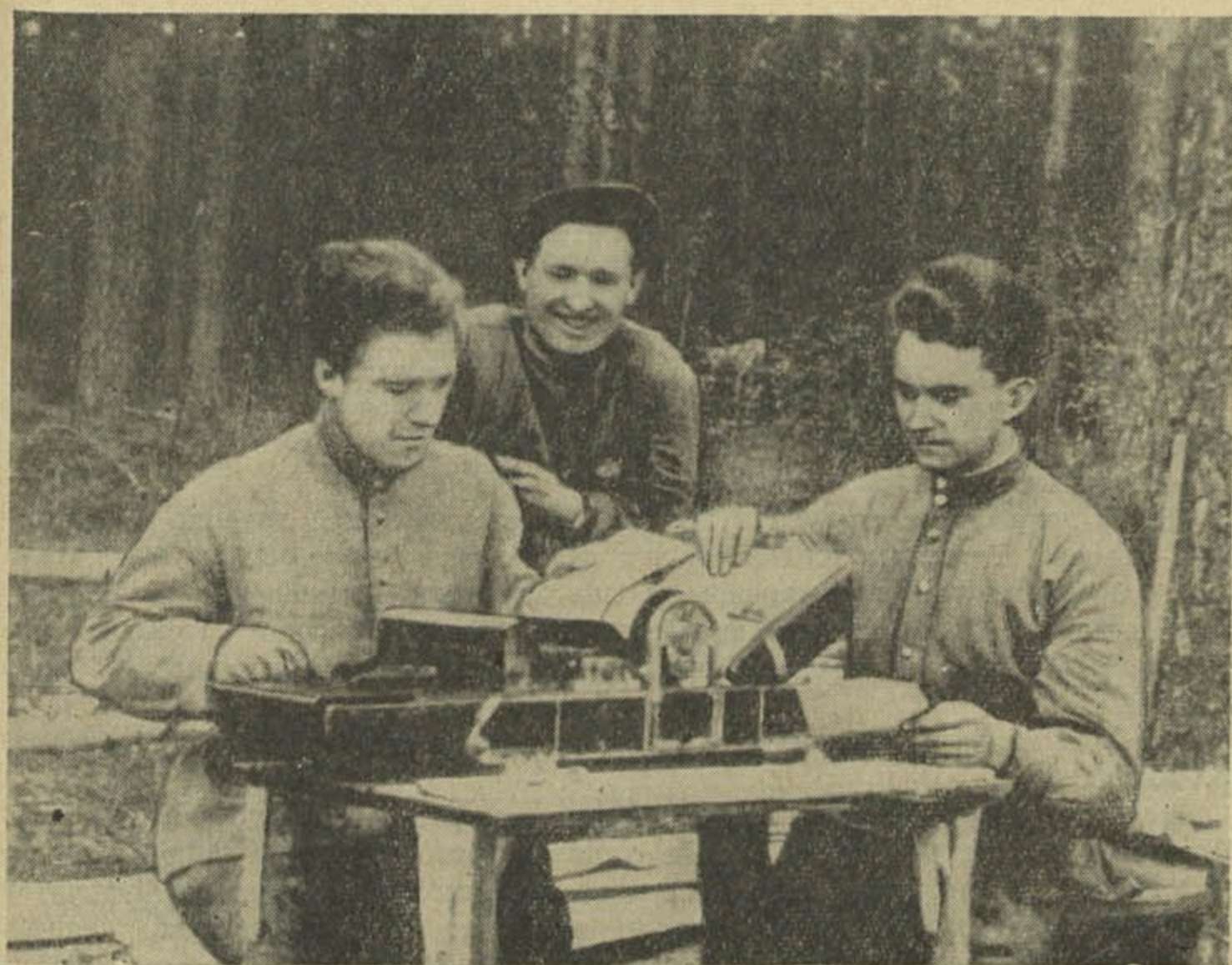
Я отправился вместе с ней через лес в штаб, до которого было километров шесть. Дина была очень молчалива и скупно отвечала на мои вопросы.

— Видно, что-то случилось? — спросил я.

— Придем, увидим, — ответила Дина.

В штабе нас пригласили в землянку комиссара. Офицер в звании майора вынул из своего планшета какие-то документы и, выбрав нужный листок, протянул его Дине. Она начала читать, а майор тем временем внимательно наблюдал за ней. Дина прочла, лицо ее как бы окаменело. Глянув на майора, она вернула ему листок. Майор передал листок мне.

«Секретный служебный документ — только для офицеров. Всем полицейским и воинским частям, расположенным в районе Минска! Ротенфюрер войск эсэ Эрвин Гансен, выполняющий особое поручение, находится в настоящее время в

Печатаются листовки...

пути. Каждая часть и учреждение обязаны в случае его просьбы оказать ему необходимое содействие.

0.1. 10.4. 44.

Штурмбанфюрер войск эсэс
Грейман»

Я посмотрел на майора, затем на Дину. Затем прочитал еще раз.

— Понимаете ли вы, Гуго, что это значит?—спросила меня Дина.

Вскоре в землянку ввели Гансена. Ему показали секретный приказ. Он побледнел.

— Что вы можете сказать нам по этому поводу?—спросила Дина.

Ни слова.

— Напрасно запираетесь. Скажите лучше всю правду,—потребовала Дина. Гансен продолжал молчать.

— Было у вас поручение?—задала новый вопрос Дина.

Гансен в ответ кивнул головой.

— Какое?

Гансен уставился глазами на стол, где лежали документы.

— Я был приговорен к смертной казни,—заговорил эсэсовец,—и был помилован условно.

— А за что вас приговорили к смертной казни?—спросил майор.

Дина перевела вопрос.

— Я отпустил на свободу одну женщину, которую должен был доставить в тюрьму. Она подозревалась в связях с партизанами. За это я попал под суд и был приговорен к смерти.

— А что было дальше?—спросил майор.

— Затем смертную казнь заменили условным помилованием.

— И послали к нам с испытательным поручением?—задала вопрос Дина.

Гансен молча кивнул головой.

— Значит, вы хотели отправиться вместе со мной в Минск якобы для того, чтобы связаться с вашими мнимыми товарищами, а на самом деле намеревались выдать меня гестапо? Не так ли?—обратился я к лазутчику.

Гансен снова опустил глаза.

— Хорошо,—сказал майор,—разберемся. Вы арестованы. Напишите, Гансен, подробный отчет, за что вас приговорили к смертной казни, назовите фамилию отпущенной вами женщины, укажите точные даты. Мы все проверим.

Вызвав часового, майор приказал ему увести Гансена.

— Есть у вас, товарищ майор, еще новости для нас?—спросила Дина.

— Думаю, что и этого достаточно,—покачал головой майор.—Ведь этот Гансен мог запросто сдать вас в гестапо. Да еще принес бы подробные данные о местонахождении и работе группы.

Майор попрощался с нами, и мы пошли назад прежней дорогой.

— Теперь, Гуго, мы убедились, что нужно быть очень осторожными, тщательно проверять все поступающие к нам сведения,—сказала Дина.—Будьте также осторожны и с новым перебежчиком. Какие причины заставили его прийти сюда? Наша вылазка в Минск теперь, конечно, не состоится. Нужно подождать.

Мы шли назад свыше часа, и я за это время еще раз обдумал все, что произошло.

Команда, забросившая к нам Гансена, отдала этот секретный приказ 10 апреля. А уже 14 апреля Гансен с нашей листовкой появился в партизанском штабе. Он хитро вел себя: сам написал листовку, которая уже накануне Первомая была распространена среди немецких военнослужащих, написал свыше 70 страниц показаний о злодеяниях, совершенных его командой. И я доверял ему и даже хотел идти с ним в Минск. Если бы не партизанская разведка—в ближайшие дни я бы уже сидел в подвалах гестапо.

— Нужно сказать, что отреагировали они быстро,—сказал Феликс.—Очевидно, еще в марте, когда вышли наши первые листовки, гестаповцы начали поиски группы. По всей вероятности, им удалось узнать о нашем местонахождении.

— Интересно, что же будет с Гансеном?—спросил Карл.

— Подождем, узнаем,—ответил Герберт.

Через несколько дней Гансена куда-то отправили на самолете. Нам сказали, что в Москву—там заинтересовались его показаниями. Дело в том, что команда, в которой был Гансен, якобы принимала участие в массовых расстрелах в лесах возле Катыни.

Больше мы Гансена не видели.

Учитель из лесной школы

1 Мая. Праздник. Незнакомый мне товарищ фотографирует партизан. Зашел и к нам, сделал групповой снимок. Я попросил принести нам по одному снимку. Фотограф пообещал. И вот однажды он пришел в нашу землянку. Я долго беседовал с ним. Фотограф говорил на ломаном немецком языке. Он рассказал, что до войны жил в Польше, работал учителем. Здесь, в партизанской зоне, он тоже учил детей.

Новый знакомый пригласил меня в свою землянку, чтобы показать, как он работает в своей лаборатории.

Как-то пополудни, когда не предвиделось срочной работы, я отправился к этому учителю. Он познакомил меня со своей женой. Она тоже была еврейского происхождения и немного говорила по-немецки.

Яша показал мне свою фотолабораторию. Это был маленький уголок землянки, отгороженный шерстяным одеялом, где едва хватало места для одного человека. Яша работал при свете керосиновой лампы. Я долго наблюдал, как он работает. Потом Яша убрал свои принадлежности, жена накрыла на стол, и стала угощать нас оладьями.

Яша показал мне снимок лесной школы. В руках у детей, как в руках их отцов и матерей, было оружие. Правда, винтовки и пистолеты были деревянные. Так, изучая азбуку, они учились в то же время понимать, что без оружия немецких фашистов не прогонишь.

На других снимках я видел похороны павших борцов. Дети тоже стояли возле гробов. Воспоминания об этом никогда не изгладятся в их памяти...

Возвращаясь в свою землянку, я думал о партизанских детях, которые готовятся к борьбе, о детях, которые носят оружие и умеют с ним обращаться. Мы видели, как десяти-, одиннадцатилетние мальчишки учились в лесу стрелять из винтовок. Да, это поистине всенародная партизанская война!..

На новом месте

В конце мая наша группа была переброшена в другое место. Мы распрощались с товарищами, с которыми не одну неделю прожили вместе, деля и радости и горести. Прощание было немного печальным—ведь мы сжились с бригадой имени Чкалова.

Прощаясь со мной, Яша подарил мне несколько маленьких пожелтевших снимков, которые я храню до сих пор.

Нас перебросили в район действия бригады имени Сталина, к которой мы присоединились на марше. Двигались через леса по холмистой местности. Был жаркий день. Достигнув вершины холма, мы увидели всю походную колонну бригады. Свыше трех тысяч человек с обозом. В хвосте колонны гнали стадо скота.

— Точно великое переселение народов,—сказала Дина, стоявшая рядом со мной.—А сколько в нашей колонне женщин и детей!

Мы переправлялись через ручьи и речушки. Мостов не было, и переправы длились долго. К тяжелонагруженным повозкам приходилось припрягать по несколько лошадей, за колеса хватались крепкие мужские руки, и только так, напрягая все силы, удавалось переправить подводы на другой берег.

Дина мужественно переносила все эти трудности.

— Ну, как ваша нога?—часто спрашивала она Феликса.—Когда будем подниматься в гору, не забудьте сесть на повозку, ногу нужно беречь.

Капитан Колос время от времени предоставлял в распоряжение Феликса свою лошадь.

Пройдя около шестидесяти километров, мы достигли цели.

А вскоре у нас появились новые помощники из перебежчиков. Это были Отто Мейер из Вестфалии, сын крестьянина, Эрих Карвинский из Восточной Пруссии и Георг Кронауэр—он уже свыше года пробыл в партизанском отряде, действовавшем в отдаленном районе.

Мы хотели побывать в немецких гарнизонах и начали серьезную подготовку к тому, чтобы осуществить задуманную операцию.

В немецком гарнизоне

10 июня меня и Феликса перебросили в отряд «Большевик». Комиссар этого отряда Павел рассказал о предстоящем маршруте.

— Наш отряд конный,—заявил он,—поэтому нужно, чтобы и вы чувствовали себя уверенно на коне, стали кавалеристами.

Мы с Феликсом переглянулись.

— Товарищ комиссар,—взмолился я,—какие из нас кавалеристы!

— Ничего не поделаешь, надо учиться. Научитесь. Операция начинается 12 июня. Готовьтесь.

— Будьте осторожны, товарищи!—предупредила нас перед отъездом Дина.— У нас есть сведения, что гестаповцы ищут распространителей листовок.

Назавтра отряд «Большевик» двинулся в путь. Мы насчитали около семидесяти человек.

— Это весь отряд?—спросил я у Павла.

— Нет, это примерно половина, а остальные впереди и в боковом охранении.

Комиссар все время был возле нас. Из разговора я узнал, что до 1939 года он был учителем в Дзержинске, маленьком городке, расположенном недалеко от тогдашней советско-польской границы. В 1942 году гестапо арестовало и замучило его отца. Сам Павел тоже был посажен в минскую тюрьму. Вместе с семнадцатью товарищами его освободили из тюрьмы партизаны.

Наш путь проходил через небольшие деревушки. Повсюду навстречу нам выходили местные жители. Павел доставал из своего планшета запись вчерашней фронтовой сводки, переданной по московскому радио, и читал ее вслух.

Павла и его товарищей знали везде. Нас это удивляло, и я спросил об этом Павла.

— Ничего удивительного,—улыбнулся он,—почти все бойцы нашего отряда—местные жители, из-под Дзержинска. Мы знаем здесь каждого человека, и нас знает каждый.

На ночлег мы остановились в деревне Туряково. Ужинали в крестьянской хате вместе с комиссаром и его товарищами. После ужина вместе с командиром разведчиков Петром Шугаем Павел обсудил план предстоящей операции. Утром я и Феликс должны были отправиться в Дзержинск, чтобы установить там связь с немецкими солдатами. Павел дал нам на дорогу наказ:

— Сперва зайдите к нашим связным, адрес их вам уже известен. Передайте им привет от меня. У них вы сможете и переночевать. А когда вам нужно будет вернуться назад, их дочь Зина передаст нам вашу записку, в которой вы укажете только дату и точное время.

Петр Шугай разбудил нас очень рано, и мы пошли. Кроме Петра Шугая, нас сопровождали еще пятеро товарищей.

Шли через лес. На полянах еще белел туман. Часа через три вышли на лесную опушку, недалеко от которой проходила дорога.

— Вот мы и пришли,—сказал Петр Шугай.—Пойдете по той дороге направо. До Дзержинска всего три километра. А теперь переодевайтесь.

Мы надели немецкую форму. Нашу одежду Петр положил в свой мешок.

— Запомните вот это дерево. Мы вас будем ждать здесь. Ну, счастливо, ни пуха, ни пера.

И вот мы—военнослужащие вермахта—снова среди немецких солдат. Вот здесь размещается какая-то летная часть, а вон бараки строительной роты, дальше расквартирована пехотная часть.

В поисках связных мы дошли до базара. Оказалось, что несколько недель тому назад их переселили в другую квартиру, а в школе, где раньше жила эта семья, находился немецкий лазарет. С большим трудом узнали новый адрес. Дома застали дочь наших связных Зину, которая отказалась вступать с нами в переговоры, заявив, что она не знает никакого Павла. Случайно мы увидели в голенище ее сапога нашу листовку и достали из своих рюкзаков несколько пачек таких же листовок. Только тогда Зина поверила нам, хотя и была огорчена своей оплошностью.

Три ночи провели мы в семье Хомичковских. Днем расхаживали по городу,

разговаривали с немецкими солдатами, были в солдатском клубе, в комендатуре, в кино. Мы даже получили свой дорожный паек и в солдатском клубе написали и отослали в Германию письма своим родным. Но все вокруг казалось каким-то чужим.

В клубе мы беседовали со многими солдатами. Большинство было сыто войной по горло. «Скорее бы она кончилась»,—говорили они. Мы встретили несколько гамбургцев, вернувшихся из отпуска несколько недель назад. Они рассказали, что целые районы города сметены с лица земли. Во время больших бомбежек в июле 1943 года погибли десятки тысяч людей.

Мы все время искали возможность распространить листовки. Но это было не так-то просто. В кино мы их разбросали, когда погас свет. А в клубе, как и в других местах, сделать это было гораздо труднее.

Ночуя у Хомичковских, мы поочередно бодрствовали всю ночь, чтобы нас не захватили врасплох. Однажды после полуночи с улицы донеслось гудение моторов и стук подкованных сапог. Комната, в которой мы ночевали, выходила окнами во двор. В кухне за столом сидела жена Хомичковского, прислушиваясь к тому, что происходит на улице. Ее муж лежал на диване. Он тоже не спал. Две их дочери сидели в соседней комнате.

Гудение моторов и стук сапог все приближались. Жена Хомичковского вошла в нашу комнату.

— Что-то случилось.

Я разбудил Феликса. Мы отчетливо слышали слова команды, слышали, как солдаты, разбившись на группы, расходятся в разные стороны. Затем снова послышалось гудение моторов.

— Наверно, облава,—забеспокоилась жена Хомичковского.—Что будет, если вас найдут? Ведь немецким солдатам нельзя ночевать у гражданских.

Но все обошлось хорошо.

На следующее утро наша хозяйка узнала от солдат, что ночью из Минска приезжала специальная команда СД и обыскала многие дома в Дзержинске. Искали листовки и двух немецких солдат.

Это было для нас сигналом тревоги. Мы передали Зине записку, в которой была указана дата и точное время нашего возвращения. Она пообещала нам отнести эту записку. Мы еще раз прошлись по городу и, осмотрев места, где стояли воинские части, пришли к выводу, что в Дзержинске находится около пяти тысяч немецких солдат. На окраинах города мы осмотрели укрепления. Там было три оборонительных линии с пулеметными гнездами и стрелковыми окопами. Днем они охранялись слабыми силами. Ночью, в ожидании возможного нападения партизан, охрана усиливалась.

В полдень мы направились к месту встречи. Там долго лежали под деревом, которое нам показал Шугай. Наконец в кустах послышался шорох. Это были партизаны. Мы переоделись и пошли назад, в деревню Туряково.

Вместе с разведчиками

В Турякове мы снова остановились у Тумиловичей. Не говоря ни слова, хозяйка поставила на стол кислое молоко, хлеб, лук, мясо.

Здесь же разведчики решили предстоящей ночью провести новую операцию. Нам они посоветовали переночевать в лесу, так как ночью в деревню заходили польские партизаны из отрядов Армии Крайовой, связанной с польским правительством в Лондоне. Эти отряды иногда выступали против советских партизан.

Нам потребовалось немало времени для того, чтобы убедить Шугая взять нас с собой. В конце концов он согласился.

Ночью вместе с отделением партизан мы поехали в Старое Койданово, находящееся неподалеку от Дзержинска. Задача заключалась в том, чтобы захватить в собственном доме начальника местной полиции Чижика. Мы без происшествий подъехали к его дому, привязали лошадей к забору, подняли Чижика с постели и потребовали, чтобы он следовал с нами в комендатуру. За дверь мы передали начальника полиции Петру Адамчику, одному из товарищей Шугая. А тем временем Енка, тоже один из шугаевских разведчиков, вынул из письменного стола все документы и бумаги.

Связанного Чижика усадили на его же лошадь. Неожиданно лошадь заржала, и сразу же неподалеку застрочил пулемет. Мы поскакали через поле к лесной опушке. Здесь-то и началась отчаянная пальба. Осветительные ракеты взвивались одна за другой. Уже на опушке леса выяснилось, что лошадь, к которой привязан Чижик, упала и лежит в поле. Осветительные ракеты не давали возможности вернуться и забрать Чижика. Один из партизан был уже легко ранен, ранена была и лошадь Феликса, а разведчик Антон где-то пропал.

— Товарищи,—сказал Шугай.—Здесь задерживаться нельзя, враг попытается отрезать нам путь к возвращению. Надо спешить.

— Жаль, не застрелили мерзавца,—сказал Енка.—Ничего! От пули он не уйдет.

Все так хорошо началось, все было так тщательно продумано, даже копыта лошадей были обернуты тряпками, и вдруг—на тебе, из-за того, что заржала лошадь, мы не смогли довести операцию до конца.

Наступление

Лишь 23 июня мы вернулись в штаб бригады. А 22-го началось наступление Советской Армии. Ночью крупные соединения советских самолетов бомбардировали немецкие аэродромы. Они пролетали над нами. Издалека доносились частые разрывы бомб. В штабе мы узнали от Дины, что специальная команда СД получила в Минске задание захватить нас в Дзержинске. Партизанская разведка сообщила об этом в штаб.

— Мы так беспокоились,—говорила Дина,—считайте, что вам повезло.

В следующие дни члены нашей группы были распределены по различным партизанским отрядам, чтобы во время боевых действий в каждом отряде был человек, который, в случае надобности, может вступить в переговоры с немцами.

Я был придан отряду «Большевик» и вместе с комиссаром Павлом и его бойцами выехал в район Дзержинска.

Ни днем, ни ночью мы не знали покоя. Отряд двигался быстро, поддерживая при помощи посыльных постоянную связь с другими отрядами.

В первый же день нам сдался немецкий солдат—он покинул свою часть и скрывался на хуторе, дожидаясь партизан. Крестьяне рассказали нам о нем.

— Установи, что это за человек,—сказал Павел.—Если он пришел с хорошими намерениями, то пусть остается у нас.

Звали перебежчика Эрих Вагнер. Родом он был из Ганновера. До 1933 года Вагнер был членом социал-демократической партии. В 1936 году за слушание московского радио его приговорили к двум годам тюремного заключения, а затем объявили, что он недостойн служить в армии. В 1943 году его, однако, послали на фронт. В последнее время он служил в артиллерии. Когда началось наступление Советской Армии, он ночью отстал от своего дивизиона. Остановившись в деревнях, где не было немецких войск, Вагнер спрашивал местных жителей, как ему попасть к партизанам. Те отвечали, что партизаны придут и сами заберут его.

— У тебя две возможности,—сказал я Вагнеру,—или отправляйся в Центр, где есть лагерь для военнопленных, или оставайся у нас, чтобы работать со мной.

— Останусь у вас,—заявил Вагнер.

Я сказал Павлу, что немецкий солдат хочет остаться у нас. Павел воспринял это, как нечто само собой разумеющееся.

— Гут,—пожал он руку Вагнеру,—добро пожаловать в отряд «Большевик»!

На следующий день на железной дороге сдались гарнизоны нескольких дотов. Видя превосходство партизан, они капитулировали без боя. Сорок человек из их числа были доставлены в Центр, в лагерь для военнопленных. А три человека, познакомившись с нашими листовками, заявили, что хотят в рядах Национального комитета бороться против гитлеровской клики.

В деревнях наш отряд встречали с ликованием. Павел читал людям последние известия, заканчивая каждое свое выступление словами:

— Товарищи, не позже чем через три дня Советская Армия будет в Минске.

Мы уже не спали двое суток, и Павел приказал сделать в одной деревне привал. Трое моих новых товарищей все время держались возле меня. Теперь у нас была возможность побеседовать обстоятельнее. Мы сидели в хате и ели кислое молоко с хлебом. К нам подошли несколько любопытных женщин и детей, но Павел выпроводил их. Одна из них спросила комиссара:

— Павел Никитич, это пленные?

— Нет,—ответил Павел,—это наши товарищи—немецкие партизаны.

Некоторые женщины подходили к окнам, чтобы лучше разглядеть нас.

Я узнал у своих новых друзей, кто они. Один был маляр из Берлина по имени Эрвин, второй, Герберт Герике, тележник из Куксгафена. А третий, совсем молодой парень, был студент из Ены. Все они хотели узнать, что с ними будет потом.

— Возможно, вас отправят в лагерь военнопленных,—честно сказал я.— В таком случае вы получите справку о вашей деятельности здесь, в нашей группе. Повсюду в лагерях работают лагерные комитеты «Свободной Германии». Вы сможете принять участие в их работе, а после войны вернетесь на родину.

По выражению лиц моих новых товарищей видно было, что мой ответ несколько разочаровал их.

— Да, мы понимаем это,—сказал тележник из Куксгафена,—однако нам хотелось бы поработать на фронте.

Остальные одобрительно кивнули.

В последующие дни мы почти непрерывно находились в пути вместе с отрядом. Мы обращались к разрозненным группам немецких солдат с предложением сдаться—и почти всегда с успехом.

В одной деревне мы были свидетелями встречи крестьян с первым советским танком. Все жители деревни сбежались к нему. Многие плакали от радости, на глазах танкистов тоже были слезы. Мы, немцы, стояли в стороне, наблюдая эту сцену. Конечно, и мы не могли оставаться равнодушными. Женщины угощали танкистов хлебом и молоком, мясом и огурцами. Старик с длинной белой бородой поцеловал водителя танка, а затем снял со своей шеи цепочку с маленьким крестиком, повесил ее на шею солдату.

Это было 3 июля 1944 года.

Отряд получил приказ вернуться в Центр. Возвращаясь, мы получили донесение, что группа немецких солдат, скрывшихся в лесу, не хочет сдаваться. Павел взял с собой нескольких партизан и меня. Подъехав к месту, небольшая группа партизан залегла у дороги. До опушки леса было метров полтора. Мы решили, что я пойду к немцам, и если с их стороны не раздастся ни одного

выстрела, то и наша сторона не откроет огонь. Но если там прозвучит хотя бы один выстрел, партизаны немедленно вступят в бой.

По свежей вырубке я направился к опушке. В лесу стояла полная тишина. И лишь когда я подошел к опушке, кто-то крикнул:

— Стой!

Я остановился.

— Кто ты?—последовал вопрос.

— Немец.

— Подойди ближе!

Я дошел до первых деревьев и увидел немецких солдат, лежавших на земле. Некоторые встали. Встал и унтер-офицер.

— Какие новости ты нам несешь?—сердито спросил он, подойдя ко мне.

— Хорошие новости. Вам нужно сдаваться.

Солдаты обступили меня.

— Ты у партизан?—спросил меня унтер-офицер.

— Да.

— И они требуют, чтобы мы сдались?

— Да.

— А что дальше?

— Вас отправят в лагерь для военнопленных.

Тем временем вокруг меня собиралось все больше и больше солдат.

— А если мы не сдадимся?

— Тогда вас уничтожат. Ведь вы в тылу Советской Армии. Вам нужно пробиться через фронт, но по дороге вас перебьют партизаны.

— А много в этой местности партизан?—спросил один из солдат.

— Много, тысяч пятьдесят.

— Откуда ты знаешь?—не унимался солдат.

— Я нахожусь здесь уже несколько месяцев вместе с группой Национального комитета «Свободная Германия».

Достав листовки, я начал раздавать их солдатам. Унтер-офицер и солдаты погрузились в чтение. Затем унтер-офицер нерешительно спросил своих товарищей:

— Что будем делать?

— Лучше всего—кончать воевать,—сказал кто-то.

— Правильно,—поддержали его несколько голосов.

— Есть у вас раненые?—спросил я.

— Есть, но они могут идти,—ответил унтер-офицер.

— А можешь ты гарантировать, что нас не расстреляют?—раздался голос из толпы.

— Могу,—ответил я.

— Сколько теперь в России пленных немцев?—тихо спросил у меня стоявший рядом солдат.

— Точно не скажу, но думаю, что около миллиона,—сказал я.

— Кто этому, друг, поверит,—вздыхнул солдат.

— Лучше всего, если вы сами убедитесь в этом,—заявил я.

Унтер-офицер тем временем принял решение.

— Друзья,—крикнул он,—кто за то, чтобы кончить воевать?

Несколько рук медленно поднялись вверх, за ними потянулись другие.

— Может, попытаемся еще пробиться?—спросил кто-то. Но его не поддержали. Унтер-офицер снова подошел ко мне:

— Скажи, что мы должны делать?

— Идите со мной на дорогу, там сложите оружие, а затем партизаны доставят вас в лагерь для военнопленных.

— А часы у нас заберут?—спросил кто-то.

— Ручаюсь за вашу жизнь,—ответил я.—Жизнь важнее, чем часы, не правда ли?

— Извини, друг, ты прав,—согласился со мной солдат, беспокоившийся насчет часов.

Сорок три человека пошли за мной через вырубку к дороге. У каждого в руке была листовка. Партизаны встали и молча наблюдали, как немецкие солдаты складывали оружие на обочине дороги.

— Хорошо, что вы приняли разумное решение,—сказал Павел солдатам.— После войны все вы вернетесь домой.

Я попросил Павла сказать партизанам, чтобы они оставили военнопленным их личное имущество. Затем колонна двинулась к деревне Туряково.

— Молодец!—обнял меня Петр Адамчик.

К ночи нам удалось добраться до Центра и поспать там несколько часов.

Карл и Герберт отправились со мной в лагерь для военнопленных. Герберт отпечатал несколько сот анкет. Каждый военнопленный должен был заполнить анкету. Герберт хотел узнать, имеются ли среди них такие, которые смогут сотрудничать с нами в группе Национального комитета. Двое сообщали, что до 1933 года они были членами Коммунистического союза молодежи.

В лагере, находившемся на большой лесной поляне, во время нашего прихода раздавали хлеб. На каждые десять человек выдавали большую круглую буханку, испеченную в партизанской пекарне. Несколько солдат из группы, сдавшейся нам у леса, подошли ко мне:

— Хорошо, друг, что ты вчера пришел к нам. Если бы не ты—мы, конечно, продолжали бы воевать, и многие из нас уже не нуждались бы в хлебе...

К нам подошло и несколько человек из тех, которые еще совсем недавно охраняли железную дорогу. Они тоже с благодарностью пожали руки мне и Эрику Вагнеру. Один из них, занимавшийся раздачей хлеба, попросил, чтобы мы оставили ему свои домашние адреса.

— После войны мы приедем к вам в гости,—улыбнулся он.

Затем подошел Карл и сообщил, что в лагере находятся семнадцать тяжело-раненых, которых обслуживают санитар и медсестра, а врач должен вскоре прибыть. Он уже в пути.

Павел пообещал мне, что если наш отряд снова получит боевое задание, то он обязательно возьмет меня и моих помощников. По заказу Карла в партизанской швейной мастерской изготовили черно-бело-красные нарукавные повязки. Мы роздали повязки нашим помощникам, чтобы партизаны могли отличить их от остальных пленных.

Вечером до нас донеслось гудение мотора. Разведгруппе было поручено выяснить, в чем дело. Мы присоединились к разведчикам.

Когда мы вошли в лес, все утихло. В лесу было темно. Чтобы не выдать себя, мы старались идти бесшумно. Вдруг послышались голоса. Мы крались от дерева к дереву, предполагая, что это говорят немецкие солдаты—какая-то отбившаяся от части группа, которая пытается пробраться на запад. Неожиданно передо мной выросла тень.

— Стой! Руки вверх!—крикнул я.— Не делай глупостей.— И тень отпрянула.

Взяв автомат наизготовку, я подошел к незнакомцу и узнал одного из своих товарищей, с которым работал вместе еще в лагере для военнопленных.

— Зейц!—воскликнул я. Мы обнялись. К нам подошли другие, и мы направились к грузовику. Это была полевая радиоустановка Советской Армии.

11 июля бригада двинулась в путь. Мы направились в Минск.

Пленных было много. Они двигались колоннами, по триста-четыре человека в каждой. С колоннами следовали партизанские сопроводительные команды. Раненых везли на подводах.

С нашей бригадой двигалось около трехсот немецких солдат, капитулировавших после 8 июля. Дина не раз успешно проводила переговоры о сдаче в плен. Нам рассказывали об этом партизаны из нашего отряда. Она сама с белым флагом направлялась в расположение немецких войск и требовала прекращения военных действий.

Мы двинулись в Минск по пыльной дороге. На обочинах стояли сгоревшие танки, повозки, валялись вздувшиеся от жары трупы. В Дзержинске мы встретились с нашими друзьями—Зиной и ее матерью. К сожалению, у нас не было времени побеседовать. Мы только узнали, что начальник местной полиции Чижик был пойман и расстрелян по приговору военного трибунала.

На шоссе в пятидесяти километрах от Минска мы встретились с армейской транспортной колонной. Новые советские дивизии спешили на фронт. На бортах грузовиков было написано «На Берлин!»

Однажды в бригаду сообщили, что за нашей группой из штаба армии придет легковая машина. Все произошло очень быстро. Со многими нашими боевыми товарищами мы даже не успели попрощаться.

В Ковеле мы встретились в штабе армии с товарищами из группы Дятленко. Нам рассказали о тяжелых боях, длившихся в течение нескольких недель. Три немецких дивизии были введены в бой для того, чтобы уничтожить партизанские соединения, среди которых находилась и группа Дятленко. Майор Дятленко был тяжело ранен под Логойском. Герман Шауэр и Альфред Готе тоже были ранены.

Нас разместили в крестьянском доме недалеко от штаба. Несколько дней мы отдыхали, а затем написали итоговый отчет о нашей работе. Привожу несколько отрывков из него.

ОТРЫВКИ ИЗ ОТЧЕТА

...Партизанскими соединениями, среди которых мы работали, было взято в плен свыше восьми тысяч пленных. Примерно двадцать процентов из них знали кое-что о Национальном комитете «Свободная Германия» и его целях из листовок и радиопередач...

Потеряв мужество, без веры в будущее отдались они на волю судьбы. Большинство их верило, что они будут в плену до тех пор, пока не восстановят все разрушенное. Поражало равнодушие, с которым они относились ко всему. Даже мысли о родине и семье не могли вывести их из состояния апатии. За Гитлера больше никто не хотел бороться. Почти все были уверены, что война будет окончена еще в этом году...

При отступлении офицеры бросали солдат, спасаясь бегством на автомобилях. При этом они говорили, что солдаты должны мелкими группами пробиваться на Запад...

Военнослужащие из 110-й пехотной дивизии рассказали следующее: «5 июля группа солдат, отступавшая по проселочной дороге, решила присоединиться к группе офицеров, так как у них были карты и компас. Однако майор Брейтгаупт из 53-го дивизиона шестиствольных минометов сказал, чтобы они убирались прочь. Но солдаты и не думали уходить, чувствуя себя увереннее вместе с офицерами. Тогда Брейтгаупт потребовал, чтобы солдаты немедленно исчезли, в противном случае он будет стрелять».

Так немецкие солдаты беспомощно блуждали по глухим дорогам, покинутые всеми, даже своими офицерами. Не удивительно, что солдаты ненавидят офицеров все сильнее и сильнее.

Особенно следует отметить, что благодаря работе старшего лейтенанта Хромушиной нам удалось наладить самое тесное сотрудничество с партизанскими соединениями. Партизаны оказали большую поддержку в нашей работе. Старший лейтенант Хромушина всегда по-товарищески относилась к нам и была для

нас образцом во всем. Подводя итоги, я хочу сказать следующее: я готов в любую минуту, несмотря на любые трудности, снова отправиться в район действия партизан. Работу там я считаю очень нужной и полезной.

Гуго Барс.

Ковель. 29 июля 1944.

Дине было приказано лететь вместе с нами в Москву. Мы должны были подробно информировать Национальный комитет о возможностях работы наших групп в тылу. В Москве мы расстались с Диной, чем были очень опечалены. Мы охотно отправились бы снова вместе с ней на фронт.

Тогда же, в сентябре 1944 года, каждый член нашей группы получил новое задание, и мы расстались.

Через несколько лет я встретился с Феликсом Шефлером в Берлине. Мы рассматривали снимки, сделанные Яшей, вспоминали белорусские леса, Дину, эту смелую русскую девушку.

— Где она теперь?—спрашивал Феликс.—Живет ли она по-прежнему в Москве?

В последующие годы мы встречались чаще и при каждой встрече мысленно возвращались туда, в окрестности Минска, в Налибокскую пущу, к нашим боевым товарищам.

Через много лет

Свыше десяти лет я не видел Германа Шауэра, а встретившись, просидел с ним весь вечер и всю ночь. Мы вспоминали то время, когда боролись за такую Германию, которая будет жить с русским народом в мире и дружбе.

Весной 1965 года ко мне зашел Вольф за сведениями о группах Национального комитета «Свободная Германия», действовавших в тылу. В партийном архиве он нашел отчеты, листовки и фотоснимки. Был среди них и отчет Дины.

«Отчет Галины Федотовны Хромушиной, сотрудницы редакции журнала «Новая и новейшая история». Москва»,—прочел я. Дальше следовало изложение всего того, что было сделано нашей группой.

— Ты можешь сообщить нам много интересных подробностей о деятельности группы 117,—сказал мне Вольф.

Феликс Шефлер, желая узнать, где находится Дина, написал письмо в Москву. Феликсу ответил ее муж Юрий Шарапов. Вот что он писал:

«Моя дорогая жена Галина умерла три года назад вследствие тяжелой болезни. Она часто рассказывала мне обо всем, что ей пришлось пережить в белорусских лесах и о немцах-антифашистах, с которыми она тогда работала вместе в группе 117. Напишите мне, пожалуйста, где теперь члены этой группы, как сложилась их жизнь в течение этих двадцати прошедших лет... Буду рад, если Вы напишете мне об этом. Хочу также лично познакомиться с вами...»

Мы написали письмо Юрию Шарапову. Затем нас посетил корреспондент газеты «Известия» Борис Орлов. Мы рассказывали ему о жизни и борьбе в белорусских лесах и о нашей мужественной боевой спутнице Дине...

10 апреля 1965 года в газете «Известия» был опубликован очерк «Путь-дороги», посвященный нашей группе. В конце его было сказано следующее:

«Контрадмирал Феликс Шефлер живет теперь в Ростове. В память об антифашистской группе, действовавшей вместе с партизанами, у него хранится несколько снимков, среди них и фото Дины—Галины Хромушиной.

— Эта девушка оказала на всех нас очень большое влияние,—сказал он.— Она была необыкновенный человек. Об этом еще когда-нибудь напишут. Жаль, что ее жизнь оборвалась так рано...»

У нас, в ГДР, тоже писали о боевом содружестве в годы Великой Отечественной войны. В связи с 20-й годовщиной Победы и освобождения от фашизма в наших газетах были помещены материалы о борьбе немецких антифашистов на стороне Советской Армии и партизан.

После того, как был опубликован очерк Вольфа о группе 117, мы установили связь с Георгом Кронауэром, который тогда в Налибокской пуще был членом нашей группы. Мы не виделись с ним свыше двадцати лет...

8 мая 1965 года у нас в Берлине было много гостей из Советского Союза. Среди них был и профессор Николай Янцен, наш уважаемый учитель и руководитель антифашистской школы в Красногорске.

Бывшие советские офицеры встретились со своими боевыми спутниками, вместе с которыми боролись в годы войны на фронте. Среди этих офицеров был и майор запаса Николай Дятленко, работающий теперь в Киеве преподавателем истории. Это были дни радостных встреч.

Не хватало времени, чтобы рассказать обо всем. Я показал Дятленко первое письмо, полученное мной от нашего боевого товарища Ивана Колоса, живущего ныне в Москве.

— Когда я вспоминаю то, что нам когда-то пришлось вместе пережить, — сказал Николай Дятленко, — мои старые раны снова начинают болеть... Как жаль, что уже нет нашей дорогой Дины, что не присутствуют среди нас и многие другие товарищи, о судьбе которых нам ничего неизвестно.

В июне 1965 года я был в Москве и посетил Ивана Колоса. Эта встреча взволновала нас обоих. Я привез ему фотоснимки и газеты, в которых говорилось о наших боевых делах.

Немало фотоснимков, относящихся к тому времени, сохранил также и Колос. Он показал мне номера газет и брошюру «Фронтовые разведчики», где рассказывалось о нашей работе на фронте. Жена Колоса накрывала на стол, а я тем временем просматривал газеты.

— Вот видишь, Гуго, — сказал мне Колос, — то, что было сделано нами, не исчезло бесследно с годами. Повсюду люди читают, как в годы Великой Отечественной войны вместе с нами против фашизма боролись и немецкие товарищи. Многие тысячи людей знают уже о группе 117.

Три дня гостил я у Ивана Колоса. 13 июня он был в Минске на встрече партизан и видел там многих товарищей из бригады имени Чкалова. Колос показал мне много снимков, сделанных им на этой встрече. На них я узнал многих товарищей.

— У тебя чертовски хорошая память, — радовался Иван всякий раз, когда я узнавал кого-нибудь из старых знакомых.

Да, я вижу их снова. Вот партизанка Лидия Кизилло, вот комиссар бригады Иван Казак и его мать, вот командир отряда Илья Стрельцов и многие другие. Я смотрел на знакомые лица и, вспоминая минувшее, думал — как давно все это было...

Юрия Шарапова я посетил в редакции газеты «Известия». Он показал мне фото и дневники Дины.

— Когда у меня соберется достаточно материала, — сказал Юрий, — я напишу книгу о моей жене.

Затем Юрий познакомил меня с письмами читателей, присланными в редакцию в связи с опубликованием очерка «Пути-дороги». Среди них были письма и от товарищей, которых я хорошо знал. С вниманием прочел я письмо бывшего командира бригады Павла Гулевича, присланное из Гродненской области.

«Группа 117, — писал Гулевич, — была придана партизанской бригаде, которой командовал я. В эту группу входили Гуго Барс и Феликс Шефлер. В очерке упоминается немецкий фельдфебель, стоявший на дорожном перекрестке и направивший колонну немецких солдат в глубь леса, где ее ожидали партизаны. Это были партизаны из моей бригады.

Встреча в Минске. В центре — Гуго Барс.

Бригадой было взято в плен 69 немецких офицеров и 2030 солдат, причем большую помощь нам оказали члены группы 117, действуя в качестве парламентариев.

Я прошу редакцию газеты помочь мне установить связь с Гуго Барсом и Феликсом Шефлером и лично встретиться с ними. Хочу, чтобы они вместе со своими семьями приехали ко мне в гости. Буду очень рад этой встрече.

28.IV. 1965 г.».

Читаю следующее письмо, полученное от Лидии Кизилло, ныне Волковой.

«Уважаемый товарищ Шарапов!

В годы войны я была в партизанской бригаде имени Чкалова. В 1944 году к нам была прислана группа немецких антифашистов, а именно Гуго, Феликс, Карл и Ганс. Они печатали листовки на немецком языке. Комиссаром этой группы была тогда старший лейтенант Галина Хромушина, которую все мы называли Диней. Я дружила с ней и хорошо помню эту смелую и умную девушку. К сожалению, я недолго пробыла вместе с ней, так как их группу перебросили в другое место. 15 июля 1944 года перед партизанским парадом я встретила с группой антифашистов недалеко от Минска, в селе Медвежино. Но встреча эта была очень короткой. Я хочу все знать о Дине. Пожалуйста, напишите мне о ней по следующему адресу: Минск, Интернациональная ул., Прокуратура Минской области, Л. Д. Волковой».

Вот еще одно письмо, присланное 15 апреля 1965 г. из Минска Иваном Устиновичем Мисуной.

«Очерк «Пути-дороги», помещенный в вашей газете, я прочел с большим интересом. Во время войны я работал в подпольном обкоме КПБ Белоруссии в Барановичах. С группой 117, руководимой старшим лейтенантом Галиной Хромушиной — Диней, я встретился на партизанском аэродроме. Дина и немцы-антифашисты были доставлены с аэродрома в штаб партизанского соединения, где они находились некоторое время. Я неоднократно беседовал с Гуго Барсом

и Феликсом Шефлером. Во время пребывания группы при штабе соединения я часто и подолгу разговаривал с Диной. В память о нашей совместной борьбе мы с ней сфотографировались. Пользуюсь случаем, чтобы послать вам этот снимок. С радостью узнал я, что Гуго Барс и Феликс Шефлер живут в ГДР и что они оба стали коммунистами».

Писем было еще много.

— Мы были рады, — сказал мне Юрий Шарапов, — что в редакцию поступило так много писем в связи с опубликованием нашего очерка. Хорошо, что вы едете в Минск. Дина тоже все собиралась побывать там на встрече партизан...

Я пообещал Юрию Шарапову написать о своих впечатлениях, о встрече партизан в Минске.

25 июня я был уже в Минске на вокзале. Мои товарищи и боевые соратники пришли, чтобы встретить меня. Объятия, поцелуи. Сколько радости доставила мне эта встреча!

Да, за двадцать пролетевших лет все мы постарели, на лицах появились морщины — ужасная война и суровые послевоенные годы наложили свой отпечаток. Но радость встречи как бы омолодила нас. Я, признаться, не ожидал такой сердечности и чувствовал себя в гостях, как дома.

Все вновь ожило в моей памяти, и о каждом товарище я мог сообщить какую-нибудь подробность: какую одежду он носил в 1944 году, как он тогда выглядел, ездил ли он на лошади или воевал пешком. Так, я вспомнил, какую шапку носил Геннадий Будаев, какой полушубок был у Лидии Кизилло, каким подтянутым выглядел всегда Павел Хмелевский. Вспомнил я и своеобразную походку комиссара Ивана Казака. Он шагал по земле твердо и уверенно, враскачку, словно моряк по палубе корабля. Не узнал я лишь партизана Валентина Тараса. Да и не мог его узнать. Оказалось, что Валентин Тарас был возницей повозки с нашей походной типографией, но тогда ему было всего лишь четырнадцать лет. Не узнал я также и журналистку Софью Садовскую, она тогда была совсем молодой женщиной.

Товарищи показали мне восстановленный Минск. А я представлял его еще таким, каким он был в июле 1944 года — весь в развалинах. Да, товарищи, ваш Минск, за который шли такие горячие бои, который стоил стольких жертв, стал красивым городом. Видно, и пота он стоил тоже немало.

Мне показали новые улицы, по которым ходили молодые люди, видевшие разрушенный Минск только на картинах в музее.

В Дзержинске, в райкоме партии, мы встретились с боевыми товарищами, поехали с ними по деревням. Долго обнимались, встретившись с Петром Шугаевым и Антоном Киселем. Незадолго до приезда в СССР я получил от них письмо и, обнимая товарищей, думал о сердечных строках:

«Оба мы живы-здоровы, живем там же, где жили прежде, и у нас уже внуки. Очень часто мы вспоминаем вас, дорогой Гуго, и Феликса, и то время, когда мы были с вами в отряде «Большевик» и вместе боролись против общего врага. Мы вспоминаем и о том, как вы в Дзержинске на базаре отколотили полицейского, как распространяли там листовки в расположении немецких воинских частей, как помогли нам взять начальника полиции, как затем попали под обстрел и вынуждены были отойти. Помним мы и Налибокскую пуцу, где вместе с вами сопровождали большую группу пленных, и митинги в Туряково и Рубежовичах. Нам хотелось бы встретиться с вами и вместе объездить те места, с которыми связано столько воспоминаний. Вы обязательно должны приехать к нам.

Бывший комиссар Павел Хмелевский работает теперь в Совете Министров в Минске. Енку выбрали председателем колхоза «Родина», а Петр Адашкевич стал председателем колхоза «Коминтерн». Мы работали на меловой фабрике. Тумилович, наша хозяйка в деревне Туряково, тоже очень хотела бы вас видеть. Целуем вас.

24.V.1965 г. Шугай и Кисель.

вал
сен
А

лас
лен

жи
ком
кос
пос
вал

зна
ные
к н

ши
Гер
и, Р
пар

узн

рабо
мно
эти
ния
Я д
числ
бол

груп
ским
на

учит
Ник

XXII
газе
долг
боев
парт

Наш адрес: Минская обл., Дзержинский район, деревня Дагильно».

И вот мы встретились снова и побывали в тех деревнях, где когда-то бушевала война.

Петр Адашкевич выглядит так же, как и тогда. Надя Мамлева, бывший секретарь подпольного комсомольского комитета, стала солидной женщиной. А какой юной она была в то время!

Будучи в Дзержинске, зашел я к Зине. Помню, как она волновалась и боялась за нас и свою семью, когда Феликс и я три ночи ночевали в их доме. Маленькая дочка Зины подарила мне на память фарфоровую фигурку девочки.

27 июня состоялась большая встреча бывших партизан недалеко от Воложина. Несколько тысяч человек приехали на грузовиках. Многие пришли пешком. Мы собрались в лесу, на том месте, где когда-то горели партизанские костры. Там я встретил Павла и Марию Гулевичей. Я показал Павлу письмо, посланное им в «Известия». Нам было о чем поговорить, и мы часто перебивали друг друга неизменным вопросом:

— А помнишь, как тогда..?

Эти дни, эти встречи не изгладятся из моей памяти. Я уехал в Берлин, зная, что друзья и товарищи, с которыми мы познакомились в тяжелые военные годы, всегда поминают нас добром. И мы можем в любое время приехать к ним и чувствовать себя как дома—ведь там наша вторая родина.

Вернувшись в Берлин, я принялся за чтение воспоминаний, написанных нашими белорусскими товарищами. Я читал их вместе с Феликсом Шефлером, Германом Шауэром и Георгом Кронауэром. Мы читали, смотрели фотоснимки и, расставаясь, решили в 1966 году приехать в Минск на следующую встречу партизан, чтобы снова встретиться со старыми друзьями.

Увенчались успехом и розыски нашего товарища Карла. Мне удалось узнать его адрес, я написал ему письмо и получил от него ответ. Вот он:

«Вена. 11 сентября 1965 г.

Дорогой Гуго!

Как часто вспоминал я о тебе, о Феликсе, о нашей Дине и нашей совместной работе, обо всем том, что было двадцать один год назад. И вот теперь передо мной лежат присланные тобой письма, фотоснимки и статьи. Ты доставил мне этим бесконечную радость. Благодарю тебя за твои старания. Какие воспоминания ожили внезапно в памяти! Каким замечательным человеком была Дина! Я думаю, что ей принадлежит львиная доля успеха нашей работы. Дина из числа тех людей, которых никогда не забывают. Жаль, что нам уже не придется больше увидеть ее.

Вскоре после того, как мы с тобой тогда расстались, я был направлен с группой австрийцев на Южный фронт. Мы спустились на парашютах к югославским партизанам и боролись вместе с ними. Так весной 1945 года я очутился на границе Австрии—моей родины.

Мне очень хочется встретиться с тобой и Феликсом...

Остаюсь твоим старым другом, твой боевой спутник Карл».

Карл приезжал к нам в гости из Вены.

Наладили мы переписку также и с нашим товарищем Гербертом Генчке. Он учится в Высшей партийной школе в Москве и слушает лекции профессора Николая Янца...

Вскоре к нам в гости приехал из Вены Карл. В те дни в Москве заседал XXIII съезд КПСС. Мы следили за работой съезда по телевидению и по нашим газетам. Среди членов президиума съезда оказался и товарищ Чернышев. Мы долго рассматривали снимок, где Чернышев сфотографирован в кругу своих боевых товарищей, сфотографирован еще тогда, когда он был командующим партизанским соединением Барановичской области. А мы его знали как гене-

рала Платона. Не без гордости говорили мы о том, что Чернышев вошел в президиум съезда. Ведь это человек, под чьим командованием мы, немецкие антифашисты, боролись на стороне партизан.

Уезжая домой, Карл сказал мне на вокзале:

— Если позволят обстоятельства, то мы вместе в июне в Минске встретимся с нашими белорусскими друзьями и товарищами. Они помогли нам стать борцами за мир. Ведь не случайно все члены нашей группы стали коммунистами...

В наших сердцах храним мы память о Дине и вспоминаем ее с уважением и благодарностью. Она стала для нас образцом настоящего товарища.

Перевел с немецкого А. ЗАРИЦКИЙ

лас
ны
ко
Эго
тас
свя
нау
Кос
а н
вил
что
суш
ция
еще
скоп
ческ
мыс
фан
ми;
по
труд
води
каза
фан

НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА

ИЛИ ГИПОТЕЗА?

Современные сказки—фантастика—представляют собой обширнейшую область литературы, малозученную теоретиками.

Жанр фантастики открыл путь в художественную литературу многим крупным ученым. И это придает фантастике оттенок научности. Однако применение ко множеству произведений термина «научная фантастика» вряд ли оправдано. Это приводит к тому, что некоторые авторы начинают отождествлять свои фантастические идеи с научными.

Так, например, случилось с идеей о «космических пришельцах», которой посвящена публикуемая ниже статья В. Зайцева.

Мысль о «космических пришельцах»—смешение двух идей. Одна из них—научная—о множестве обитаемых миров, о закономерности возникновения в Космосе цивилизаций. Другая идея—фантастическая (основанная не на фактах, а на вере)—о посещении нашей планеты посланцами иной, более высокой цивилизации.

Почему вторую идею нельзя назвать научной? Разве не правдоподобно то, что представители инопланетных цивилизаций, коль скоро мы допускаем их существование, могли посетить Землю?

Действительно, правдоподобно. Но от правдоподобия до правды—«дистанция огромного размера». Идея, не подтвержденная достоверными фактами,—еще не гипотеза.

Но как же быть тогда со многими замечательными идеями К. Э. Циолковского? Не подтверждаются ли его предвидения, прежде считавшиеся фантастическими, а ныне перешедшие в разряд научных? И как относиться к тем его мыслям, которые перекликаются с идеей «космических пришельцев»?

Прежде всего хотелось бы уточнить понятие «научная фантастика». «Научно-фантастические» идеи—те, которые не подтверждены убедительными фактами; в то же время нет убедительных фактов для их отрицания. Они построены по принципу математических теорем: от первичного утверждения, которое трудно (или—невозможно) доказать или опровергнуть, цепь рассуждений приводит к определенным выводам.

В зависимости от степени достоверности фактов и логической строгости доказательств идеи могут быть отнесены к научным теориям, гипотезам, научной фантастике или—к чистой фантастике. Это, конечно, не значит, что всякая фан-

тастическая идея—чепуха. Но если она не подтверждена фактами, ее не следует относить к научным. Быть может, время ее придет позже, когда она окажется «по зубам» окрепшей науке.

Идеи Циолковского, на наш взгляд, следует считать научно-фантастическими. Некоторые из них—о космических ракетных поездах, о выходе человека в космос и т. д.—блестяще подтвердились в наши дни. Другие—как, например, об инопланетных цивилизациях—могут подтвердиться в будущем.

«Не верьте разуму и могуществу нашей планеты, но невозможно усомниться в силе одной из планет Млечного Пути. Их сотни миллионов! Неужели ни одна из них не превысила безмерно Землю». Так писал в 1925 году Константин Эдуардович в своей брошюре «Причина Космоса». И продолжал: «Мы не имеем сейчас ни малейшего понятия о пределах могущества разума и познания, как наши предки не представляли себе технического могущества современного поколения».

В настоящее время еще меньше, чем когда-нибудь раньше, можно сомневаться в истинности этой мысли. Астрономы обнаружили великое множество звезд, которые, по-видимому, значительно старше нашего Солнца. Нет оснований считать нашу Солнечную систему чем-то уникальным во Вселенной. Скорее наоборот—наша «система» самая заурядная и расположена где-то «на задворках» Галактики.

Весь путь развития жизни на Земле, приведший к рождению человека и техники, представляется нам теперь закономерным, а эволюция, усложнение живых организмов и машин,—неизбежной. По-видимому, в сходных условиях на других планетах будет происходить нечто похожее на нашу земную историю.

В таком случае почему бы и вправду не существовать цивилизациям, которые «взрослее» нашей на одно-два тысячелетия, а то и на миллионы лет? Вполне возможно. Ведь в масштабе геологической истории (около трех миллиардов лет) одно тысячелетие—лишний десяток минут жизни для старика.

Но пропорция тут чисто математическая. Мы не можем даже вообразить себе цивилизацию, которая на тысячелетие опередила бы нашу (если верить, что такая вообще возможна. Но не верить в это нет никаких оснований).

Нить подобных рассуждений привела в 1925 году К. Э. Циолковского к идее, напоминающей гипотезу Н. Кардашева о «сверхцивилизациях», речь о которых идет в статье Ф. Зигеля, печатаемой в этом номере журнала.

Больше того, убежденность в бесконечности и безначальности Космоса во времени и пространстве позволила великому ученому-фантасту сделать вывод: «Величайший разум господствует в Космосе и ничего несовершенного в нем не допускает».

Действительно, идея вечности Вселенной не противоречит допущению вечности очагов разума в ней (иначе, чем же объяснить возникновение их именно в современную эпоху?).

Мы на собственном опыте знаем о стремлении «очагов разума» к расширению, к охвату различных планетных сфер и выходу в космос. Значит, со временем (а запас «времени» в бесконечности сколь угодно большой) очаги разума должны достичь бесконечно большого могущества во Вселенной.

К сожалению, все это—предположения, опирающиеся на предположения. Мы слишком далеко оторвались от твердой опоры фактов и унеслись в область фантазий, которые уже вряд ли назовешь научными. Однако невозможно отвергать предположение о существовании в нашей галактике или в соседних с ней галактиках очагов цивилизаций более высоких, чем наша.

Ученые (преимущественно радиоастрономы) ловят и классифицируют космические сигналы, учитывая возможность их «искусственного» происхождения. Изучаются способы налаживания контактов с инопланетными цивилизациями.

(Между прочим, некоторые иностранные ученые советуют молчать, не посылать в космос сигналов. Мол, «высшие цивилизации», услышав нас, прилетят

на Землю и поработят ее жителей. Странная боязнь! Можно ли поверить, что цивилизация может достигнуть величайшего технического развития при морально-этическом уровне «диких времен»?)

С другой стороны, идея о внеземных цивилизациях открывает широчайшее поле деятельности для фантастов. В частности, она позволяет размышлять о «космических пришельцах», хотя, как известно, подавляющее большинство ученых относятся к этой идее резко отрицательно. И, пожалуй, мнение их вполне оправдано в том случае, когда эту идею приверженцы пытаются выдать за научную гипотезу. Нет ни одного достоверного следа пришельца из дальних миров на Земле. Различные косвенные «доказательства» сомнительны. Опираясь на них, пока можно создавать лишь научно-фантастические произведения.

Одно неоспоримо. Людей начинает тяготить их одиночество. Разумные существа тянутся к объединению. Они стремятся сомкнуть сферы своей деятельности, охватывая ею постепенно сферы планет, звездных систем, галактик...

Феликс ЗИГЕЛЬ

В ПОИСКАХ ВНЕЗЕМНЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Сообщение нашей центральной прессы («Известия» от 13 апреля 1965 г. и «Правда» от 14 апреля 1965 г.) об открытии загадочного радиосточника СТА-102, быть может, имеющего искусственное происхождение, вызвало всеобщий интерес. Хотя полной уверенности в том, что открыта далекая внеземная цивилизация, разумеется, пока нет, все же аргументы в пользу такого заключения достаточно серьезны.

Во втором номере «Астрономического журнала» за 1964 год была опубликована статья молодого московского астронома Николая Кардашева под интригующим названием «Передача информации внеземными цивилизациями». Само появление подобной статьи на страницах солидного научного органа весьма симптоматично. Содержание же статьи (и в этом нет преувеличения) открывает новый этап в поисках внеземных цивилизаций.

Эти поиски велись начиная с 1960 года, — велись поначалу, в сущности, кустарно. Американские астрономы, выбрав две близких «подозрительных» звезды (Тау Кита, Эпсилон Эридана), пытались обнаружить радиосигналы, посылаемые цивилизациями планетных систем этих звезд в направлении Земли.

Опыт окончился неудачей. Можно, конечно, объяснить ее кратковременностью эксперимента и малой мощностью приемной радиоаппаратуры. Но неудачи американского проекта «Озма» имеют, конечно, более глубокие причины.

Во-первых, окрестности названных звезд могут быть просто необитаемы. Оценки количества цивилизаций в нашей Галактике еще очень грубы, весьма спорны, и вполне возможно, что ближайшая к солнечной системе космическая цивилизация находится от нас на расстоянии не в десять, а в сто или более световых лет.

Во-вторых, цивилизации в окрестностях упомянутых звезд могут находиться на таком низком уровне развития, что космическая радиосвязь для них просто непосильна.

Наконец, не следует самообольщаться и полагать, что наше Солнце, и притом в данное время, возбудило у инопланетян выбранных нами двух звезд такой большой интерес, что они решили установить радиокontakt именно с нами.

Все это заставляет скептически относиться к американскому проекту «Озма». Если мы будем искать космические цивилизации, постепенно переходя от одной

звезды к другой, затрата времени получится колоссальной, а вероятность успеха за десятилетие или столетие — ничтожной. Нужен принципиально новый подход к проблеме. Такой подход, такая новая методика и предложена в работе Н. Кардашева.

В настоящее время человечество ежесекундно расходует на различные нужды $4 \cdot 10^{19}$ эрг энергии. Статистика показывает, что прирост энергетической мощности человечества составляет примерно три-четыре процента в год. Не трудно подсчитать, что даже при одном проценте прироста через 3 200 лет ежесекундный расход энергии человечеством составит $4 \cdot 10^{33}$ эрг/сек, что равно количеству энергии, излучаемой Солнцем. Спустя же 5 800 лет энергетический расход человечества составит $4 \cdot 10^{44}$ эрг/сек, что равно «энергетическому выходу», то есть мощности излучения крупной галактики.

Верны ли эти прогнозы? Скорее всего, да. Если не помешают какие-нибудь катастрофы, технический прогресс человечества будет продолжаться по меньшей мере в тех же темпах, как и теперь. Но тогда возникает вопрос: на какие цели будут расходовать колоссальные запасы энергии космические цивилизации?

Кардашев предлагает разделить космические цивилизации на три типа:

Цивилизации I типа с энергопотреблением порядка $4 \cdot 10^{19}$ эрг/сек. К ним принадлежит и человечество. Такие цивилизации еще только начинают осваивать космос, и их усилия направлены главным образом на решение социально-экономических проблем в масштабе своей планеты или своей планетной системы.

Цивилизации II типа с энергопотреблением порядка $4 \cdot 10^{33}$ эрг/сек, надо полагать, давно уже успешно решили политические и социально-экономические проблемы в масштабе своей планеты. Единой дружной трудовой семьей они освоили свою планетную систему и существенную долю расходуемой энергии должны направить на решение грандиозной задачи — установление контакта с другими цивилизациями Космоса.

Цивилизации III типа вполне можно было бы назвать сверхцивилизациями. Их можно рассматривать как объединение всех цивилизаций данной галактики. Их энергопотребление $4 \cdot 10^{44}$ эрг/сек, сравнимо с излучением всей их звездной системы, и они способны установить контакты между отдельными высокоцивилизированными обитаемыми галактиками.

Если цивилизации I типа, подобно человечеству, способны на первых порах лишь пассивно «прослушивать» отдельные звезды и искать радиосигналы от ближайших «братьев по Разуму», то цивилизации высших типов должны поступать совсем иначе.

Их энергетические ресурсы и технические возможности настолько велики, что они могут организовать и з о т р о п н ы е (то есть направленные во все стороны космического пространства) радиопередачи.

Такую радиопередачу «всем, всем» цивилизации II типа могут, например, осуществить с помощью множества радиопередатчиков, расположенных на поверхности искусственной сферы Дайсона, окружающей их звезду.

Сверхцивилизации III типа при их практически неисчерпаемых технических возможностях способны решить ту же задачу как-то иначе.

Каждая цивилизация II типа (как показывают расчеты Н. Кардашева) охватит своими радиопередачами все планеты своей галактики и даже ее близких окрестностей. Радиопередачи цивилизаций III типа доступны всем планетам во всей наблюдаемой нами части Вселенной!

Отсюда следует вывод: если в нашей Галактике сосуществует с нами хотя бы одна цивилизация II типа, или если в наблюдаемой части Вселенной — хотя бы одна цивилизация III типа, то их передачи, их радиоволны должны доходить и до Земли!

Все эти рассуждения имеют далеко не академический интерес. Радиопередачи космических цивилизаций (что также подтверждено расчетами Н. Кардашева) могут содержать колоссальные, невообразимые запасы знаний, или, как теперь принято говорить, гигантские количества информации. Вот пример.

Все главные основные знания, полученные человечеством за время его существования, можно изложить в 100 тысячах книг. Эту информацию легко закодировать с помощью двоичной системы, а затем передать (при оптимальных условиях радиопередачи) всего за 100 секунд!

Разумеется, знания цивилизаций II и III типов потребуют для передач значительно больших сроков — скажем, много часов или дней. Но зато при успешной дешифровке всей этой поистине «астрономической» информации как сказочно возрастут, углубятся познания человечества, какой исполинский скачок вперед совершит человечество, сократив века напряженного труда в познании и овладении природой!

Может быть, однако, все это лишь красивые мечты, не имеющие опоры в действительности? Если бы идеи Н. Кардашева были попросту заманчивой современной схоластикой, не стоило бы браться за перо. На самом же деле сверхсмелая гипотеза молодого советского ученого как будто находит себе о п ы т н ы е подтверждения.

Радиопередачи цивилизаций II и III типа должны обладать особенными, спе-

цифическими свойствами. Перечислим некоторые из них:

1. Искусственные радиисточники должны иметь относительно малые угловые размеры (по крайней мере для цивилизации II типа).

2. Те же источники должны обладать особой кривой распределения мощности излучения по частотам, то есть особым энергетическим спектром.

В самом деле—радиоизлучение облаков межзвездного газа и другие причины создают помехи для дальних космических радиопередач. Естественно вести передачи в том диапазоне длин волн (сантиметры и дециметры), где помехи минимальны. Значит, энергетическая кривая (или спектр) искусственного радиисточника при оптимальных условиях должна представлять собою нечто вроде зеркального отражения энергетического спектра помех.

3. Интенсивность радиоизлучения должна меняться во времени—только подобные изменения неслучайного характера могут рассматриваться как сигналы, несущие информацию.

4. Если источник радиоизлучения искусственный, то можно ожидать ряд других особенностей (круговую поляризацию излучения, детали в спектре заведомо искусственного характера и т. д.).

Три года назад американскими астрономами были обнаружены почти точечные радиисточники (их обозначения в каталоге: СТА-21 и СТА-102), имеющие «искусственный» характер энергетического спектра, совсем такой, как был предсказан Н. Кардашевым. Эти спектры резко отличаются от энергетического спектра такого обычного естественного источника радиоизлучения, как известная, например, радиогалактика Дева А.

В конце 1964 года группа молодых московских астрономов под руководством Г. Шоломицкого нашла еще несколько загадочных радиисточников с таким же типом спектра, как и у СТА-102. Наконец, в апреле 1965 года последовало сообщение, что группа Г. Шоломицкого открыла переменность СТА-102. Оказалось, что интенсивность радиоизлучения этого источника колеблется в периоде около 100 дней. Любопытно, что другой источник, СТА-21, со сходным «искусственным» энергетическим спектром, при этом остается постоянным.

Уже после того, как советские газеты сообщили всему миру о замечательном открытии, быть может, подтверждающем смелую гипотезу Н. Кардашева, американские астрономы известили Москву, что на Паломарской обсерватории ими получен оптический спектр слабой звездочки 17-й величины, видимой на месте СТА-102. Оптический спектр ока-

зался таким же, как у сверхзвезд (или квазизвезд, как их теперь называют).

Огромное «красное смещение» линий в этом спектре неоспоримо свидетельствует о чрезмерной удаленности объекта СТА-102. Он, как и другие квазизвезды, находится далеко за пределами нашей Галактики.

Представляются, как будто, две возможности. Объект СТА-102 может принадлежать к типу загадочных квазизвезд, а сигналы его—иметь естественную природу. Однако необычный характер его энергетического радиоспектра и правильные периодические колебания во времени, быть может, не исключают и искусственное происхождение СТА-102. В пользу этого, возможно, говорит постоянство похожего в остальном на него объекта СТА-21. Не ведет ли одна цивилизация передачи, тогда как другая временно «отдыхает» от этих дел?

Если действительно в данном случае обнаружена внеземная цивилизация, то мы принимаем радиопередачу от далекой сверхцивилизации III типа, овладевшей всей своей галактикой. Тем интереснее попробовать расшифровать информацию, быть может, скрытую в принимаемых радиосигналах.

Выскажем и еще одно, не менее фантастическое (пока!) предположение. Можно думать, что цивилизации, закончив передачу ценнейшей информации, снова периодически повторяют такие передачи для подключающихся все новых и новых космических «абонентов». Не в этом ли секрет периодичности СТА-102?

Хочется в заключение подчеркнуть одну важную принципиальную идею в рассуждениях Н. Кардашева.

Если одна космическая цивилизация удалена от другой на сотни световых лет, то двусторонние переговоры между ними малоперспективны—между вопросом и ответом пройдут сотни, а может быть—тысячи лет, а значит, и вопрос, и ответ, мягко выражаясь, потеряют свою актуальность. Поэтому, по мысли Н. Кардашева, цивилизации высших типов идут на подвиг величайшего гуманизма—они сообщают свои познания низшим, более отставшим в развитии братьям по Разуму, не рассчитывая ни на взаимную помощь, ни даже на скорый ответ. Впрочем, эти сверхчеловеческие действия могут иметь и некоторую, так сказать, практическую цель—«поднять до себя» низшие цивилизации, невиданно ускорить их прогресс и способствовать грядущему объединению всех цивилизаций Космоса.

Но здесь мы доходим до таких головокружительных пределов научной фантастики, что, пожалуй, наиболее разумно, по крайней мере сегодня, поставить на этом точку.

ГОЛОСА ДАЛЕКИХ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

По мере прогресса науки человечество получает возможность все глубже проникать в прошлое и направлять свой пытливый взор в будущее. Но число неразгаданных загадок увеличивается быстрее, чем число разгадок и открытий. Такова одна из особенностей познания. За каждую разгаданную загадку человечество должно платить новыми сомнениями и муками, необходимостью новых трудов. Так, с увеличением разрешающей способности телескопа раздвигаются рамки видимого мира и перед взором астронома появляются новые мириады звезд, требующие дополнительных усовершенствований и новых мощностей телескопов для их исследования.

Но не в этом ли самая привлекательная сторона познания?

Наряду со многими загадками сегодняшнего дня человеку приходится расшифровывать множество загадок, оставленных далеким прошлым человечества. Одна из них связана с вопросом: не была ли когда-то наша Земля-прародительница объектом пристального внимания

представителей других цивилизаций? Не посещалась ли наша планета обитателями других миров, а если посещалась — нет ли каких-нибудь следов этих визитов? Нельзя ли применить «космический» угол зрения к решению некоторых фактов загадочного свойства?

Отвечать на эти вопросы трудно, поскольку в нашем распоряжении имеются хотя и многочисленные, но лишь косвенные доказательства посещения Земли инопланетянами, при полном отсутствии доказательств прямых.

Гипотеза о «космических пришельцах» зародилась из сопоставления многих фактов, упоминаемых в различных легендах и мифах, в памятниках древней письменности, в религиозных письменных документах. Загадочность некоторых археологических находок также заставляет думать, что «земного» объяснения их далеко не всегда достаточно.

Коснемся некоторых фактов, трудно объяснимых традиционной аргументацией.

Запись писцов «Дома Жизни»

Среди археологических находок последних лет обращает на себя внимание «папирус Тулли». Напомним: профессор Альберто Тулли был директором Египетского музея Ватикана. После смерти профессора в его бумагах был найден плохо сохранившийся папирус эпохи Среднего царства в Египте. В результате расшифровки выяснилось, что папирус является фрагментом королевских анналов фараона Тутмоса III (1483—1450 гг. до н. э.), содержащим так называемую «запись писцов Дома Жизни»*. В нем говорится: «...в третий месяц зимы года 22-го, в шестом часу дня, писцы Дома Жизни увидели огненный диск, идущий по небу. Хотя у него не было голо-

вы, дыхание его рта было отвратительным. Один род (около 45 м.—В. З.) длины было его тело и один род ширины, и было оно беззвучным. Сердца писцов пришли в ужас и смятение, и писцы пали ниц... Они доложили фараону...» Далее из папируса выясняется, что повелитель Египта приказал расследовать это явление, а получив дополнительные сведения, вспомнил, что в папирусах Дома Жизни уже был записан аналогичный факт, относящийся к древности. По прошествии нескольких дней в небе Египта снова появились огненные диски числом больше, чем когда-то в древности. Диски светились «ярче света солнца». Их наблюдали фараон и его армия. Затем диски поднялись выше в небо и направились к югу. Фараон повелел писцам внести этот факт в анналы, дабы «осталась память навечно...»

Объяснять появление «огненных дис-

* Репродукцию этого папируса любезно предоставил в распоряжение автора г-н Роберто Пинотти (г. Римини, Италия).

ков» природным земным феноменом «гало» весьма затруднительно. «Галосы» превосходно изучены, и их характе-

ристики не совпадают с теми данными, которые содержатся в «папирусе Тулли».

Иероглифы Байян-Кара-Ула

Немецкий журнал «Das vegetarische Universum» (UFO-Nachrichten № 95/64), а также французский журнал «BUFOI» (№ 4, mars-avril 1965, p. 8—10) опубликовали информацию об открытии китайского археолога профессора Цум-Ум-Нуя. Публикация эта была напечатана многими журналами мира. В ней рассказывается следующее.

На границе между Китаем и Тибетом находится горный пещерный район Байян-Кара-Ула. На протяжении последней четверти века в этом районе археологи находят странные каменные диски, исписанные непонятными узорами и иероглифами. Выяснилось, что жители этого района несколько тысяч лет тому назад с помощью неизвестных орудий труда высекали их из камня. Таких дисков в пещерах Байян-Кара-Ула до сегодняшнего дня найдено 716 штук.

Подобно граммофонным пластинкам, все диски в центре имеют отверстие, от которого спиралью отходит двойной желобок, доходящий до периметра диска. Об этих желобках журнал пишет, что «очевидно, это не звуковые бороздки, а письмена, самые странные, которые когда-либо были найдены в Китае, да и во всем мире».

Археологи и специалисты по дешифровке древних письменных знаков двадцать лет ломали голову, чтобы раскрыть тайну этих спиралей. А разгадка оказалась в итоге настолько поразительной, что Пекинская академия предистории первое время не разрешала профессору Цум-Ум-Ную сделать публикацию на эту тему. Когда, наконец, разрешение было получено, Цум-Ум-Нуй в содружестве с четырьмя своими коллегами опубликовал труд под интригующим на первый взгляд названием: «Бороздчатые письмена, повествующие о космических кораблях, которые, по свидетельству записей на дисках, существовали 12 000 лет тому назад».

В высокогорных пещерах Байян-Кара-Ула живут племена Дропа и Хам. Люди этих племен очень малорослы и тщедушны. Рост их примерно 1 м. 30 см. До сих пор археологи не смогли с точки зрения этнологии классифицировать эти племена, отнести их к какой-то конкретной этнической группе. И вообще о них китайские исследователи имеют до настоящего времени очень смутное представление. Расшифровав

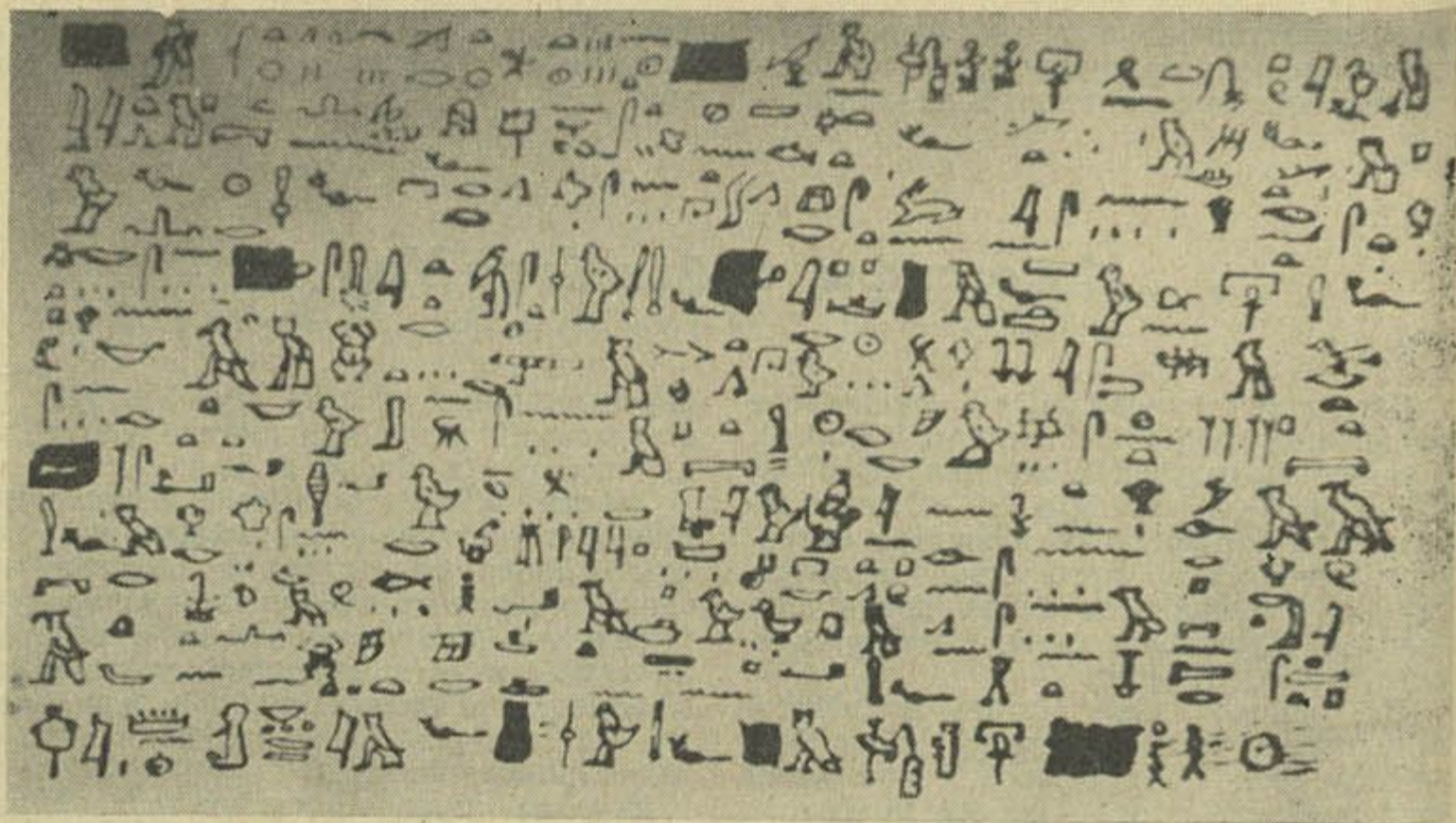
иероглифы на дисках, Цум-Ум-Нуй и его коллеги увидели в тексте упоминание о народах Дропа и Хам.

Журнал «Das vegetarische Universum» приводит дословную выдержку из текста: «Дропа спустились с облаков на своих воздушных глиссерах (планерах?). Десять раз до восхода солнца мужчины, женщины и дети прятались в пещерах. Наконец, они поняли знаки и увидели, что на этот раз Дропа прибыли с мирными намерениями...»

Журнал строит догадки: «очевидно, можно предположить, что кто-то из племени Хам, умеющий писать, позволил себе пошутить по поводу воздушных кораблей, или что это относится к области суеверий?» Но сам же журнал задается вопросом: «Что тогда означают другие иероглифы племени Хам, которые ясно выражают сожаление по поводу «гибели их «собственных» воздушных кораблей при приземлении в труднодоступных горах и по поводу невозможности построить новые корабли, так как нет для этого ни средств, ни путей?»

По мнению китайских археологов иероглифы Байян-Кара-Ула таинственны до такой степени, что толкование их и использование с научной целью возможны только с большой осторожностью. Для получения дополнительных данных о дисках, как пишет журнал, с них соскоблили частицы камня и отправили для анализа, в результате которого было сделано удивительное открытие: диски содержали большое количество кобальта и какого-то другого металла. Исследование целого диска осциллографом (аппаратом для выявления ультра-быстрых колебаний) обнаружило удивительный ритм вибрации, словно диски были «заряжены» или когда-то были включены в цепь, служа проводником электричества.

До сих пор диски Байян-Кара-Ула представляют неразрешенную загадку, связанную с какими-то событиями двенадцатитысячелетней давности. Немецкий журнал констатирует: «Возможны только предположения и, надо сказать, не очень объективные». Некоторые исследователи этого вопроса вспоминают древние китайские легенды о маленьких человечках, худых и желтолицых, которые якобы приходили с облаков. Согласно легендам, эти человечки были

Папирус Тулли.

безобразны: они имели необычайно большие головы и чрезвычайно худые и щуплые тела. Их безобразие вызывало в земных племенах чувство отвращения и было причиной того, что все избегали их, а какие-то «люди на быстрых лошадях» их избивали.

Таковы легенды. Но действительность, говорит журнал, подтверждает эти легенды: археологи и спелеологи находят в пещерах Байян-Кара-Ула остатки могил и скелетов давностью 12 000 лет. Реконструкция показывает, что эти остатки принадлежат людям с огромными черепами и слабо развитыми скелетами. Первые китайские археологические экспедиции, открывшие данные захоронения, в своих отчетах писали об «исчезнувшем виде обезьян». Но... опять-таки «но». Журнал резонно замечает: «Слышал ли кто-нибудь когда-нибудь об обезьяньих могилах? Или о дисках с письменами, созданных доисторическими обезьянами?»

В 1940 году археолог Чи-Пу-Тей, сторонник «обезьяньего» варианта толкования загадки дисков, вызвал удивление и нападки ученых всей Азии за этот

вариант. Он предположил, что обнаруженные скелеты принадлежали обезьянам, а диски с письменами принесены в пещеры позднее, людьми, находящимися на более высоком уровне развития.

«Все это достаточно запутано», — пишет журнал. Запутанность вопроса усугубляется еще тем фактом, что внутренние стены пещер во многих местах покрыты изображениями восходящего солнца, луны и звезд, между которыми нарисовано множество каких-то точек (или мелких предметов?), величиной с горошину, которые «плавными движениями приближаются к горам и поверхности земли».

Такова загадка.

Английский ученый, издатель и редактор журнала «Pendulum» («Маятник») Эджертон Сайкс проявил большой интерес к открытию иероглифов Байян-Кара-Ула. Он считает, что эти иероглифы, наряду со свитками Мертвого моря и хенобоскионскими манускриптами, являются новыми весьма ценными источниками информации о прошлом человечества.

Бесконечная Вселенная

Наряду с представлением о черноте космоса и о возможности полета человека в небо, отраженным в ряде древ-

них письменных памятников в «Книге Еноха праведного», в легенде об Этане и некоторых китайских храни-

ках), с незапамятных времен существовало представление о населенности Космоса и его бесконечности. Известно, что древние буддисты «знали» о многочисленных «небесных городах», населенных разумными существами. Ионийцы, а также Левкипп и Демокрит разделяли эти «знания».

Обратимся к древнейшей книге «Махабхарата». В 5-м томе читаем о межзвездном мире:

«Бесконечно это пространство,
населенное совершенными
и богами,
Полно разными отрадными обителями,
их конца не достигнуть.
Выше и ниже [их] пути не видно ни
луны, ни солнца.
Там светозарные боги, огнецветные,
солнцами блистают.

Но и те рубежа неба, распростертого
мощно, не видят.
Трудно его достичь: оно бесконечно,
безгранно...
Светозарными, блистающими, все
дальше и дальше
Преодолевается это пространство,
неизмеримое даже для суров».

При чтении этого отрывка невольно возникает вопрос: откуда в древности могли появиться подобные образы и представления? Ведь знания, уместящиеся в границы «orbis terrarum», «земного мира», и знания, обнимающие весь космос, универсум — разномасштабны. Первые, как нам хорошо известно, возникали в результате человеческой практики, непосредственного повседневного опыта. А в результате какого опыта возникали вторые?

«Небесные яйца»

У народов Перу существует легенда о том, что в какие-то отдаленные времена в их стране люди рождались из бронзовых, золотых и серебряных яиц, падавших с неба. На эту легенду обратил внимание, не дав ей никакого толкования, Жан Элизе Реклю в своей широко известной книге «Земля и Люди» (кн. 10, т. XVIII, СПб, 1901, стр. 497), на чтении которой воспиталось не одно поколение любознательных людей.

Время принесло аналог этой легенде, только уже не в устном творчестве, а в... живописи. Сюжет с «яйцами» мы встречаем среди знаменитых фресок Тассили.

Напомним, что эти фрески, находящиеся в пещерах в центре Сахары, были открыты французским лейтенантом Бренаном. По его следам из Франции прибыла специальная экспедиция, возглавляемая Анри Лотом, который впоследствии издал книгу «В поисках фресок Тассили», переведенную на русский язык и изданную в 1962 году в Москве.

Известно, что наряду с изображением людей и животных, сцен охоты на фресках есть странные фигуры, условно названные Лотом «Марсиане», изображающие людей в каких-то одеждах типа скафандров и в круглых «шлемах» на головах, причем на фресках особенно хорошо сохранилось воспроизведение мест сочленения «шлемов» со «скафандрами». Никаких ассоциаций с ритуальными или охотничьими костюмами эти «скафандры» у нас не вызывают. Тем более не возникает ассоциаций с охотниками, использовавшими якобы скорлупу страусовых яиц вместо шлемов, как предпо-

лагают некоторые ученые, поскольку известно, что максимальный диаметр страусового яйца не превышает 15 сантиметров.

Но наше внимание привлекают в данном случае не эти ставшие широко известными фрески. Мы хотим сказать о другом.

Анри Лот, описывая некоторые, как он говорит, «странные композиции», изображенные на стенах пещер Тассили, останавливает свой взор на одном из рисунков; на нем нарисован «человек, появляющийся из какого-то яйцевидного предмета, покрытого концентрическими кругами, который напоминает либо яйцо, либо, что менее вероятно, улитку» (А. Лот, стр. 124).

Нет ли переклички между легендой, о которой писал Реклю, и этими фресками, описанными Лотом?

Мы думаем, что здесь отражен один и тот же сюжет.

Но на этом параллель не заканчивается. Следует вспомнить, что позднее этот сюжет с «яйцами» мы встречаем в древнегреческой скульптуре: диоскуры Кастор и Поллукс, а также Елена и Немезида некоторыми ваятелями изображались с остатками яичной скорлупы на голове, т. к. в мифе о них говорится, что эти персонажи родились из «небесных яиц». Вспомним хотя бы миф о Леде...

Возникает вопрос: как могло сложиться такое до чудовищности странное представление о возможности рождения человека из яйца? Разве когда-нибудь человек мог наблюдать подобное явление в жизни? Может, это представление

родилось по аналогии с рождением птицы или рыбы? Но при чем тогда «небо», с которого «падали» «яйца»?

Укажем на интересную деталь: в одном из вариантов южноамериканской легенды говорится, что «яйца» опускались с неба на цветках-одуванчиках. Можно также вспомнить, что в мальгашских сказках жена одного героя появляется странным образом: она падает с неба в виде цветка (Сказки Мадагаскара, М., 1965, стр. 12 и 72). Что это?..

Сюжет с «небесными яйцами», как

и любой миф и легенда, мог зародиться под впечатлением каких-то конкретных явлений, в данном случае, видимо, связанных с «небесным» пространством. Можно на одну минуту попытаться представить, что древний наблюдатель видел опускание с неба... контейнера, в котором находился живой человек. Можно даже представить, что думал при этом наблюдавший: ведь на его глазах человек «рождался» из «небесного яйца». Никакого иного толкования этого сюжета предложить нельзя.

Визитные карточки пришельцев из Космоса?

О статуэтках «догу» советский читатель знает из статьи писателя А. Казанцева «Космический костюм... у древних?», напечатанной в белорусском журнале «Маладосць» № 8 за 1965 год. Статье предшествовала информация того же автора в журнале «Смена».

Напомним, что автор рассказывал об удивительных находках японских археологов в префектурах Аомори и Иватэ. Археологи обнаружили там статуэтки, изображающие каких-то людей или человекоподобных в странных костюмах типа скафандров и в шлемах, закрывающих всю голову; шлемы имеют что-то вроде щелевых очков, дыхательных фильтров, антенн и слуховых аппаратов, а «скафандры» снабжены даже «приборами ночного видения».

Немецкий журнал «Freie Welt» (№ 12, март 1966 г.), поместив статью, посвященную последним достижениям советской космической науки, воспроизвел подборку различных наскальных рисунков и снимков «догу» под полусутоливым заголовком «Визитные карточки», рассматривая эти рисунки и статуэтки в качестве возможных свидетельств о «пришельцах» из Космоса. Художник Адельгейм Дитцель украсил обложку журнала рисунком, изображающим трех идущих по земле среди гор «пришельцев», одетых в костюмы, напоминающие «догу».

Наскальных рисунков в современном мире открыто уже довольно много: кроме фресок Тассили, стали известны пещерные рисунки «космонавтов» в долине Валь-Камоника в Швейцарских Альпах, в окрестностях Ферганы, австралийские наскальные рисунки, фрески, обнаруженные в окрестностях города Навои Узбекской ССР и другие.

Возможно, на земном шаре осталось много подобных «следов инопланетян». Но люди привыкли либо вовсе не замечать их, либо, обратив внимание, не давать себе труда их объяснить.

Особенно много загадок, которые можно толковать под «космическим» углом зрения, содержится в различных легендах и мифах народов мира. Возьмем ли мифы, повествующие о начальной странице истории народов Австралии или Ближнего Востока, или мифы народов Южной и Центральной Америки, или Дальнего Востока — мы везде встретимся с пришествием богов с неба.

Вообще «следы» космических «визитов», кажется, нужно искать в первую очередь и главным образом в мифах и легендах. В мире существует много понятий, образов и словесных выражений, которые не поддаются разгадке традиционными способами. А будучи рассмотренными под «космическим» углом, они оказываются благодатной пищей уму и воображению. Приведем примеры.

«Звезда Вифлеемская»

По крайней мере двадцать веков существует это выражение. К нему можно относиться по-разному: можно просто отмахнуться от него. Можно считать «голым» вымыслом, созданием «внутренней», умозрительной игры человеческого ума, не имеющей реального содержания, а можно, наоборот, задуматься

над вопросом: нет ли в этом словосочетании какого-то конкретного смысла. Кстати, таким вопросом задавался великий математик Кеплер, а в наше время целый коллектив ученых, посвятивших даже международный симпозиум решению проблемы, названной «Звезда Вифлеемская».

Никаких конкретных конструктивных решений ни первый, ни вторые не приняли. Между тем, если подойти к решению вопроса с несколько необычной стороны, может выясниться совершенно неожиданный вариант решения.

Еще в древности и в средние века воображение людей тревожил сюжет не привычной «стоячей» звезды или звезды «падучей», а именно звезды «идущей», каковой и считается звезда Вифлеемская. Самым поразительным в этом сюжете является то, что звезда не только обладала способностью «идти», но и «останавливаться».

Сделаем небольшое отступление и напомним, что апокрифы—это книги, не вошедшие в канон, не утвержденные церковной цензурой для богослужения и духовного чтения. В них отражена пытливая мысль людей, искавших рационалистическое объяснение наиболее «роковых», «инфернальных» загадок человеческого бытия. Апокрифическая литература очень обширна. В некоторых апокрифах содержатся сведения, резко отличающиеся от тех, которые мы находим в апробированных церковью текстах.

Среди апокрифических памятников литературы, посвященной ранним страницам христианства, мы встречаем «Повесть о трех королях-волхвах», оригинал которой создан был, видимо, на латинском языке не ранее середины III века, а в последующие века были сделаны переводы на языки различных народов. Возьмем белорусский вариант перевода XV в., т. е. сделанного за пятьсот лет до космической эры, в которую вступили мы. Этот вариант был опубликован в 1903 году в 150-м томе «Памятников древней письменности и искусства». В восьмой главе апокрифа мы встретим совершенно непривычное толкование образа «Звезды Вифлеемской». Здесь говорится, что эту звезду наблюдали во многих странах Востока, для чего на горах были построены «каплицы», в которых засели астрономы (так и сказано «астрономы»). Появившись ночью, «звезда» осветила весь небосвод «наподобие солнца». Целый день «поветрие не рушаючи се стала», т. е. не возмущая воздух, висела над горой Ванс. Когда вечером появились звезды на небе, она так ярко светила, что не было разницы между нею и солнцем. О ее нисхожде-

Статуэтка «догу».

нии на гору говорится: «Легко, словно орел, на тую гору вступила». Далее в апокрифе читаем ссылку на «некоторые книги», в которых якобы утверждалось, что Христос сошел с той «звезды». «Но тая звезда была не такая, как ее в наших странах по церквам малюют, но крылья имела яко у орла и многие длинные лучи», которые «звезду» «по кругу двигали», когда она опускалась на гору Ванс.

При чтении апокрифа у нас возникает новое понимание образа, отчетливо отличающееся от того, на который наталкивает чтение канонических церковных книг.

Версия, изложенная в апокрифе, конечно, необыкновенно фантастична. Но, во-первых, является ли она более фантастичной, чем каноническая? И, во-вторых, на чем базировалась фантазия древнего автора, создавшего эту версию? Мы снова упираемся в загадку. Может, «космическое» толкование версии помогло бы эту загадку решить?

Ангелы в... космических кораблях

В южной Югославии, в Косовской Метохии, стоит монастырь Дечаны, построенный в первой половине XIV века. К 1350 году интерьер монастырской

церкви был расписан многочисленными фресками в основном на темы из Ветхого и Нового завета.

Югославский журнал «Свет» (№№ 385

от 10 марта и 386 от 17 марта 1964 г.) поместил на своих страницах фотографии нескольких фресок и сопроводил их заголовками: «Космические корабли на дечанском распятии?», «Спутники на наших фресках?», «Неужели древние иконописцы рисовали космические корабли в Дечанах?» и другие. На фотографиях мы видим фрески, изображающие ангелов, летящих в... космических кораблях, похожих на современные спутники.

«Кораблей» на фресках два, они летят друг за другом с запада на восток. В первом сидит человек без ангельского ореола. Он держится одной рукой за невидимый «рычаг управления» и оглядывается назад. Создается впечатление, что «космонавт» следит за полетом следующего за ним товарища. В заднем «корабле» находится аналогичный персонаж, также не похожий на традиционного ангела. Он тоже одной рукой держится за «систему управления».

Оба «корабля» имеют обтекаемую форму. Отчетливо видны «реактивные» струи, еще более подчеркивающие стремительность полета. Журнал отмечает: «В летательных аппаратах — святые в позах пилотов».

Другие «ангелы», наблюдающие за полетом снизу, закрыли глаза и уши руками и в страхе отвернулись от зрелища, словно боясь, что это зрелище может ослепить, а звук, издаваемый летающими телами, оглушит их.

Ниже изображены две группы людей. Они написаны с большим реализмом и выразительностью. Их лица отражают недоумение, страх, растерянность.

Центр композиции панно — фигура распятого Христа.

Таким образом, наряду с традиционными каноническими деталями панно содержит эпизоды апокрифические.

Странно выглядит и фреска «Воскресение Христово», находящаяся под «Распятием». Журнал поясняет: «В момент воскресения Мессия словно находится в ракете, которая еще не тронулась». Действительно, сходство с контуром ракетного корабля полное; в верхней части «корабля» изображены даже два крыла стабилизатора. Правой рукой Христос с усилием увлекает за собой в «корабль» для путешествия в «царство небесное» одного из находящихся на Земле людей.

Дечанские монахи, когда специалисты обратились к ним за разъяснениями по поводу рисунков «кораблей», ответили, что это, видимо, изображения солнца и луны, поскольку, согласно новозаветной легенде, когда Христос был распят, произошло якобы затмение солнца. На вопрос, почему «солнце» восходит с запада, монахи ответить не смогли.

В одной из публикаций по поводу «дечанского чуда» есть ссылка на гипотезу, согласно которой Христос был человеком, пришедшим на Землю из Космоса. Подобные идеи журнал называет «более чем смелыми», полагая при этом, что подтверждение данной гипотезы «изменило бы в принципе библейский рассказ о Христе». Отмечается также, что фрески представляют «полную неожиданность как для несведущих лиц, так и для специалистов, поскольку сходство рисунков со спутниками очевидно».

«Чудо в Дечанах» — не единичное явление. В церковно-археологическом кабинете Московской духовной академии есть икона «Воскресение Иисуса Христа», относящаяся к XVII веку. На этой иконе мы видим Христа, находящегося в некоем вместилище обтекаемой формы, тоже отдаленно напоминающем космический корабль, стоящий на земле. Из нижней части вместилища в обе стороны идет дым, закрывающий ноги стоящим по бокам ангелам. Как и на дечанской фреске, Христос правой рукой увлекает с собой человека (согласно церковной версии, это Адам; Ева с другой стороны ожидает своей очереди).

Икона, несомненно, имеет апокрифический характер. Можно предположить, что существовал письменный апокриф, который толковал «воскресение» и «вознесение» Христа необычным образом, отличающимся от канонической версии. Судьба этого апокрифа науке неизвестна. Возможно, он был уничтожен церковной цензурой или погиб в результате действия неумолимого времени. Возможно также, что он и поныне хранится где-то неоткрытым. Он мог вдохновить некоторых иконописцев и мастеров храмовой росписи, рисовавших «космические» сюжеты. В любом случае возникает повод для любопытных размышлений о возможностях толкования данного апокрифического сюжета.

«Небо без Луны»

Известно, что в древних тибетских хрониках, содержащих мифические сведения о днях «допотопных», согласно Джессепу, имеются указания на то, что

в какие-то времена на земном небосводе не было Луны. Эта же мысль отражена в некоторых славянских сказках (сборник «Казки та оповідання з Поділля

в записках 1850—1860-их гг., упорядкован Микола Левченко», у Київ, 1928, стр. 6, сказка 17). В свое время мы склонны были содержание таких сказок считать беспочвенной игрой человеческого воображения. Но сейчас есть возможность взглянуть по-новому на мифическое указание в отношении Луны. Достаточно вспомнить расчеты австрийского инженера и математика Ганса Гербигера, согласно которым примерно 12 000 лет назад произошел «захват

Луны» силой земного притяжения, в результате этого «захвата» погибла Атлантида и начался всемирный потоп, который, кстати, еще совсем недавно мы считали тоже чистой выдумкой досужих умов древности. Гипотеза Гербигера исчерпывающе изложена в книге Генри Беллами «Миф об Атлантиде».

Возьмем еще один сверхфантастичный сюжет. Он связан с происхождением человека.

«Дети господ» или «внуки Марса»?

Одна из таинственнейших загадок связана с вопросом: «откуда есть пошел род человеческий?» Ответов на этот вопрос три: человек—дита земной эволюции; человек—создание бога; человек—звено в длинной цепи эволюции, начавшейся на какой-то другой планете и продолженной на Земле.

Первый ответ очень логичен, разработан наукой очень хорошо. Но в нем есть звено, которое до сегодняшнего дня еще недостаточно освещено,—момент выделения человеческого вида из царства обезьян. Известно, что пресловутый питекантроп еще не обнаружен. Тем не менее, можно быть убежденным, что и это звено со временем будет восстановлено.

Не требуется специальных знаний, чтобы отвергнуть второй ответ. Мыслить человека как мгновенный акт творчества—пусть и самого бога—невозможно.

Существует третий ответ, так же древний, как и второй. Согласно некоторым мифическим представлениям, человек проходил начальную эволюцию на какой-то другой планете Вселенной. Будучи уже сформировавшимся там, человек попал в земные условия и здесь ассимилировался, приспособился в процессе земной эволюции. Кстати, в настоящее время существует мнение, что наша планета слишком молода, а эволюция слишком медлительна для того, чтобы разумная жизнь на Земле могла развиться стихийно от самых простых до самых сложных организмов.

Приведем одну сказку из сборника, на который мы уже ссылались (Казки та оповідання з Поділля..., стр. 1, сказка 2. «Як на землі люди з'явилися»). Согласно этой сказке, человек создан «ни на Землі, але десь в іншому світі дуже давно. І як тому світові прийшов кінець, то Бог, щоби заховати пам'ятку роду людського, казав ангелям взяти кілька пар людей і знести на землю, щоби ся плодили. І ангелі пороскидали людей. Де яка пара впала, там жие і плодиться. А може і сему світові як прийде кінець, то знов де-небудь Бог людей перенесе на розмножіння».

Можно ли считать содержание этой сказки бессмысленной выдумкой? Может быть, выдумкой, но отнюдь не бессмысленной. В ней есть материалистически осмысленное зерно, свидетельствующее о том, что человечество древности могло иметь какие-то представления о происхождении людей, не совпадающие с каноническими религиозными представлениями, на которых тысячелетиями воспитывала свою паству церковь. Наконец, сказка говорит о том, что люди не удовлетворялись догмами, преподносимыми им церковью, и стремились расширить круг своих представлений о мире.

Но есть мысль и о том, что человечество как таковое вообще не первая на Земле разумная раса, что до нынешней человеческой породы существовали другие, более ранние, погибшие в результате каких-то катаклизмов.

«У бога минута—человечий век»

Иногда мы склонны считать, что то или иное знание является достижением наших дней, завоеванием науки позднейшего периода. Но это не всегда так. Иногда мы ошибаемся, преувеличивая новизну той или иной мысли.

Можно задаться вопросом: в какой степени можно доверять знаниям древних людей? Как относиться к старому в системе новых фактов познания?

Естественно предположить, что комплекс знаний, которыми обладает челове-

чество, мог сложиться не только в результате эволюции человеческого вида и его истории. Возможно, что некоторые представления являются наследием какой-то предыдущей цивилизации, что часть знаний приобретена в результате контактов жителей Земли с внешним, космическим миром. В таком предположении невозможно усмотреть ничего философски порочного; такое предположение не может принести человечеству морального ущерба...

Среди вопросов, которые—можно считать—не имеют еще должного научного толкования, следует рассмотреть представление древних об относительности течения времени. Напомним, что в древние и средние века у христианских народов существовала мысль о том, что на «небе» время протекает медленнее, чем на Земле. Фольклор эту мысль выразил в словах «У бога минута—человечий век». Существуют и варианты этой мысли. В 89 псалме (стих 5) говорится: «Пред очами твоими (бога.— В. З.) тысяча лет, как день...» В одной японской сказке из сборника «Ниппон Мукаси Банаси» рассказывается, как человек вернулся из путешествия на небо молодым и не застал дома на Земле своих потомков. Аналогичное можно встретить в русской сказке из сборника А. Н. Афанасьева и в украинской из приведенного нами сборника («Казки та оповідання з Поділля...», стр. 65, сказка № 131 «У Бога 300 літ, як 3 години»).

В более пространной редакции этот вопрос изложен в известном древнем апокрифе «Видение Исая» (II или III в.). Здесь говорится, что пророк Исая, усомнившийся в истинности своей веры и величии вседержителя, по

воле последнего был взят на небо. Там, увидев все величие предвечного, Исая раскаялся в своих сомнениях. Ангел, доставивший пророка на небо, решил вернуть его снова на Землю. Исая удивился: «Почему так скоро? Ведь я у тебя тут только два часа был». Ангел ответил: «Не два часа, но тридцать два года». Пророк был сражен этими словами: он понял, что возвращение на Землю будет означать для него либо смерть, либо глубокую старость, поскольку он не заметил, что на небе постарел на целых 32 года. И он взмолился: «Почто мне возвращатися в плоть мою дряхлую?—И оскорбел зело Исая». Но ангел его утешил: «Не скорби, ты не будешь старым».

Только в начале XX века из открытия А. Эйнштейна мы узнали о причинах времени, связанных с движением тела на околосветовых скоростях. Это положение проверено пока только на мезонах в лабораторных условиях, но наши писатели-фантасты уже давно описывают путешествия в Космос, во время которых герои испытывают приключения, похожие на описанные в «Видении Исая».

Можно предположить, что древняя мысль о возможности личного бессмертия человека является не только отражением жажды «вечного бытия», но, возможно, и результатом представления о том, что время при определенных условиях меняет скорость своего течения.

Как бы мы ни объясняли причины зарождения подобного понятия—мы вынуждены успокаивать себя очень зыбкими предположениями, если в решение не ввести «космический» коэффициент.

«Дом-Храм»?

В религиозной литературе существует понятие «небесного храма» или «дома господня». Обычно комментаторы священного писания относят это понятие к категории чисто умозрительных. Между тем, в иудейской и христианской литературе мы встречаем «космическое» понимание природы «небесного храма». Иоанн Богослов писал: «И отверзся храм божий на небе... И произошли молнии и голоса, и громы и землетрясение, и великий град» (Откр., 11, 19). По представлению древних в «храме небесном» сходил с неба «бог». Читаем в другом источнике: «Были громы и молнии, и густое облако над горою (Синайскою), и трубный звук весьма сильный... Гора же Синай вся дымилась оттого, что господь сошел на нее в огне; и восходил от нее дым, как дым из печи, и вся гора сильно колебалась...» (Исход, 19, 16—18; 20,

18). Там же читаем слова «бога» Моисею: «проведи для народа черту со всех сторон (горы Синай) и скажи: берегись восходить на гору и прикасаться к подошве ее» (19, 12).

«Вулканический» вариант толкования данного образа отпадает, поскольку в нем содержится отчетливое указание на «небесный» характер его. Отпадает и соображение о «визионном» характере «небесного храма», поскольку для такого видения нужен какой-то прецедент, явление, хотя бы отдаленно напоминающее это явление.

Если вступить на путь предположений, то можно представить, что авторы вышеуказанных строк были свидетелями нисхождения на Землю космического корабля. «Храм небесный» или «Дом Божий» можно толковать как космический корабль, виденный людьми в какую-то

эпох
же
хра
ву
ста
про
вече
мер
В
емст
ма
во.
мен
цар
чил
«до

Н
поня
и «
мож
на с
ных,
сти
ведл
тазм
вует
У л
исто
кото
ще
отно
и ска
кови
нево
жем
песч
вещ
нем

Н
дать
них
Ру
фам
соде
врем
В са
«пти
ный»
на?
«Тро
цион
«нес
явлен
древ
Из
Кэ
фы—
не и
тель
Вс
жден
ся от
с пр
жизн

эпоху. При таком толковании можно даже предположить, что образ «небесного храма» в какой-то мере мог лечь в основу конструкции «храма земного», т. е. стать элементом храмовой архитектуры, пройдя через стадию деформации в человеческой памяти, обросши домыслами в меру человеческого непонимания.

В древних источниках мысль о преемственности «храма земного» от «храма небесного» выражена очень отчетливо. В одном из источников (I Паралипоменон, 28, 6, 11—12) говорится, что царь Давид, выполняя волю «бога, поручил сыну своему Соломону построить «дом господен» на Земле наподобие «не-

бесного храма». В апокрифе, называемом «О церкви святая святых, юже царь Давид виде духом, егда восхищен бысть на небеса» (Сборник ОРЯС, ч. 17, СПб, 1877, стр. 17, 238—239), этот сюжет рассказан в более развернутом виде. Здесь подробно излагается целая история о том как Давиду, вознесенному на небо, был показан «образ церковный на небесах», который был положен впоследствии в основу иерусалимского храма. Построение храма на Земле мыслилось в связи с возможностью нового пришествия на Землю «бога»: если «бог наш к нам придет, то поживет с нами».

Некоторые считают, что образование понятия—процесс настолько извилистый и «неисповедимый», что вполне возможно допустить образование понятий на основе беспочвенных, беспрецедентных, совершенно оторванных от реальности фантазий. Другие приходят к справедливому убеждению, что создание фантазмов, в которых полностью отсутствует реальное зерно, просто невозможно. У любой самой волшебной сказки есть исторические корни, тот элемент, вокруг которого «закручена» сама сказка. Проще всего показать диалектику взаимоотношения между этим элементом и сказкой на примере с жемчужной раковиной. Без песчинки, попавшей в нее, невозможно представить зарождение жемчужины. Но мы отлично знаем, что песчинка и жемчужина—суть различные вещи. Такова же разница между семенем и растением.

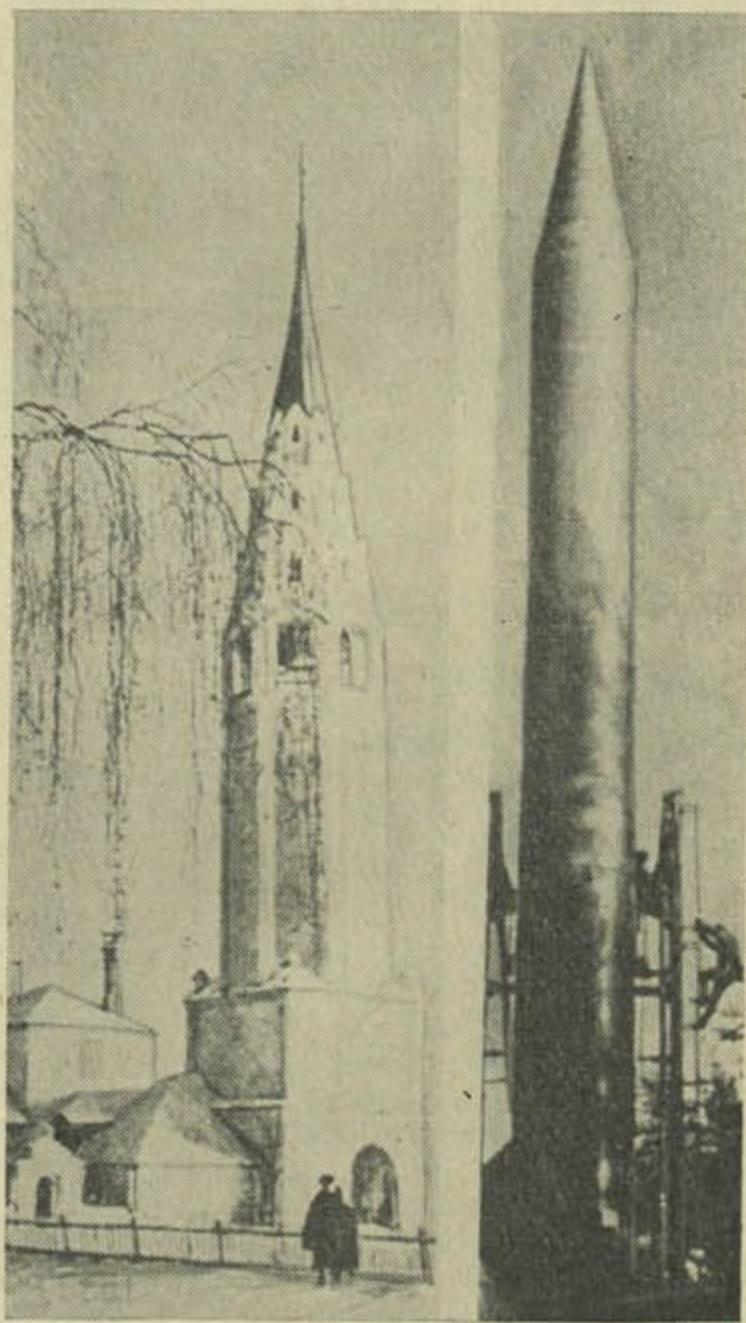
Nil posse creari de nihilo—нельзя создать что-то из ничего—эти слова древних очень справедливы.

Руководствуясь таким подходом к мифам и легендам, можно задуматься над содержанием многих загадок, долгое время считавшихся неразрешимыми. В самом деле, бывает ли в природе «птичье молоко»? Может ли идти «рыбный» дождь или сыпаться с неба манна? Игорь Акимускин в своей книге «Тропой легенд» сумел выявить «рациональное зерно» не только в этих «несуразностях», но и во многих других явлениях, упоминаемых в легендах издревле и считавшихся беспочвенными.

Известный китайский ученый Юань Кэ пишет: «Многие считают, что мифы—это плод человеческой фантазии, не имеющий ничего общего с действительностью. Это глубокое заблуждение».

Вспомним Горького, который был убежден, что мифология «в общем является отражением явлений природы, борьбы с природой и отражением социальной жизни в широких художественных обоб-

щениях». Более того, Горький шел дальше, говоря в одной своей неизданной лекции, что «вообще в жизни нет ничего фантастического, ничего сказочного. Все, что кажется чудесным, на самом деле имеет под собой совершенно определенную реальную основу... Ни-

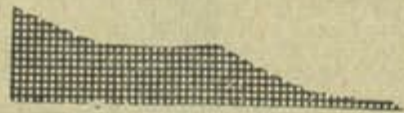
«Дом-Храм»?

чего нет такого, что человек бы выдумал и чему нет основания в реальном мире» (Газета «Труд», 1966, 17 марта).

Можно быть уверенным, что по мере прогресса наука будет иметь все больше и больше возможностей толкования древних загадок. Большое значение в развитии науки имеет, как известно, гипотеза, необходимое звено научного мышления. Гипотеза—это сегодняшний день завтрашней науки. Правда, не каждая гипотеза может стать теорией. На обочинах центральной магистрали науки лежат обломки многих пока не доказанных или отвергнутых гипотез. Мир знает и такие из них, которые 300 лет не могли быть доказаны.

Только время и научный прогресс являются критерием истинности той или иной гипотезы. Даже опровергнутая гипотеза полезна, ибо каждое отрицание вырастает на базе многих накопленных позитивных знаний. Справедливы слова Д. И. Менделеева: «Лучше держаться такой гипотезы, которая со временем может оказаться неверной, чем никакой».

Гипотеза «о пришельцах» из Космоса, о том, что Земля находится в сфере внутригалактических межпланетных связей, может стать со временем теорией. Земное человечество само уже вырвалось в Космос. Возникает вполне справедливая мысль: если мы вышли за пределы земного притяжения и уже стремимся к звездам, то почему они, жители других планет, возможно, обогнавших нашу Землю в своем развитии, не имели раньше или не имеют сейчас такой же возможности? Логика этого вопроса чрезвычайно проста: если советские космонавты собираются в «гости» на другие планеты, то они должны быть готовы встречать «гостей» у себя. Дело только в сроках.

Плодотворность применения «космического» угла зрения к решению многих загадок древности трудно оспорить. На наш взгляд, эта гипотеза могла бы пролить свет и на очень древний вопрос: как в определенную эпоху на Земле сложилось представление о небесных богах, вытеснившее представление о богах земных, а небо стало обителью высшей разумной силы. Эта же гипотеза могла бы помочь раскрытию тайн церковного мифотворчества на заре нового летоисчисления. Можно представить, что впечатления о каком-то давнем прилете на Землю из Космоса, с одной стороны, потрясли воображение земных людей и поселили в них представление о безграничности прогресса на примере себе подобных, но пришедших с неба; с другой стороны, эти же события, использованные идеологами господствующих классов и церковниками, могли лечь в основу многих религиозных мифов, в том числе мифа о Христе как «посланце бога». В любом случае данная гипотеза при дальнейшей научной ее разработке открывает новые перспективы для развития атеистического мировоззрения, для объяснения многих богословских хитросплетений той эпохи, когда складывалась христианская догматика.

Можно не сомневаться, что дальнейший прогресс советской науки, в том числе расширение наших знаний о Вселенной, позволят нам приобрести много новых аргументов для окончательной победы материалистического мировоззрения на земном шаре.

«Справедливы гипотезы или нет, они всегда определяли направление научных поисков». Эти слова физиолога Ганса Селье применимы и к гипотезе о космических «пришельцах».

Э. ГР

Ро

Ос
БСС
ции в
ствен
ной с
Пр
дилис
было
ка. В
актер
ский,
Н. А.
Глебо
Пер
артис
да в
дител
В. С
актер
рот,
препо
Союза
В
в Бе
с де
и евр
включ
гейчи
М. С.
Родзе
Пер
помеш
шем
предс
на ква
мещер
русск

Э. ГЕРАСИМОВИЧ

ВСЕГДА В ПОИСКАХ

*К 40-летию Белорусского Государственного
драматического театра имени Якуба Коласа*

Рождение

Осенью 1921 года правительство БССР рассмотрело вопрос об организации в Москве, при Московском Художественном театре, белорусской театральной студии.

Приемные испытания сначала проводились в Минске, затем в Москве. Всего было отобрано для обучения 34 человека. В это число вошли также и молодые актеры Первого театра: А. К. Ильинский, К. Н. Санников, О. И. Вашкевич, Н. А. Мицкевич, С. М. Станюта, Я. К. Глебовская, Т. А. Бондарчик.

Первоначально студией руководил артист МХАТа А. Бондарев, а с 1922 года в качестве художественного руководителя был приглашен актер и режиссер В. Смышляев. Кроме него мастерством актера занимались Б. Афонин, А. Гейрот, В. Громов. Художественное слово преподавала ныне народная артистка Союза ССР С. Гиацинтова.

В 1922 году студия реорганизуется в Белорусский Театральный институт с двумя отделениями: белорусским и еврейским. В ее состав дополнительно включаются П. С. Молчанов, Т. Н. Сергейчик, С. В. Скальский, Л. П. Шинко, М. С. Белинская, М. И. Сенько, Е. П. Родзеловская и другие.

Первый год студия не имела своего помещения—занятия проводились в бывшем ресторане «Прага», в белорусском представительстве, в кинотеатре «Уран», на квартире Смышляева, а иногда в помещении Первой студии МХАТ, где белорусская молодежь встречалась с такими

режиссерами и актерами, как Е. Вахтангов, А. Диккий, И. Берсенев, А. Чебан.

Большим воспитательным фактором являлась сама Москва: театры—Художественный и Малый, музей, Третьяковская галерея, частые в те годы литературные и театральные диспуты. Студийцам довелось увидеть спектакли с участием таких корифеев русского искусства, как В. Н. Давыдов и А. И. Южин, К. С. Станиславский и И. М. Москвин, В. И. Качалов и П. М. Садовский, А. В. Нежданова и Л. В. Собинов.

С 1924 года при студии начинает работать режиссерский класс, в котором обучались К. Санников, Н. Мицкевич и Т. Сергейчик.

Основным руководителем и режиссером студии был, как мы уже говорили, В. С. Смышляев. Как актер Смышляев верно понимал учение К. С. Станиславского. Созданные Смышляевым образы почти всегда были глубоко реалистичны. Но его режиссерское творчество отличалось большой противоречивостью, что дало себя знать и в воспитании студийцев.

Развивая инициативу учащихся, их фантазию, способность к импровизации, стараясь глубоко раскрыть их творческие индивидуальности, повышая их общую культуру, Смышляев в то же время создавал глубокоформалистические студийные спектакли.

Первым спектаклем студии был «Царь Максимилиан». Пьесу написал Н. Мицкевич на основе текста А. Ремизова и собранных в Минской и Могилевской губерниях фольклорных записей и материалов. Ситуация народной драмы, по-

строенной на конфликте между царем Максимилианом и его сыном Адольфом, сохранена у Мицкевича. Но на первый план выдвигалась идея «вечной борьбы широких трудящихся масс с социальным неравенством и самодержавием»*. Деспотизм царя кладет конец народному терпению, и народ, в лице рыцаря-богатыря, расправляется с царем. Этой основной сюжетной линии сопутствовали различные дополнительные сцены (спор Аники-воина со смертью, столкновения Максимилиана с Адольфом, казнь Адольфа, победа Максимилиана над Мамаем и т. д.) и интермедии исторического и бытового характера (коронование Максимилиана, брак с Венерой и ряд других).

Спектакль представлял собой сочетание разных видов искусства: драматического действия, живых картин, балета (изображавшего морскую бурю и поезд), музыки. Это был, как писала одна из газет, «калейдоскоп звуков, цветов и движений».

В спектакле смешались все эпохи. Действующих лиц одели в костюмы всевозможных времен и стилей.

Царь Максимилиан появлялся в костюме ассирийского монарха, смерть — в серебряной пачке, в черных перчатках и маске, сын Максимилиана Адольф изображался Иоанном Крестителем в рыжем парике, с иконописным гримом, вместо кадила поп махал мячиком, царь Мамай — в тюрбане, с кривым мечом и воротником средневекового шута, могильщик был одет арлекином, костюмы интермедийных слуг (домино с масками) напоминали иллюстрации К. Сомова к «Балаганчику» А. Блока, а остальные действующие лица — персонажей с эскиза того же художника к занавесу «Свободного театра».

Все это совершенно не соответствовало народному, сатирическому представлению, нарушало его цельность, отвлекало от содержания.

Актерское исполнение как в этом, так и в некоторых других студийных спектаклях носило двойственный характер. С одной стороны — реальные жизненные образы, с другой — примесь формалистических трюкачеств.

Уже после первых показов «Царя Максимилиана» мнения зрителей резко разделились. Сторонники реалистического искусства подвергли его острой критике. Н. Волков в журнале «Новый зритель» писал: «...С педагогической точки зрения «Максимилиан» заслуживает всяческих похвал. Молодые актеры показали себя с самой выгодной стороны. Они ритмич-

ны, пластичны, музыкальны. Все относится к игре с увлечением... Но зато как постановку «Максимилиана» следует считать явлением отрицательным... На всей режиссерской работе лежит печать невероятнейшего эклектизма, слащавости, изнеженности. Нemoшь замысла, отсутствие объединяющей идеи не искупаются теми или иными удачными деталями. Наоборот, они только подчеркивают полное банкротство целого и к тому же усугубляются мешаниной стилей, которой отмечены и образы драмы и отдельные мизансцены... «Максимилиан» наводит на серьезные размышления о том курсе, который взяла часть нашей молодой режиссуры»*.

Подобным образом высказывались и многие другие театральные критики того времени. Сторонники же Пролеткульта пытались поднять на щит этот спектакль, давали ему высокую оценку.

В таком же двойственном, эклектическом плане были решены и другие студийные спектакли: «Сон в летнюю ночь», «Вакханки», «Остап».

Летом 1926 года обучение было закончено, и хотя, по первоначальному замыслу, основной задачей студии была подготовка пополнения первому белорусскому театру, — распыление единого, хорошо сыгранного ансамбля было признано нецелесообразным. К тому же один профессиональный театр не мог удовлетворить все возрастающих культурных запросов трудящихся. Решением правительства Белоруссии студию реорганизовали во Второй Белорусский Государственный театр с постоянной базой в Витебске.

Открытие в республике второго театра на национальном языке еще раз подчеркивало, что Советская власть не только дала право каждой нации развивать свою культуру, но всячески помогала претворению этого права в жизнь.

Торжественное открытие театра состоялось 21 ноября 1926 года. На открытие съехались представители со всех концов республики и РСФСР. Были оглашены телеграммы от ЦК КП(б) Белоруссии, ЦИК СССР и БССР, Коммунистического Университета имени В. И. Ленина, Витебского окружка партии, Украинского товарищества драматургии и композиторов, от видных деятелей культуры и науки братских республик.

В приветствии белорусского правительства было сказано: «Нечего и говорить, какое большое значение имеет этот театр в развитии белорусской культуры. Этим определяется и его политическое значение. Показать, какие большие твор-

* В БДТ-2 «Царь Максимилиан». «Заря Запада», 1926 г., № 286.

* Н. Волков. «Царь Максимилиан». «Новый зритель», 1924 г., № 49.

ческие силы живут в белорусском народе, показать, что только при Советской власти эти творческие силы могут развернуться,—большое политическое дело. Отсюда настоятельная необходимость тесной связи театра с рабочим зрителем. Отсюда необходимость организации критики со стороны этого зрителя. Отсюда необходимость постоянного чувства ответственности со стороны коллектива перед Советской властью, создавшей Вторым театром»*.

Таким образом, 21 ноября 1926 года является днем рождения в республике нового национального профессионального театра.

Первые самостоятельные шаги

Направляя развитие советского театра, Коммунистическая партия всегда выдвигала на первый план его идейное содержание. В резолюции XII съезда партии (1923 г.) говорится, что театр должен явиться ареной массовой пропаганды идеи борьбы за коммунизм. Съезд подчеркивал необходимость создания революционного репертуара. Развитие советского театрального искусства шло быстрыми темпами.

Во второй половине двадцатых годов в советской драматургии появился новый герой—защитник завоеваний Октябрьской революции, хозяин своей страны. Такие спектакли, как «Шторм» в театре МГСПС, «Любовь Яровая» в Малом театре, «Бронепоезд 14-69» во МХАТе и другие, знаменовали новый этап в развитии советского театра. Эти спектакли были торжеством нашей молодой драматургии и замечательного мастерства актеров, крупным событием в истории советского театрального искусства.

Спектакли, поставленные в первые годы работы Второго театра, хотя и отличались реалистическим решением отдельных образов и сцен, особого следа в творческой жизни коллектива не оставили. Многие актеры хорошо понимали ненормальность сложившейся в театре обстановки и вели активную борьбу за право быть не просто актером-марионеткой в руках формалистующего режиссера, а актером-творцом, актером-гражданином.

В жизни многих театров бывают поворотные моменты. Таким моментом в жизни Второго театра было создание спектакля по пьесе Б. Лавренева «Разлом».

Работа над «Разломом» привела к решительному перелому в творческой деятельности молодого коллектива, к утверждению нового советского репертуара.

Посвятив пьесу героическим дням Великой Октябрьской социалистической революции, Б. Лавренев с большим художественным мастерством отобразил события этого грозного времени. Устремленная в будущее, пронизанная пафосом большевистской правды, пьеса была романтична в самом революционном смысле этого слова. Название пьесы как нельзя лучше определяло ее идею: разлом старого мира во имя созидания светлого будущего.

Действие пьесы развивается по двум, тесно связанным между собой направлениям: революционные события на палубе крейсера и драма в семье его командира капитана Берсенева. Разлом в семье Берсенева является не простым семейным конфликтом, а одним из многочисленных проявлений классовой борьбы. В этой борьбе не могло быть нейтральных или равнодушных. «Есть два пути: за, или, если хватит смелости, против! Путь же безучастного наблюдения—подлый, бесчестный, трусливый путь». Вложив эту мысль в уста Татьяны Берсеновой, автор подтвердил ее всем ходом происходящих событий.

Четкая, ясная идея пьесы, выразительные и правдивые характеры, драматическая напряженность конфликта, отличный язык явились хорошей основой для создания глубоко волнующего спектакля. Применительно к пьесе Лавренева старые методы работы театра были неприемлемы, и всему занятому в спектакле коллективу пришлось много и серьезно работать над овладением подлинно реалистической драматургией.

Именно в «Разломе» были сделаны первые попытки создать крупные сценические характеры. Вместе с тем режиссеру С. Розанову и актерскому коллективу

Сцена из спектакля «Война — войне».

* «Звезда», 1926 г., № 298.

ву удалось вывести на первый план основного героя пьесы—матросскую массу.

Во время спектакля зрительный зал и сцена жили одной напряженной жизнью. Зритель горячо реагировал на каждое событие, на каждую реплику актеров. Когда в IV акте звучали слова революционного матроса Годуна: «Поход! Великий поход на Питер! Первый наш вольный поход! За мир, за хлеб, за землю, за нашу долю...», а над крейсером торжественно взвивалось красное знамя, зрители вставали с мест, как бы провожая моряков в поход.

После премьеры «Разлома» одна из газет писала «флотским» языком пьесы: «Театр взял правильный румб и выходит на хороший и широкий фарватер. Команда к новым боям готова. Полный ход вперед!..»*

О том, как росло и крепло художественное мастерство молодого коллектива, красноречиво говорили и такие, ставшие этапными в его творческой биографии, спектакли, как «Первая конная» и «На западе бой» Вс. Вишневского, «Бойцы» Б. Ромашова, «Гибель эскадры» А. Корнейчука.

Второй театр уверенно берет курс на отображение современной жизни, социалистического строительства и классовой борьбы, показывая их в наиболее понятной и близкой широкому зрителю сценической форме. И хотя в отдельных спектаклях еще встречалось переплетение реалистических и формалистических приемов—к началу тридцатых годов театр прочно встал на путь реалистического искусства.

Приближение зрелости

Начиная с 1936 года, Второй театр ведет плодотворную систематическую работу по созданию оригинального белорусского репертуара, установив прочную творческую связь с такими писателями, как Я. Купала, Я. Колас, К. Чорный, Э. Самуйленок, В. Вольский, П. Глебка, И. Гурский.

Большой успех принесло театру осуществление пьесы «Война—войне»—первого драматического произведения Якуба Коласа.

По своему жанру «Война—войне»—социальная драма. Основная ее идея—превращение войны империалистической в войну гражданскую. Колас так писал о ней: «...в своей пьесе я старался пока-

* По новому румбу. «Советская Белоруссия», 1928 г., № 95.

зать классовый характер империалистической войны, разложение фронта царской армией, единство интересов солдат различных враждебных империалистических армий, руководящую роль большевиков в революционном воспитании солдат»*.

Спектакль «Война—войне» (реж. В. Дарвишев) создавался в тесном сотрудничестве театра с автором. Я. Колас очень внимательно и чутко прислушивался к замечаниям, возникавшим в процессе работы.

Возможность показать на сцене картины прошлого своей республики, ее свободолюбивый гордый народ увлекла весь коллектив. Спектакль получился волнующим и ярким.

Действительная жизнь белорусской деревни, ее классовое расслоение, рост революционного сознания раскрывались убедительно и впечатляюще.

...Медленно раздвигается занавес. На сцене глухая белорусская деревня. Конец улицы упирается в песчаный берег реки. Слева от зрителя, на переднем плане—покосившаяся деревенская постройка. Справа, на краю дороги, широкостволая белая береза. Немного глубже—убогие крестьянские дворы с ветхими хатами. На небольшом пригорке—каменная церковь.

Вдруг тишину деревенской улицы нарушает приближающийся звук бубенчиков. Слышится глухой, надтреснутый звон пожарного колокола. Сбегаются окваченные тревогой крестьяне. Земский начальник Будан-Рыльский зачитывает «Высочайшее повеление о мобилизации». Во имя бога, царя и отечества призывает к воинским подвигам поп. Кричит исправник. Вынюхивает «бунтовщиков» урядник Шишла. Воздух наполняется рыданиями и стоном... И вдруг, на миг заглушая рыдания,—веселые, залихватские звуки гармошки. Это уходящие на фронт за песней хотели спрятать свою обиду и боль...

Сцена вырастала в грандиозное полотно человеческого горя. В ней была заключена подлинная народная трагедия.

Спектакль «Война—войне» пользовался у зрителей неизменным успехом. В серьезной работе над ним был достигнут крепкий сценический ансамбль. С одинаковым увлечением играли Т. Сергейчик (дед Никита) и Л. Мозалевская (Каролина), А. Ильинский (бедняк Демьян) и П. Молчанов (урядник Шишла), П. Иванов (Потап Думака) и Т. Бондарчик (бабка Настя), Н. Звездочетов (Алесь) и М. Белинская (Марина).

Якуб Колас, выступая после премьеры, сказал: «Я рад, что наша совмест-

* Я. Колас, «Война—войне». «Рабочий», 1937 г., № 51.

Сцена из спектакля «В пущах Полесья».

ная работа не пропала зря. Я никогда не чувствовал такого творческого подъема, перечитывая свои произведения, как теперь, когда одно из них я впервые услышал и увидел со сцены. Буду работать для сцены и дальше».

Эти слова не остались обещанием. В 1937 году Я. Колас передал театру свою вторую пьесу, «В пущах Полесья», созданную по мотивам повести «Дрыгва».

Как и при первой постановке, работа над спектаклем шла в тесном контакте с автором. Умело пользуясь богатым материалом повести и пьесы, а также систематической помощью автора, театр создал подлинно народный, глубоко патристический спектакль. Особенно хороши были в спектакле массовые сцены.

Яркий, самобытный образ деда Талаша (артист А. Ильинский) овладел сердцами зрителей. В продолжении всего спектакля этот образ был неразрывно связан с залом невидимыми нитями живого сочувствия и теплой симпатии.

«Образ деда Талаша в исполнении заслуженного артиста республики Ильинского,— писал Я. Колас,—полностью слит с моим представлением о Талаше в жизни. Все то, что было мною задумано в этом образе, Ильинский смог

раскрыть и отлично передать зрителю» *.

Второй большой удачей спектакля был образ деревенского бедняка Дарвидошки в исполнении П. Молчанова. «Артист Молчанов, исполняя роль Дарвидошки, пошел дальше задуманного мною образа. Он дополняет его характеристику, ищет своих черт для углубления этого образа»,—отмечал автор пьесы **.

В непрерывном развитии дан образ молодой крестьянки Авгиньи, горячо любящей бедняка Мартына, но вышедшей замуж за кулака Бусыгу. В каждой новой сцене Авгинья предстает перед нами в ином качестве. Характер ее углубляется и обогащается. Артистка Р. Кошельникова хорошо донесла это развитие образа. Она глубоко овладела драматическими местами роли. Полны лиризма и затаенной грусти ее встречи с Мартыном. Но иногда актрисе не хватало простоты, в ее исполнении появлялись несвойственные образу манерность и рафинированность.

С большим мастерством нарисовал Я. Колас лагерь кулаков, показав их как

* Я. Колас. О «В пущах Полесья». «Коммунар Могилевщины», 1938, № 81.

** Там же.

агентов и опору польских интервентов. К сожалению, в спектакле эти образы, за исключением Савки Мильгуна (артист Т. Сергейчик), выглядели гораздо мельче, чем у автора.

Недостаточно четко и ярко очерченный образ большевика Жибуля не обогатился и в спектакле (артист Н. Звездочетов). Автор и сам признавал схематичность этого образа. Отмечая недостатки своей пьесы, он писал: «Самым большим недостатком считаю то... что один из важнейших героев, тип большевика-подпольщика (Жибуль), мне не удался. Он много говорит, а в действии не виден... Не удовлетворяет меня, как зрителя, и финал. Работу над усовершенствованием пьесы считаю незаконченной. Когда все будет исправлено, то тот теплый прием, с которым встретили зрители пьесу, будет оправдан»*. Работу над спектаклем театр не прекратил после премьеры. От показа к показу спектакль отшлифовывался и улучшался.

Серьезной творческой удачи добился коллектив, поставив драматическую поэму П. Глебки «Над Березой-рекой». Написанная стихами, в плане народно-героической драмы, эта пьеса явилась благодарным материалом для создания героического спектакля, отображающего события гражданской войны в Белоруссии.

...Осень 1919 года. Молодая Страна Советов переживает большие трудности. С юга на Москву идет Деникин. В Белоруссии орудуют белополяки, под натиском которых немногочисленные отряды Красной Армии вынуждены оставить Минск и Борисов. Надо было остановить врага. И партия посылает на выполнение этой задачи члена Реввоенсовета Серго Орджоникидзе.

Для выяснения действительного положения дел Серго с небольшим отрядом сам отправляется в разведку. Этот жизненный факт и явился основой пьесы и спектакля, задуманного, по словам одного из постановщиков, Т. Сергейчика, не просто как рассказ о борьбе народа, а как взволнованная легенда.

То, чего добился в роли Серго Н. Звездочетов, захватывало глубокой правдивостью, заставляло верить, что именно таким мог быть Орджоникидзе. Простым, заботливым и душевным в обращении с красноармейцами, твердым и строгим с нерешительным и безынициативным командиром Бояновичем, настойчивым и настороженным с Бесманом. Появление на сцене Звездочетова каждый раз вызывало бурные аплодисменты зрителей.

Совершенно правильно отмечала газета «Витебский пролетарий», что спек-

* «В пущах Полесья» в Витебском гос. драм. театре. «ЛІМ», 1938, № 2.

такль «Над Березой-рекой» — яркое доказательство того, «насколько вырос, возмужал и укрепился коллектив Второго театра. Насколько правильно решает он задачу создания больших и красочных полотен о героическом прошлом нашей Родины и глубоких образов нашей эпохи».

К середине тридцатых годов советские писатели и театральные коллективы вплотную подошли к созданию художественными средствами образа величайшего гения человечества, вождя Коммунистической партии и Советского государства Владимира Ильича Ленина.

Наиболее полного и интересного художественного решения этой темы добился Н. Погодин в пьесе «Человек с ружьем». Постановка пьесы Погодина на сцене Второго театра (режиссеры И. Виньяр и Б. Тамарин, художник О. Марикс) явилась крупнейшим событием в театральной жизни республики. В 1938 году, в дни Октябрьских торжеств, спектакль был показан трудящимся Минска.

Спектакль «Человек с ружьем» свидетельствовал о повышении идейно-художественного уровня Второго театра. Он показал несомненный рост и большие возможности коллектива.

Еще задолго до принятия пьесы к постановке П. С. Молчанов мечтал о роли Ленина. «Мысль о создании образа Владимира Ильича, — вспоминает он, — очень меня захватывала и волновала, особенно после того, как я увидел в ней Б. Щукина. И когда в театре решили поставить «Человека с ружьем» и роль Ленина поручили мне, это меня очень обрадовало».

Вдумчиво и глубоко раскрывая идею образа, П. Молчанов сумел создать не только внешне выразительный рисунок роли, но и во многом раскрыть величие Ильича, его богатейший внутренний мир и, прежде всего, такие ленинские качества, как близость к народу, страстная ненависть к врагам революции, оптимизм, скромность. Правда, в первых спектаклях внешняя характеристика образа иногда брала верх над его внутренней жизнью.

Спектакли с образом Ильича занимают прочное место в репертуаре Второго театра. «Кремлевские куранты» Н. Погодина, «Семья» И. Попова, «Вечный источник» Д. Зорина, «Именем революции» М. Шатрова — в каждом из них по-своему проявляются мысль, фантазия, творческие поиски режиссеров, художников, артистов. На смену П. Молчанову пришли новые исполнители — Ф. Шмаков и А. Трус. Обоим исполнителям еще много предстоит сделать для того, чтобы образ великого Ильича зазвучал в полную силу, но право работать над ним они завоевали...

Театр имени Я. Коласа осуществил немало интересных постановок произведений русской и мировой классики. Он первый в республике дал сценическую жизнь пьесам Островского, Ибсена, Гоголя, Тургенева, много и упорно работал над драматургией Горького.

Первой ласточкой, ознаменовавшей появление Островского на белорусской сцене, была поставленная в 1936 году режиссером В. Дарвишевым «Бесприданница» в прекрасном переводе К. Крапивы. К сожалению, несмотря на интересно решенные образы Ларисы (Р. Кошельникова), Огудаловой (Е. Родзеловская), Робинзона (А. Ильинский), большого следа в театральной жизни республики этот спектакль не оставил: в нем не было цельности, на всем спектакле чувствовалась поспешность, невыношенность режиссерского замысла. Но и при всех недостатках, постановка «Бесприданницы» имела большое значение не только для самого театра: было опровергнуто утверждение националистов об отсутствии у белорусского зрителя интереса к драматургии Островского, о ненужности постановок русского и классического наследия на белорусской сцене.

После «Бесприданницы» были поставлены «Лес», «Не все коту масленица», «Бешеные деньги», «Правда хорошо, а счастье лучше».

Первым горьковским спектаклем на сцене Второго театра были «Мещане», поставленные в 1938 году режиссерами И. Виньяром и Б. Тамариным. В последующие годы были показаны «Егор Булычов» (1942) с Н. Звездочетовым в заглавной роли, «На дне» (1951), «Враги» (1952), «Васса Железнова» (1953), «Дачники» (1964)...

У каждого народа есть свой излюбленный «фольклорный» герой — чаще всего веселый бедняк, изобретательный, смелый, всегда появляющийся там, где надо победить зло, добиться торжества добра и справедливости. У белорусов таким героем явился Нестерка, именем которого и названа пьеса драматурга В. Вольского.

В. Вольский писал о пьесе: «Я поставил перед собой задачу создать комедию с напряженным и выразительно очерченным сюжетом, веселую и легкую, театрально приподнятую, освещенную искрами народного юмора, украшенную

Сцена из спектакля «Нестерка». В роли Нестерки — народный артист БССР Ф. Шмаков.

яркими красками, музыкой, песнями, танцами»*.

Театр имени Я. Коласа осуществил постановку «Нестерки», и получился яркий, живой и красочный спектакль. Зритель все время чувствовал себя в атмосфере народного зрелища, неудержимыми волнами лился со сцены в зал живой поток народного искусства. В поисках стиля драматург и постановщик Н. Лойтер обратились к сценическим формам и приемам старинного народного театра, к белорусской интермедии, батлейке, к скоморохам.

Высокую оценку дал комедии Ал. Фадеев. Отмечая природу комедийности «Нестерки», Фадеев писал автору: «Смех, который она так естественно порождает, сродни тому, который вызывают веселые—с перцем—народные сказки или «Вечера на хуторе близ Диканьки», ибо она, комедия Ваша, очень народна по своей основе. В то же время она и стилизована немного, в ней есть уже и некоторая усмешка по отношению к народному примитиву—в этом смысле она каким-то краем сродни Лесковскому «Левше». Хочу сказать этим, что при всей народной простоте сюжета в образе Нестерки есть еще какая-то добрая, чуть хитроватая усмешка по отношению уже и к самой простоте: «Смотрите, мол, как все просто, да мы-то с автором знаем, что это не так-то уж и просто»**.

В 1946 году спектакль «Нестерка» был удостоен Государственной премии первой степени.

Почти четверть века не сходит со сцены Витебского театра эта жизнерадостная народная комедия. Блестящего исполнителя роли Нестерки А. Ильинского сменил Ф. Шмаков. Третье поколение исполнителей выступает в ролях Юрася и Насти. Поставленная перед Великой Отечественной войной, комедия вместе с театром совершила большое путешествие, побывав в Карело-Финской ССР, на Украине, в Казахстане, Орехово-Зуеве, Вильнюсе и дважды в Москве. И везде спектакль пользовался неизменным успехом, завоевывал искреннюю симпатию зрителя.

Постепенно и последовательно очищая свои спектакли от всевозможных проявлений формализма и натурализма, Второй театр добивается предельной правдивости исполнения, глубокого проникновения во внутренний мир человека, решительного утверждения сценического ансамбля.

* В. Вольский. Слово автора. «Литература и мастацтва», 1941 г., № 21.

** Письмо А. Фадеева В. Ф. Вольскому от 19.II.1955 г. Из личного архива В. Ф. Вольского.

К началу сороковых годов театр вырастает в творчески зрелый художественный коллектив.

Заслуженное признание

В июне 1941 года театр показывал свои спектакли в Карело-Финской республике. Внимание и забота, которыми он был окружен во время этой поездки, явились яркой демонстрацией братской дружбы народов многонационального Советского Союза.

Великая Отечественная война не дала возможности коллективу вернуться в родные места. Пришлось эвакуироваться сначала в Уральск, а затем в Орехово-Зуево.

Многообразная деятельность характеризует жизнь театра в годы войны. Свыше 20 премьер было выпущено в этот период, и среди них такие, как «Русские люди» К. Симонова, «Нашествие» Л. Леонова, «Фронт» А. Корнейчука, «Испытание огнем» К. Крапивы.

Стремясь внести посильный вклад в трудовой подвиг советского народа, коллектив театра в период пребывания в Орехово-Зуеве дал более 700 шефских концертов и спектаклей, внес свыше 100 тысяч рублей в фонд обороны страны. Фронтная бригада в составе П. Молчанова, Л. Мозалевской, Ф. Шмакова, Т. Бондарчик, М. Белинской, Е. Родзевской дала более 600 концертов непосредственно на передовой, среди бойцов Белорусского фронта.

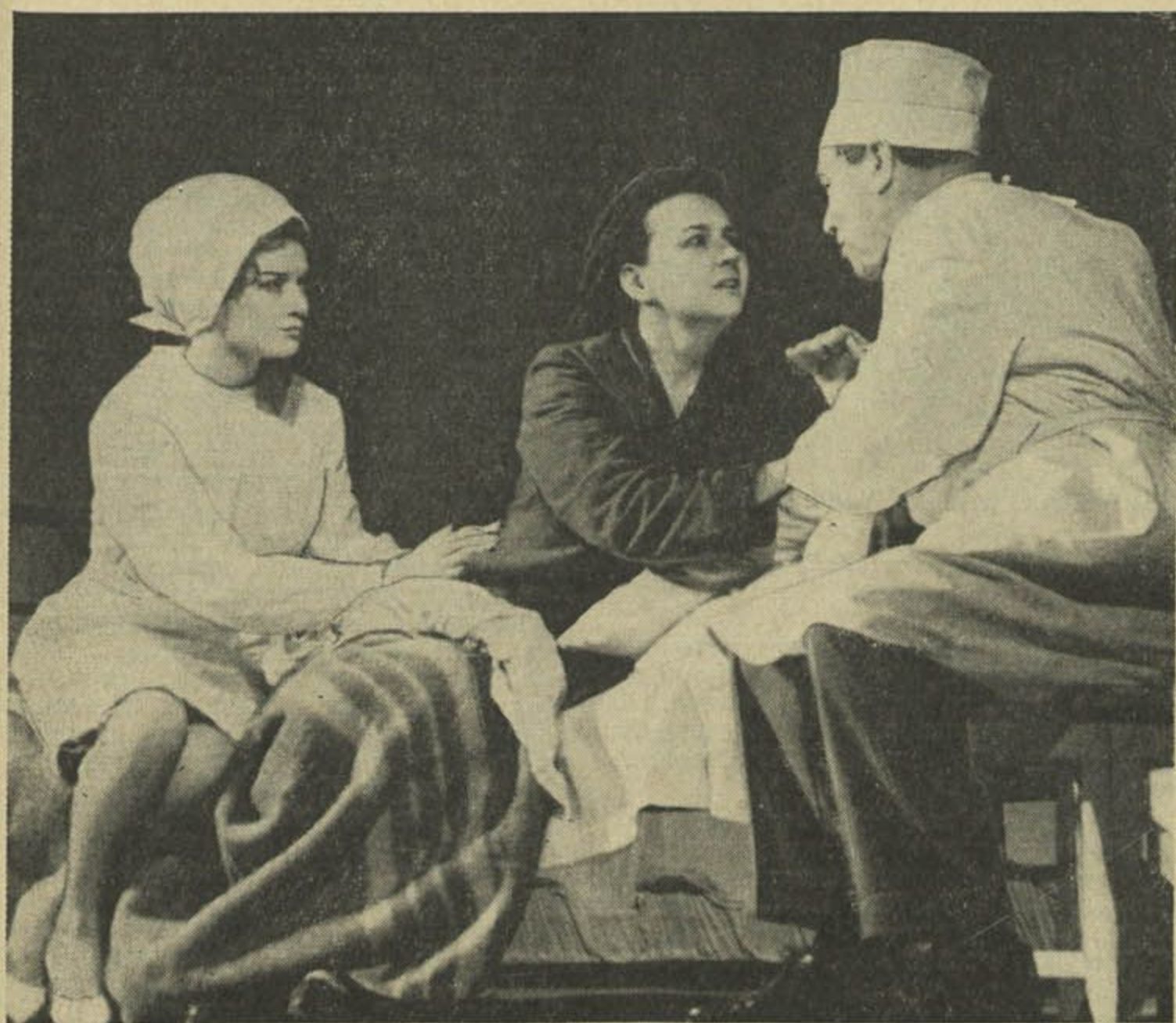
Сразу же после освобождения от фашистских захватчиков города Витебска театр возвращается в Белоруссию и в разрушенном, сожженном городе, часто при свете ручных фонариков и керосиновых ламп, продолжает свою работу.

Высоко оценивая заслуги Второго театра в развитии белорусского советского национального искусства и учитывая роль, которую сыграла в этом драматургия народного поэта БССР Якуба Коласа, правительство республики в 1945 году переименовало его в Белорусский Государственный драматический театр имени Якуба Коласа.

Один за другим ставятся на его сцене спектакли, отвечающие на волнующие вопросы современности: «Так и будет», «Русский вопрос» К. Симонова, «Поют жаворонки» К. Крапивы, «Алазанская долина» К. Губаревича и И. Дорского, «Песня наших сердец» В. Полесского.

Несмотря на отдельные, а порою и весьма существенные, недостатки, все эти спектакли утверждали настойчивое стремление театра сделать основой своего репертуара советскую пьесу, отвечаю-

щую
ности
Ря
сти
нима
Гого.
«Сва
на,
Ол
том»
раль
жно
атр
ту с
шекс
«Гам
ского
тельс
ронн
значи
мату
В
чанов
корол
А. И
Бо
ласов
линн
ренно

Сцена из спектакля «Сердце на ладони».

щую насущным проблемам современности.

Рядом со спектаклями о современности почетное место на афише театра занимают «Гамлет» Шекспира, «Ревизор» Гоголя, «Разоренное гнездо» Купалы, «Свадьба Кречинского» Сухово-Кобылина, «Коварство и любовь» Шиллера.

Оценивая работу театра над «Гамлетом», известный шекспировед и театральный критик Н. Морозов писал: «Можно смело сказать, что белорусский театр внес ценный вклад в общую работу советского театра над овладением шекспировским наследием. Спектакль «Гамлет» является праздником белорусского театрального искусства. Он свидетельствует о том, как глубоко и всесторонне раскрывает советский театр самые значительные произведения мировой драматургии».

В заглавной роли выступил П. Молчанов. Офелию играла М. Белинская, королеву — Е. Родзеловская, Полония — А. Ильинский, короля — Н. Звездочетов.

Большое и важное дело сделали колосовцы, вернув сценическую жизнь подлинно народной пьесе Я. Купалы «Разоренное гнездо» (режиссер А. Скибнев-

ский). Спектакль этот подтвердил умение театра тонко и психологически достоверно раскрывать внутреннюю жизнь человека во всех ее сложных проявлениях. Как живые люди вошли в наше сознание худая, с огромными глазами Марыля (Е. Логовская), беззаветно любящая панича тихая Зоська (Е. Матисова), хрупкий, ясноглазый Данилка (Л. Личинцер), согнутый вечным непосильным трудом Лявон (Т. Сергейчик). Спектакль «Разоренное гнездо» представляет значительное явление в жизни белорусского театрального искусства.

В характерной для театра имени Я. Коласа атмосфере творческого горения, беспредельной любви к искусству, глубокой преданности своему делу выросли такие мастера театрального искусства, как народные артисты СССР А. К. Ильинский и П. С. Молчанов, народные артисты БССР Т. Н. Сергейчик, Е. П. Родзеловская, Н. П. Звездочетов, М. С. Белинская, Ф. И. Шмаков, А. Г. Шелег, А. М. Трус, заслуженные артисты республики Я. К. Глебовская, Е. И. Логовская, С. В. Скальский, З. И. Конопелько.

В феврале 1955 года в Москве состо-

Сцена из спектакля «Вей, ветерок!».

ялась вторая декада белорусского искусства и литературы, участником которой был и театр имени Я. Коласа. С большим успехом прошли на московской сцене спектакли «Враги», «Разоренное гнездо», «Нестерка».

Московская декада стимулировала дальнейшую творческую активность коллектива. На его сцене появляются спектакли «Платон Кречет» А. Корнейчука, «Одна» А. Алешина, «В добрый час» и «В поисках радости» В. Розова, «Андрей Лобанов» А. Гутковича (по «Искателям» Д. Гранина), «Начало жизни» К. Финна, «Битва в пути» Г. Николаевой и Э. Радзинского, «Иркутская история» А. Арбузова, «Ленинградский проспект» И. Штока, «Живет на свете женщина» З. Аграненко и многие другие.

Это разные пьесы и разные спектакли. В каждом из них можно найти достоинства и просчеты, но все они воссоздавали картины советской действительности и важны как стремление театра запечатлеть на сцене образ современного героя.

Оставаясь верными своим творческим традициям, не прекращают коласовцы работу над созданием оригинального репертуара. Мы видим на его афишах имена белорусских драматургов—К. Крапивы, А. Макаенка, А. Мовзона, К. Губаревича, И. Дорского, И. Шамякина, А. Звонака, П. Данилова.

Наиболее полно художественные принципы коллектива воплотились в последнее десятилетие в таких спектаклях, как «Иркутская история», «Гроза будет», «Битва в пути», «Лявониха», «Криницы».

В них найдены очень точные характеристики действующих лиц, глубоко раскрыты характеры героев, конкретизированы те общественные условия, в которых героям приходится жить и действовать. Следует отметить, что такая пока-

зательная черта коллектива, как ансамбленость исполнения, ответственность за каждый эпизод, в этих постановках проявилась особенно полно и ярко.

Вместе с тем следует отметить, что коллективу, уверенно чувствующему себя при воплощении бытовых и жанровых пьес, тонко понимающему психологическую драму, гораздо меньше удаются произведения с обнаженно драматическими ситуациями, с открытым выражением чувств.

Многообразный и талантливый коллектив коласовцев, особенно в последние годы, не всегда предъявляет к себе максимум требований: то изменит вкус и «срываются» аплодисменты там, где они настоящему искусству противопоказаны, то захлестнет инерция пройденного и верх возьмет старый, испытанный прием. Иногда забывается, что путь к яркой театральности лежит не через внешнее, ярко эффектное, а через глубокий анализ жизненных явлений, через большую жизненную правду. Некоторые спектакли выпускаются недостаточно зрелыми в художественном отношении и быстро уходят из репертуара.

Внимательное и требовательное отношение к молодежи, смелое ее выдвижение—многолетняя традиция коллектива. В театре выросли и добились признания Н. Еременко, М. Федоровский, О. Мельдюкова, Г. Орлова, Г. Маркина. Много внимания и труда отдали их воспитанию режиссеры Н. К. Мицкевич, Н. Б. Лойтер, А. К. Скибневский, Л. И. Мозалевская, Ю. Б. Щербаков.

На сцене театра имени Якуба Коласа часто и успешно выступают недавние выпускники Белорусского театрального института, участники художественной самодеятельности.

Подводя некоторый итог сделанному театром за сорок лет, можно смело сказать, что лучшие его спектакли отмечены цельностью сценических решений. Их ансамблевая гармоничность рождена единством режиссерских и актерских устремлений. В них всегда много выхваченных из жизни деталей, которые доступны лишь актерам, близко знающим своих героев.

Театр старается идти непроторенной дорогой, ищет еще не апробированные пьесы, чтобы первому или в числе первых дать новому произведению сценическую жизнь. И хотя такое первооткрывательство сулит не одни только радости—театр твердо идет по избранному пути...

Юбилей театра—это не только подведение итогов, но и взгляд в будущее, не только оценка положительного, но и критический анализ неудач и ошибок, мобилизация сил на создание новых, интересных сценических произведений.

Встречая свой сорокалетний юбилей,

театр переживает далеко не лучшую пору. Последние несколько лет коласовцы находятся в сложном положении. Частая смена руководства, длительное отсутствие главного режиссера, некоторые пробелы в репертуаре не могли не отразиться на деятельности коллектива.

Нынче летом театр был на гастролях в Минске, и, как ни горько в этом признаться, привычного удовлетворения мы от этой встречи не получили.

Ведь не могут доставить эстетическую радость в том виде, как нам их показали, спектакли «Правда и кривда», «Временный жилец», «Юстина». Можно всячески приветствовать желание воспроизвести на сцене роман И. Шамякина «Сердце на ладони», однако и инсценировку, сделанную театром, и спектакль нельзя признать победой. Много труда

еще надо приложить занятой в «Нестерке» молодежи, чтобы подняться до уровня первых исполнителей.

Приятным исключением явились спектакли «Вей, ветерок» и «Жаркое лето в Берлине», которые поставлены по-своему, убедительно и правдиво.

Понятно, что нельзя ожидать от театра одних побед в творчестве, но мера требовательности к себе, особенно у такого зрелого коллектива, как театр имени Якуба Коласа, никогда не должна снижаться.

Горячо поздравляя весь коллектив со славным юбилеем, мы верим, что трудности, которые он сейчас переживает, — дело временное, и мы еще много раз будем покидать его зрительный зал, радостно взволнованные приобщением к подлинному искусству.

К 75-летию со дня рождения МАКСИМА БОГДАНОВИЧА

Григорий ЖЕЛЕЗНЯК

ОН СОВЕРШИЛ ВСЕ, ЧТО МОГ

Способности Григория Железняка, тогда аспиранта Ленинградского университета, открылись нам однажды на текстологическом семинаре, которым руководил профессор Б. М. Эйхенбаум.

Железняк делал доклад о стихотворении Лермонтова «Сосна». Задача состояла в том, чтобы сравнить оригинал Гейне с переводом Лермонтова. От изолированного стихотворения Железняк перешел к стихотворному циклу, и тема одиночества предстала перед нами как момент в развитии русского общества и внутренней жизни Лермонтова.

Б. М. Эйхенбаум ко всем относился доброжелательно. Никого особенно не хвалил и никого не ругал. На этот раз свое обобщение он начал словами: «В докладе талантливого Железняка...»

Потом мы узнали, что Гриша Железняк из Витебска. До поступления на филфак ЛГУ был рабочим, писал белорусские стихи, был кандидатом в члены Союза писателей.

Мы решили напомнить Грише о его долге перед белорусской литературой. Мы — это группа аспирантов из Белоруссии, поступившая в аспирантуру ЛГУ в конце 1939 года. Из этой группы в живых остался я один. Остальные погибли — кто от голода, как Дмитрий Саванович, кто на Ленинградском фронте, как Кирилл Гончаров, кто на дорогах войны в Белоруссии, как Михась Дешкович, который не выбрался из Баранович, куда накануне войны приехал читать лекции.

Так вот, мы сговорились вернуть белорусской литературе Железняка, переключить его с Лермонтова на белорусскую тему, в частности — на творчество М. Богдановича.

Наши старания увенчались успехом: в 1940 году Железняк защитил диссертацию о Богдановиче. Это была первая белорусская диссертация в старейшем русском университете.

Защитив диссертацию, Железняк получил назначение на Урал. Он мечтал отредактировать свою работу и увидеть ее напечатанной. Началась война. У Железняка была отсрочка по состоянию здоровья. Но он был настойчив и упрям. Он добился мобилизации.

Григорий Железняк погиб в бою.

М. СМОЛКИН.

Ниже мы печатаем три фрагмента из диссертации Григория Железняка.

Преклонение

Одним из важнейших условий подлинного расцвета белорусской литературы Максим Богданович считал ее обращение к фольклору, наиболее полно выражающему «народную душу». Другим условием — самое широкое обращение к европейской поэтической традиции.

Богданович писал: «Стремясь сделать нашу поэзию не только по языку, но и по духу и складу произведений подлинно белорусской, мы бы допустили тяжкую ошибку, если бы пренебрегли той выучкой, которую нам давала мировая (чаще всего европейская) поэзия... Бы-

ло
взя
тяж
вип
лит
ска
ла.
стра
пейс
бира
печа
дени
лас
тац
кую
В
ния
бе в
ярк
данс
П
ском
му,
вмес
фил
данс
мерн
тума
млен
раз
обол
ини
В
отме
поэт
лите
идей
ный
мы»,
ной»
Сам
форм
куль
На
вич
лей.
Но
мости
да, I
прин
ской
ставл
как з
укра
торы
культ
мину
Ру
данов
нущ
миру
Лю
ние I
ярк
работ
рецен
болы
сову,
II. «Н

ло бы более чем упущением — ничего не взять из того, что сотни народов на протяжении тысячи лет собирали в сокровищницу мировой культуры».

Такой широты в постановке вопросов литературных взаимоотношений белорусская литература до Богдановича не знала. «Наша нива» помещала на своих страницах переводы из русских и европейских писателей, но эти переводы подбирались с определенной точки зрения: печатались отрывки только тех произведений, в которых так или иначе отражалась борьба угнетенных народов. Ориентации же молодой литературы на широкую учебу у других народов не было.

В связи с выдвиганием задач овладения культурой вставал и вопрос об учебе в конкретном смысле слова. И здесь ярко сказались литературные вкусы Богдановича.

Питая определенные симпатии к русскому и западноевропейскому символизму, испытывая влияние его, Богданович вместе с тем остался чужд религиозно-философским основам символизма. Богданович не воспринимал также и чрезмерной абстрактности, усложненности и туманности поэзии символистов, их стремления превратить художественный образ в символ, который должен сквозь оболочку внешнего намекать на «миры иные»...

В статье о Самийленко Богданович отмечал как достоинство украинского поэта то, что в период, когда в русской литературе, «как бы замещая убыль идейных интересов, замечался... усиленный интерес к вопросам метра и рифмы», причем «в форме явно упадочной», «бесплодной и раздражающей», Самийленко обратился к классическим формам стиха, выработанным веками культурного развития.

На классическую культуру Богданович и ориентирует белорусских писателей.

Но всячески подчеркивая необходимость учебы у лучших писателей Запада, Богданович всем своим существом принимает и наследие русской классической литературы. У него нет противопоставления русской литературы западной, как это имело место у белорусских и украинских писателей-националистов, которые хотели, чтобы их национальные культуры обращались только к Западу, минуя ненавистную им Россию.

Русская литература является для Богдановича великой литературой, выдвинувшей величайших писателей и давшей миру гениальные произведения.

Любовь и самое пристальное внимание Богдановича к русской литературе ярко обнаружилось в его критических работах. Мы встречаем у Богдановича рецензии, критические заметки и небольшие статьи, посвященные Ломоносову, Пушкину, Лермонтову, Баратын-

скому, Рылееву, Одоевскому, Некрасову, А. К. Толстому, Чехову, Брюсову.

По случаю 200-летия со дня рождения М. В. Ломоносова (1911) Богданович задумал написать о нем статью «Поэзия гениального ученого» (статья осталась неоконченной).

Заглавие статьи очень характерно и выразительно. Оно указывает на тот своеобразный аспект, который Богдановича интересовал в поэзии Ломоносова: сочетание подлинного поэтического чувства с научной точностью и достоверностью.

Единство поэзии и натурфилософии отмечается Богдановичем как характерная черта народно-поэтического творчества. Народное творчество в художественных образах подводило «итоги народным воззрениям на природу». Такое единство поэзии и науки является желательным для Богдановича.

«В эту эпоху... (т. е. «на заре человечества») наука и поэзия не находились между собою в противоречии и духовный мир человека отличался необыкновенной цельностью». Нарушение этого единства пошло во вред поэзии. «В настоящее время мы этого не наблюдаем. Наоборот, наука и поэзия идут каждая своим путем, без малейшего контакта между собой. Наше поэтическое мировоззрение совершенно оторвано от мировоззрения научного; они чужды друг другу, не согласованы между собой; эволюция в одной из этих областей не оказывает ощутительного влияния на состояние другой, и, в конце концов, наша духовная сфера оказывается расколотой надвое».

Разорванность человеческого сознания является одной из тем Богдановича. Разорванность сознания, как особенность исторической эпохи, болезненно осознавалась поэтом. Стремление к цельности, поиски этой цельности являются содержанием ряда его стихов.

Жыві і цэльнасці шукай,

Аб шыраце духоўнай дбай.

Такова формула Богдановича. Цельность духовного мира, сознания человека, наиболее ярко воплощенная в народном творчестве (этим в огромной мере и определяется интерес Богдановича к народному творчеству), и разорванность, противоречивость человеческой психики в настоящем — это антитеза, характерная для поэзии Богдановича, в статье о Ломоносове осознается теоретически.

Богданович в данном случае не интересуется социально-историческими причинами вопроса. Он указывает на одно из проявлений этой противоречивости — разрыв между поэзией и научным знанием. Творчество Ломоносова дает возможность Богдановичу поднять важнейший теоретический вопрос, так волновавший его, — вопрос о синтезе поэзии и науки.

Но поэзия Ломоносова замечательна не только этим. Она оказывается для Богдановича неожиданно злободневной, связанной с литературным движением современности.

Продолжая свои рассуждения о разрыве между поэзией и наукой, Богданович замечает: «Не удивительно, что мы наталкиваемся иной раз на попытки сблизить эти разъединенные области, установить между ними связь и взаимодействие, чтобы как та, так и другая шли в своем поступательном движении, так сказать, «в ногу» и даже поддерживая друг друга. Так, например, во Франции в наши дни существует возбуждающая некоторые надежды школа «научной поэзии», поставившая себе именно эту цель».

Богданович имеет здесь в виду, конечно, школу научной поэзии, возглавляющуюся Рене Гилем, к которому с большим вниманием относился Валерий Брюсов. В России Рене Гиль был известен благодаря переводам Брюсова и сотрудничеству его в «Весех». Попытки создания Рене Гилем научной поэзии Богданович не считает неожиданностью и крайним новаторством, как это было принято считать. Они уже были предвосхищены Ломоносовым.

Что касается конкретного анализа поэзии Ломоносова, то он в статье Богдановича только намечен. Лучшими произведениями Ломоносова Богданович считает те, которые написаны «по собственному почину, а не по обязанности». В этих стихах («Утреннее» и «Вечернее размышление о божием величестве») чувствуется «живительное веяние поэзии». Необходимость же писать на заказ ограничивало поэтическое творчество Ломоносова: «Казенный, полуслужебный характер... поэтической работы должен был исключать возможность душевного горения, возможность творчества». Замечательные стихи Ломоносова, в которых говорится о происхождении северных сияний, Богданович характеризует как «пример научной интуиции, умственного озарения, опередившего медленное, экспериментальное исследование вопроса и закрепленного в поэзии...»

К Пушкину Богданович испытывал, кроме живого, художнического интереса (он весьма полно сказался в ряде произведений нашего поэта, прежде всего в цикле «Старая Беларусь»), еще интерес специальный, научный.

В книге «Пушкин и его современники», выпуск XXVIII, II. 1917 г., помещено исследование Богдановича «Две заметки о стихотворениях Пушкина».

Первая заметка устанавливает источник стихотворения «Подражание арабскому». По мнению Богдановича, этим источником является одно место из Саади (Богданович цитирует русский пере-

вод «Гюлистана» И. Холмогорова. М. 1882).

Строфа стихотворения Пушкина:

Не боюсь я насмешек:
Мы сдвоились меж собой,
Мы точь-в-точь двойной орешек
Под единой скорлупой,—

соответствует, по мнению Богдановича, следующему месту из Саади: «Помню, в прежние время я и друг мой жили, будто два миндальные ореха в одной скорлупе». Вывод Богдановича таков: «Если даже и предположить, что упомянутое сравнение является ходячим в восточной поэзии, то все же надо думать, что Пушкин заимствовал его через посредство именно Саади, а не какого-либо иного поэта».

Вторая заметка посвящена установлению параллелей к стихотворению Пушкина «Узник». Богданович приводит две тюремных песни из «Смоленского этнографического сборника», составленного Добровольским. Он только констатирует факт наличия таких параллелей, не делая из него никаких выводов. Вопрос о том, кто на кого повлиял—народное творчество на Пушкина или наоборот,—Богданович оставляет открытым.

Подобный характер носит интересная заметка Богдановича «К генеалогии одного стихотворения». В ней Богданович пытается установить параллели из белорусского и украинского фольклора к стихотворению А. К. Толстого «Источник за вишневым садом». Параллели, проводимые из сборников «Гомельские народные песни. Записаны Зинаидой Радченко». СПб, 1888 г. и «Народные южнорусские песни», изд. А. Метлинского, Киев, 1854 г., действительно весьма убедительны. Но сделать категорический вывод Богданович не считает возможным: «...вопрос о том, что послужило в данном случае исходной точкой для стихотворения А. Толстого, решается только гадательно. Быть может, и Толстой, и неведомый песнетворец натолкнулись на одно и то же житейское явление и независимо друг от друга дали ему поэтическую обработку. Но возможно, что А. Толстой просто использовал прелестный образ из белорусской народной поэзии...»

Выход нового издания произведений Рылеева и Одоевского (Изд. журнала «Жизнь для всех») послужило поводом для написания Богдановичем рецензии. Интерес Богдановича к поэтам-декабристам, ярчайшим представителям русской гражданской поэзии, не случаен. В творчестве самого Богдановича явственно присутствует гражданская тема. Она не является для него ведущей и определяющей, как для Рылеева, но в эволюции поэтического творчества белорусского поэта она очень существенна.

«Суровые ямбы Рылеева, коснувшись общественно-политических тем, загораются огнем вдохновения и силой. Образцом могут служить такие стихотворения, как ода «Гражданин», «Исповедь Наливайки» и т. д.», — пишет Богданович.

Знаменательно особое подчеркивание Богдановичем «Исповеди Наливайки». Тема жертвенности, готовности умереть за дело родины, за дело освобождения своего народа, которая является основной в этом произведении Рылеева, находит непосредственный отзвук и в поэзии Богдановича.

Одоевский интересуется Богдановича в несколько другом плане. Он выдвигает в его поэзии не гражданские мотивы, а ее мечтательность и меланхоличность.

«Еще более привлекает внимание читателя мечтательная и меланхолическая муза Одоевского. Все, оставшееся после него, лишь наброски, черновики, отнюдь не предназначавшиеся к печати. Однако столько в них разлито неподдельной поэзии, так трогательны многие образы и выражения (например, экспромт о летящих журавлях), что невольно еще и еще раз перечитываешь их, испытывая чувство и благодарности и горячей симпатии к их автору».

Рецензии Богдановича — это скорее краткие сообщения о выходящих книгах, не претендующие на их оценку и анализ. Момент характеристики в них чрезвычайно редок. Тем более показательным является отзыв о поэзии А. И. Одоевского — горячий, заинтересованный, оценочный.

«Мечтательная и меланхолическая» муза Одоевского, бесспорно, во многом близка Богдановичу. Только влияние Одоевского ощущается в его поэзии не непосредственно. Оно осложнено влиянием позднейших поэтов.

В этой же связи надо остановиться на небольшой статье Богдановича о Лермонтове. Статья называется «Одинокий». Название определяет и ее содержание. Лермонтов рассматривается здесь как могучий талант, обреченный на одиночество. Это душевное состояние человека одинокого, замкнутого в себе определило и поэтические особенности, или, как говорит Богданович, «микроструктуру стиха» Лермонтова.

Подобно тому, как в своих психологических переживаниях, чувствованиях Лермонтов вращался вокруг определенных, немногих, повторявшихся мотивов и тем, так и в его поэзии имеется ряд повторений, перепевов. Строки, строфы из одного стихотворения переносятся в другое. «Так билась одинокая душа Лермонтова в кругу однообразных переживаний». И критик добавляет:

«Лишь под конец в поэзии Лермонтова наметился перелом, зазвучали реалистические нотки, определился сдвиг к

Пушкину... Сраженный неожиданной смертью, Лермонтов не смог выразить и запечатлеть это начинавшееся перерождение своей творческой личности. Но и в тех вещах, которые он успел сделать, есть много такого, что навсегда сделалось радостью жизни для очень многих людей».

Лермонтов, как и Одоевский, импонировал Богдановичу мотивами грусти, глубокого поэтического раздумья, заостренностью философской мысли. Эти мотивы сильны и в поэзии Богдановича. Они не являются, конечно, результатом только литературных влияний. Грусть и даже безысходность, которые порой звучат в поэзии Богдановича, обусловлены вполне определенными социально-историческими обстоятельствами — эпохой реакции и чисто личными переживаниями — тяжелой, мучительной болезнью, сведшей поэта преждевременно в могилу.

Заметка о Лермонтове не является оригинальной, она во многом повторяет традиционное мнение дореволюционного лермонтоведения. Важной и значительной в ней является, на мой взгляд, точка зрения Богдановича на эволюцию Лермонтова в сторону реализма. Ведь преодоление ограниченных, узких мотивов и тем, элементов пессимизма и безысходности, выход на дорогу реалистического искусства были главным и в творческой эволюции Богдановича!

Нё случаен интерес нашего поэта и к Баратынскому. Из Баратынского он берет эпиграфы к своим стихам и стихотворным циклам. Когда вышел первый том академического собрания сочинений Баратынского, Богданович написал на него краткую рецензию.

«Среди поэтов, одновременно с Пушкиным выступивших в литературе, Баратынскому, по всей справедливости, принадлежит первое место. Поэт, поражающий сжатостью стиха, точностью эпитета, изящной афористичностью изложения, поэт, влекущий к себе неустанной работой мысли, всегда глубокой и значительной, — он слишком долго был писателем для немногих...»

Намечается, таким образом, определенный круг литературных интересов белорусского поэта: Ломоносов, Пушкин, Лермонтов, Баратынский, Рылеев, Одоевский, Тютчев, Фет. О двух последних у Богдановича нет специальных статей или заметок, но имя Тютчева неоднократно упоминается в статьях Богдановича; Фет же оказал на него самое сильное и непосредственное влияние.

Богданович рецензирует книги поэтов, которые какими-то сторонами близки его собственному творчеству. В каждом поэте он стремится отметить главное, характерное, с его точки зрения. Пусть иногда черта, выдвигаемая Богдановичем как

главная в творчестве того или иного поэта, не будет таковой, пусть это будет субъективным взглядом критика. Но и в этом случае оценки не теряют своего интереса, а иногда и субъективность оценок повышает их значение для нас как показатель родства определенных сторон творчества того или иного поэта к самому Богдановичу...

Как раз в тот период, когда реакционная пресса подвергала травле Максима Горького, Богданович изучает его, ссылается на него, восторгается им.

Уже первое печатное выступление Богдановича «Музыка» (1907) окрашено пафосом горьковской «Песни о Соколе». Концовка повести прямо воспроизводит горьковскую лексику: «І з таго народа, катораму ён калісь граў, выйдучь дзесяткі новых музыкаў і граннем сваім будучь будзці людзей к свету, праўдзе, брацтву і свабодзе».

В архиве Богдановича имеется тетрадь, заполненная выписками из «Сказок» Горького (изд. 1913). В статье «Глыбы і слаі» Богданович с удовлетворением отмечает наличие горьковских мотивов в поэзии Купалы, а в статье «За тры гады» он как положительное явление, как достоинство белорусского прозаика Ядвига Ш. отмечает приближение его в лучших своих произведениях к Щедрина и Горькому.

С неизменной симпатией относился Богданович и к В. Г. Короленко. В рецензии на 1-й номер «Ежемесячного журнала», отмечая, что редакция привлекла к участию в журнале «едва ли не все лучшие силы «реалистического направления», Богданович в то же время указы-

вал на то, что, «к сожалению, отсутствует Короленко».

Демократическая поэзия была близка Богдановичу и любима им.

Богданович лелеял идеал свободной, независимой литературы. Заканчивая статью «Глыбы і слаі» указанием на нарождающуюся оригинальную белорусскую драму, он говорит и о другой — жизненной — драме, разыгравшейся в белорусской литературе — о самоубийстве Сергея Полуяна.

Факт трагической гибели молодого талантливое писателя дает Богдановичу повод для широких обобщений и смелых выводов.

Самоубийство Полуяна, являющееся протестом против неимоверно тяжелых условий жизни в царской России, вызванное нежеланием покориться угнетателям и согнуться перед ними, вводится Богдановичем в символ всей белорусской литературы, которая должна быть такой же неподкупной, независимой и свобододолюбивой.

«Сильно угнетала молодого писателя современная общественная жизнь, но не покорился он ей, и за это оплатил своей смертью. Не забудем же его в час борьбы... но пусть у нас пробуждается вместе с тем святая гордость: наша литература неразвитая и корявая, но... не на денежных делах держится она и никогда не пойдет чистить сапоги капиталу!..»

Нет сомнения, что в произведениях крупнейших русских писателей Богданович видел тот идеал свободной, вольнолюбивой и народной литературы, которому он остался верен на протяжении всей своей недолгой, но замечательно плодотворной творческой жизни.

«Старая Беларусь»

Поэзия Богдановича, как и большинства белорусских поэтов — его современников, сложилась в первую очередь под влиянием национально-освободительной борьбы, которая в 10-е годы нашего столетия была особенно острой. Выбор тех или иных тем очень часто подсказывался социально-политическими событиями, конкретными условиями этой борьбы. Без учета этого обстоятельства очень многое в дореволюционной белорусской литературе останется непонятым или понятым неправильно. В частности, не поймем мы и смысла такого выдающегося произведения Богдановича, как цикл «Старая Беларусь».

Обычно появление этого цикла объяснялось поездкой Богдановича в Вильно, где он посетил музей, в котором видел произведения древнего белорусского искусства, знаменитые слущкие пояса и

первопечатные белорусские книги. Это объяснение правильно только отчасти. Исторический цикл Богдановича возник не только под влиянием его поездки в Вильно. Были и другие, более важные причины...

В противовес «Нашей ниве», единственной в то время белорусской газете, в Вильно организовалось «Белорусское общество» с печатным органом «Крестьянин», рьяно пропагандировавшим русификаторскую политику царского правительства. Такую же позицию занимали и газеты «Северо-Западный голос» и «Речь». С другой стороны, «Виленский вестник» столь же яростно проповедовал идею колонизации Белоруссии. С этими газетами «Наша нива» вела постоянную полемику, начиная с 1909 года.

В противоположность этим газетам, доказывавшим, что самостоятельной на-

циональной белорусской культуры нет и никогда не было, «Наша нива» упорно, терпеливо и методически доказывала, что, несмотря на близость белорусской культуры к русской и польской, она не является их простым вариантом, а представляет собой самостоятельную национальную культуру, имеющую большие традиции в прошлом.

Особенно резко обострилась полемика в 1912 году, когда «Виленский вестник» выступил со статьей, в которой между прочим говорилось: «Думать о возрождении родного языка и своей культуры, которых у белорусов никогда не было, это по меньшей мере — неразумно»*.

С номера 22 в «Нашей ниве» создается специальный отдел — «Имеем ли мы право быть белорусами», в котором отстаивается самостоятельность белорусской культуры от посягательства враждебных газет.

На страницах «Нашей нивы» в это время печатается «Краткая история Белоруссии», цель которой — доказать древность белорусского народа.

Именно в это время, в период самой обостренной полемики с газетами, отрицавшими историческое прошлое Белоруссии, выступает со своим циклом «Старая Беларусь» Максим Богданович. Основные стихотворения этого цикла — «Летапісец», «Перапісчык», «Кніга», «Служба ткачыі» — печатаются в 26-м номере за 1912 год.

Основным пафосом полемических выступлений «Нашей нивы» является утверждение древности белорусской культуры. Все факты подбирались и подавались таким образом, что из них следовал один вывод — белорусская нация и белорусская культура древнее русской и польской. Вопрос же о национальных особенностях белорусской культуры, о ее специфическом отличии от других культур газетой не освещался. Поэтому весь спор получал односторонний характер. На упреки враждебных газет «Наша нива» давала один ответ — наша культура не менее древняя и ничуть не хуже вашей.

Проблема национальной культуры и национального характера не раскрывалась конкретно-исторически.

Эту задачу выполнил в своем стихотворном цикле Максим Богданович.

Основная тема этого замечательного цикла — специфические особенности национального белорусского характера и национальной культуры в историческом прошлом. Через показ глубины, красоты и величия белорусского национального характера в прошлом поэт утверждал и «реабилитировал» этот характер в настоящем.

Проблема белорусской культуры в ее историческом прошлом была для Богда-

новича не самодавлеющей. Она, в его понимании, была частью большого и главного вопроса — вопроса об исторической судьбе национальности, ее специфических чертах и отличительных особенностях. Как подлинный художник Богданович увидел главное и сделал его содержанием своего стихотворного цикла — единственного по мастерству и глубине в белорусской литературе.

Каждое стихотворение в отдельности выявляет лишь одну определенную черту белорусского национального характера в прошлом, но весь цикл в целом создает единый и законченный образ.

Первое стихотворение цикла — «Летапісец». Это голос прошлого, обращенный в настоящее. Старинные летописи говорят потомкам о славных делах родины в далекую старину. В нем как бы раскрывается поэтический замысел: установление исторической преемственности поколений и культур.

Из стихотворения возникает замечательный образ летописца-подвижника, одержимого одной мыслью — донести до будущих поколений дух времени, славные события, свидетелем которых он является или известные ему по старинным грамотам:

Ён пільна летапіс чацвёрты піша год
І спісвае ўсё ад слова і да слова
З даўнейшых граматак пра долю
Магілёва.

І добрыя яго і кепскія дзяля
Апавядае тут. Так рупная пчала
Умее ў соты мёд сабраць і з горкіх
кветак.

І бачанаму ім — ён годны веры
сведак,

Што тут чынілася у даўнія гады,
Што думалі, аб чым спрачаліся
тады,

За што змагаліся, як баранілі
веру, —

Узнаюць гэта ўсё патомкі праз
паперу.

Затем появляется замечательный образ: летопись, дошедшая до потомков, подобно бутылке, с запечатанной в ней вестью, которую выбросили люди, потерпевшие кораблекрушение. Бутылка долгие годы лежала в тине и морских раковинах, и только случайно ее выловили рыбаки, и снова в памяти воскресли давно погибшие люди и их замечательные дела. Так и с древним народом, который все давно уже забыли и считают погибшим. Дошедшие летописи напоминают о нем, о его делах, подвигах и волнениях:

...Можа, сотні год
З тых часоў працяклі, і згінуў іх
народ,
І ўсё змянілася, і ўжо пра іх забылі.
Вы, літары, цяпер нанова ўсё
ўзбудзілі!

* Цит. по «Нашей ниве», 1912, № 14.

І людзі зведаюць аб прадзедах
 сваіх—
 Аб горы, радасцях і аб прыгодах іх,
 Каму маліліся, чаго яны шукалі,
 Дзе на глыбокім дне іх крыюць
 мора хвалі.

Славныя дела Могилева—древнего белорусского города—воскресают в памяти потомков, заставляют их гордиться своими предками, которые в далекие времена также радовались и страдали, молились и искали истину.

Богдановичу важно было подчеркнуть интеллектуальность белорусского народа, ибо именно это качество за ним отрицали его враги. Уже в «Летапісцы» он оттеняет духовную глубину народа, ищущего, думающего, отстаивающего свою веру и обычай. Но особенно сильно эту черту белорусского народа поэт подчеркивает в замечательном стихотворении «Кніга», очень близком и стилистически и по замыслу «Летапісцу».

Древние белорусы возникают из стихотворений Богдановича как высокоразвитые личности—мужественные воины, искатели правды и веры. Все их лучшие качества воплощены в первую очередь в образе самого летописца—мудреца и ученого, беспристрастного судьи и чуткого наблюдателя событий. Он все видит, все понимает, мудро оценивает и спокойно заносит в летопись, чтоб потомки знали дела своих предков, учились у них и продолжали их дело.

Через все стихотворение проведена основная идея поэта—идея исторической преемственности, связи поколений и культур в историческом развитии.

То, что «Нашей ниве» не удавалось доказать публицистически, на языке фактов и цифр, убедительно доказано Максимом Богдановичем логикой художественных образов.

В стихотворении «Перапісчык» выявляются новые качества белорусского национального характера—чувство красоты, эстетический вкус. Переписчик—не только ремесленник, механически переписывающий книгу, это—художник, глубоко осознающий и истолковывающий текст. Богданович подчеркивает любовь переписчика к своей работе и красоту ее выполнения:

На чыстым аркушы, прад вузенькім
 акном,
 Прыгожа літары выводзіць ён
 пяром,
 Устаўляючы паміж іх чорнымі
 радкамі
 Чырвоную страку, усякімі цвятамі,
 Разнакалёрнымі, галоўкамі звяроў
 І птах нявіданых, спляценнем
 завіткоў
 Ён пакрашае скрозь—даволі ёсць
 знароўкі—

Свае шматфарбныя застаўкі і
 канцоўкі,
 І загалоўкі ўсе,—няма куды
 спяшыць!

Из стихотворения вырисовывается образ спокойного и медлительного мастера, целиком отдавшегося своему делу. Он прост и прекрасен, как окружающая его природа—такая же спокойная и уравновешенная. Он весь в ней, он с ней сливается:

Света сонца
 Стаўпамі падае праз вузкае
 аконца,
 І круціцца у іх прыгожы, лёгкі пыл;
 Як сіняваты дым нявідзімых кадзіл,
 Рой хмарачак плыве; шырокімі
 кругамі
 У небе ластаўкі шыбаюць над
 крыжамі,
 Як жар гарашчымі, а тут, каля
 акна,
 Малінаўка пяе і стукае жаўна.

От стихотворения к стихотворению Богданович расширяет и углубляет тему. Национальный белорусский характер до сих пор был показан в его духовной сложности и эстетической значимости. Но эти черты не исчерпывают его. В последующих стихах Богданович придает ему национальную определенность. Это относится прежде всего к самому известному стихотворению поэта—к «Слуцкім ткачыхам».

Любовь к родной земле живет в сердцах слущких ткачих, белорусских девушек, насильственно взятых в господский дом ткать роскошные золотые пояса в персидском стиле:

Ад родных ніў, ад роднай хаты
 У панскі двор дзеля красы
 Яны, бяздольныя, узяты
 Ткаць залатыя паясы.
 І цягам доўгія часіны,
 Дзявочыя забыўшы сны,
 Свае шырокія тканіны
 На лад персідскі ткуць яны.

Впервые у Богдановича в цикле появляется социальный мотив. Он в древней Белоруссии видит не только красоту, мудрость и спокойствие, но и тяжелую эксплуатацию, безрадостную жизнь белорусских девушек. Тяжелый труд контрастирует с природой—светлой и радостной:

А за сцяной смяецца поле,
 Зіае неба з-за акна.
 І думкі мкнуща мімаволі
 Туды, дзе расцвіла вясна;
 Дзе блішча збожжа ў яснай далі,
 Сінеюць міла васількі,
 Халодным срэбрам ззяюць хвалі
 Між гор ліючайся ракі.

Василек символизирует образ Белоруссии. В последней замечательной строфе этот образ окончательно реализуется:

Цямнее край зубчаты бора..
І тчэ, забыўшыся, рука,
Заміж персідскага узора,
Цвяток радзімы васілька.

Национальный белорусский характер дополняется в этом стихотворении новой чертой—исключительной привязанностью к родине, непреодолимым чувством родной земли, родных деревенских просторов, получив, таким образом, национальную и социальную определенность.

Века и народы

Циклу «Старая спадчына» Богданович предпослал эпиграф из В. Брюсова:

Мы зёрна древние лелеем,
Мы урожай столетий жнем.

Этот эпиграф раскрывает взгляд Богдановича на классическое наследие, которое он бережно охранял и изучал.

Опираясь на опыт мировой поэзии, Богданович дал блестящие образцы пентаметров, сонетов, триолетов, терцин, октав, секстин и других стихотворных форм.

Мотивировку этого отхода в старину дает стихотворение «Терцины»:

Ёсць чары у забытым, старадаўнім;
Прыемна нам сталеццяў пыл

І жыць мінулым—гэткім мудрым,
слаўным,—

Мы любім час далёкі ўспамянуць.
Мы сквапна цягнемся к старым

паэтам,
Каб хоць душой у прошлым

патануць.
Таму вярнуўся я к рандо, санетам,
І бліснуў ярка верш пануры мой:

Як месяц зіхаціць адбітым светам,—
Так вершы ззяюць даўняю красой.

Богданович смотрит на старину, как на мир, в котором усталая душа поэта может найти успокоение от современных потрясений и тревог (этот мотив чувствуется и в «Старой Беларусі»). Вместе с тем любовь к старой поэзии и старому искусству мотивируется еще их необыкновенной силой и красотой. Классическое искусство не меркнет, оно и через столетия способно, подобно солнцу, освещать новую поэзию. Но и это еще не исчерпывает вопроса, почему Богданович обращается к старинным поэтическим формам.

В основе этого обращения лежали не только и не столько задачи эстетические. Чисто художественное задание у Богдановича было всегда подчинено основным задачам—национальным и социальным.

В неопубликованных воспоминаниях о Богдановиче товарищ поэта по работе в ярославской газете «Голос» Н. Г. Огурцов рассказывает: «Однажды М. А.

(Максим Адамович Богданович) принес мне очень плохо изданную книжку своих стихов на белорусском языке («Вянок»). Это был подарок с автографом. Я с интересом просмотрел сборник, кое-что отметил, заинтересовавшее меня, и, между прочим, при следующей встрече выразил М. А. недоумение:

— Почему вы, народный белорусский поэт, наполнили вашу книжку сонетами, рондо, триолетами и прочими чуждыми народу формами? Помимо того, вы почти к каждому стихотворению дали по эпиграфу чуть ли не на всех европейских языках. Зачем это?

Максим Адамович начал, волнуясь, горячо доказывать, что это именно и нужно было сделать:

— За белорусским языком не хотят признать самостоятельности и самобытности. Не хотят допустить и мысли, что на этом языке можно выразить все движения человеческой души и дать любую литературную форму. Я своей книжкой хотел показать, что все это возможно. А для этого нужно было белорусский язык поставить рядом с европейскими языками»*.

В этих воспоминаниях близкого знакомого Максима Богдановича вскрывается основная причина обращения поэта к самым разнообразным поэтическим формам: нужно было доказать богатство и гибкость белорусского языка, его способность выразить самые трудные и сложные формы. Это было не только чисто эстетическое задание, а задание национально-политическое, обусловленное нуждами освободительной борьбы в Белоруссии.

Лаконичность, четкость и ясность—эти характерные признаки поэзии Богдановича в цикле «Старая спадчына» обусловлены самой художественной формой: сонеты, триолеты, рондо ставят перед поэтом строгие законы, ограничивают его определенными рамками, за которые он не может выйти...

Тяготение поэта к философской мысли, к афористичности отразилось, например, в стихотворении «Трыялет»:

* Архив М. Богдановича, папка № 2, лист № 5.

Калісь глядзеў на сонца я,
 Мне сонца асляпіла вочы.
 Ды што мне цемень вечнай ночы,
 Калісь глядзеў на сонца я.
 Няхай усе з мяне рагочуць.
 Адповедзь вась для іх мая:
 Калісь глядзеў на сонца я,
 Мне сонца асляпіла вочы.

Мгновение яркого света, один взгляд на солнце стоят того, чтобы потом вечно пребывать в темноте. Яркость, активность переживаемого мгновения дороже продолжительного прозябания. Эта мысль выражена также и в стихотворении, посвященном С. Е. Полуяну («Глянь, як зорка ў цемені ляціць»).

Афористичны также и пентаметры Богдановича:

Хіліцца к вечару дзень, і
 даўжэйшымі робяцца цені;
 З бодем пад захад жыцця ўспомніш
 пра гэта ты.

Особое внимание Богдановича привлекал сонет—форма, ставящая перед поэтом исключительно трудные задачи и требующая максимальной строгости, ясности и четкости образов.

В своих «Материалах к биографии М. А. Богдановича» отец поэта говорит: «Из французских поэтов он всего больше любил Бодлера, Мюссе, Эредиа, А. де Виньи», т. е. крупнейших мастеров сонета.

Испытывая любовь к поэзии Бодлера и Эредиа, заимствуя у них классическую строгость, пластичность форм, Богданович остался чужд их учению о враждебности реальной действительности подлинной красоте. Поэзия Богдановича—это прежде всего поэзия жизни. Вызванная требованиями национально-освободительного движения в Белоруссии, она выполняла художественными средствами те задачи, которые это движение перед ней ставило.

Максим Богданович был тем поэтом, который открыл белорусской литературе неведомые ей художественные миры.

Чтобы дать представление о широте литературных интересов Богдановича, достаточно перечислить имена поэтов, произведения которых он переводит на белорусский язык: Овидий, Гораций, Шиллер, Гейне, Верхарн, Верлен, Пушкин, Лермонтов, Майков, Шевченко, Франко, Самийленко, Олесь, Крымский и др.

Переводы Богдановича отличаются большим мастерством и близостью к подлиннику.

Горациевский «Памятник» он перевел трудным «асклепиадовым стихом» (хорей, два хореймба и ямб). Из русских поэтов этим размером переводил Горация Востоков. Латинский язык Богданович знал, и «Памятник» он, по всей видимости, переводил с оригинала, но тем

не менее на переводе чувствуется и знание опыта Востокова...

Античные мотивы послужили содержанием ряда стихов Богдановича («Купидон», цикл «Эрос»). В стихотворении «На могилках» (рондель) он разрабатывает античный мотив о силе любви, которая сильнее смерти.

Самое большое количество переводов сделано Богдановичем из Верлена—поэта, близкого Богдановичу и формальными особенностями (музыкальность стиха, элементы импрессионизма) и некоторыми чертами мировосприятия (сложность и противоречивость психологии, повышенная восприимчивость природы, ноты пессимизма).

Переводить стихи Верлена, вся сила которых в тончайших нюансах и поворотах мысли, в предельной музыкальности,—дело исключительной трудности. Богданович справился с поставленной задачей: метрически переводы абсолютно точны, сохранено своеобразие верленовской ритмики и строфики...

Богданович очень любил творчество Генриха Гейне, испытал его влияние и перевел цикл его стихотворений на белорусский язык. Эти переводы отличаются большой точностью. Тем более знаменательно то отступление от подлинника, которое себе позволил Богданович, переводя стихотворение «Генрих».

В основу стихотворения лег, как известно, исторический факт: вражда папы Григория VII с германским императором Генрихом IV. Власть и авторитет императора пошатнулись и, чтобы вернуть свое влияние, Генрих пошел в Каноссу просить папу о снятии с него отлучения. Босой, в одной рубахе стоит он под дождем перед замком и в окнах видит папу. Уста Генриха шепчут молитву, но в душе кипит злость. Про себя он думает: «О Германия родная, ты родишь на свет героя, и змею, что сердце гложет, он сразит своей секирой».

Богданович опускает конкретное наименование страны—Германия—и говорит о стране вообще, о «родном крае»:

Край мой родны! Край мой верны!
 Зродзіш, край ты, чалавека,
 Што змяю майго мучэння
 Ураз заб'е сякерай вострай.

В таком виде стихотворение теряло свой локальный характер и приобретало вполне определенное, «белорусское», звучание. Это было стихотворение, полное веры в народные силы, в избавление страны...

Кроме многочисленных переводов у Богдановича есть цикл поэтических стилизаций, стихов, написанных в духе поэзии различных стран Европы и Востока: скандинавской, испанской, сербской, персидской, японской, русской, украинской и др.

Самое интересное в этом цикле, на

мой взгляд, — стилизация в духе сербского народного эпоса — «Смерць Шэршня». Здесь очень трогательно, в стиле народной поэзии, рассказывается о смелом и отважном Шершне, который не утратился смертельной опасности и погиб как герой. Последний стих: «Не, немашка ўжо такіх юнакоў» — указывает на аллегорический смысл стихотворения: прославление силы и смелости. Этот мотив повторится в поэме Богдановича «Страцім-Лебедзь» (1916), в которой создан величественный образ гордой птицы, не пожелавшей покориться воле Ноя и сменить широкие морские просторы на узкий и тесный ковчег.

Примечательны также и опыты Богдановича по созданию образцов персидской газели и японской танки. В обоих случаях он сохранил очень трудную стихотворную форму...

Уже в первые годы творчества у Богдановича складывался взгляд на роль поэзии как на средство пробуждения в человеке некогда его волновавших и давно угасших чувств. Наметился мотив своеобразного «поэтического воспоминания». Особенно сильно он звучит в стихотворении в прозе «Пэўна любіце вы, пане...» (1911).

В 1913 году в прозаическом этюде «Мадонна» Богданович устами одного из героев говорит: «Не кажется ли вам, что все искусство — а живопись и музыка особенно — тем на нас действуют, что заставляют прошлое вспоминать? И не потому ли мы их любим, что они этому потоку воспоминаний столь широкое русло пролагают!..»

Цикл «Старая спадчына», состоящий, главным образом, из сонетов, терцин, триолетов Богдановича, в определенном смысле разрабатывает эту же тему «поэтического воспоминания».

Поэтически воссозданное прошлое погружает нас в давно забытый мир, вызывает чувства, некогда волновавшие людей. Прекрасно раскрывает эту идею Богдановича стихотворение «У старым садзе»:

Прыгожы сад, які любіў Вато:
Між дрэў зялёных статуі паўсталі,
Вось грот, гадзіннік сонечны, а далі
Фантан... Напэўна саду год са сто.
Стаю я, сню пра знікнуўшыя дні
І кніжку новага пісьменніка
трымаю.

Яе я разгарнуў... і закрываю,
Здзіўлены ўкрай, што гэта не

Парні.

К сборнику «Вянок» (1913) Богданович предпослал эпиграф из Фета: «Этот листок, что иссох и свалился, золотом вечным горит в песнопеньи». Эпиграф выражает и Богдановичу свойственное понимание поэтического творчества: мысль и чувство, воплощенные поэтом в художественный образ, приобретают веч-

ное бытие, способность волновать других людей.

Но подобное понимание специфики поэзии не исчерпывает этой темы в творчестве Богдановича.

Истинная поэзия придает людям силу и энергию, делает их способными переносить трудности и противостоять окружающему злу и насилию — в творчестве Богдановича развита и эта мысль.

Чтобы выполнить эту высокую миссию, поэзия должна быть могучей, ковальной, мужественной, волевой. И Богданович обращается к поэту с такими строками:

Ведай, брат малады, што ў грудзях
у людзей
Сэрцы цвёрдыя, быццам з каменя.
Разаб'ецца аб іх слабы верш
заўсягды,
Не збудзіўшы святога сумлення.
Трэба з сталі кавець, гартаваць
гібкі верш,
Абрабіць яго трэба з цярпеннем.
Як ударыш ты ім — ён, як звон
завініць,
Брызнуць іскры з халодных
каменняў.

Мастерство поэта, художественное совершенство поэзии, ее формальные качества целиком определяются, таким образом, теми высокими задачами, которые она должна выполнять.

Безраздельная отдача себя и своего творчества общественному служению — таковы принципы Богдановича. Поэзия должна не только показывать беспросветный мрак действительности, но и красоту жизни, во имя которой стоит бороться, а если надо — и погибнуть. Отсюда — и в прозаических этюдах и в поэзии Богдановича — горьковская тема романтического преображения действительности в искусство.

Творчество Максима Богдановича — образец великого подвига, который в условиях Белоруссии является чуть ли не единственным по своему высокому трагическому пафосу и значению.

Последнее четверостишие, написанное уже умирающим поэтом, говорило о его стихах, о его поэзии:

У краіне светлай, дзе я ўміраю,
У белым доме, ля сінняй бухты,
Я не самотны, я кнігу маю
З друкарні пана Марціна Кухты.

Эти светлые строки могли быть написаны умирающим поэтом только потому, что он хорошо осознавал значение своего труда: он умирает спокойно, ибо перед ним его книга, которая говорит, что жизнь прожита не зря и все, что можно было сделать за короткую жизнь, сделано.

Вас. БУРАН

ВОЮЮЩИЙ ГУМАНИЗМ

О повестях Василия Быкова

Литература создается усилиями многих. Она подобна могучей реке, которую питает множество родников и притоков. Но это не обычная река — воды источников не теряются в ее общем русле. Каждый писатель вносит в литературу нечто свое, сугубо индивидуальное и неповторимое, и литература тем богаче и ярче, чем больше в ней ярких художественных индивидуальностей.

Творчество Василия Быкова — один из таких родников, питающих и обогащающих современную белорусскую литературу. Его пример показывает, какие богатые возможности открывает социалистический реализм для «проявления широкой творческой инициативы, выбора разнообразных форм и стилей в соответствии с индивидуальными склонностями и вкусами писателя»*, каких значительных результатов достигает художник, творчески использующий традиции классики и современный литературный опыт.

Произведения В. Быкова подкупают своей гуманистичностью, пристальным вниманием автора к душевному миру человека. Нам дорого стремление писателя всегда и во всем следовать правде жизни, быть на высоте требований современности, всей силой и страстью своего таланта помогать народу и партии строить новую жизнь.

* Из обращения ЦК КПСС ко Второму Всесоюзному съезду советских писателей.

Произведения В. Быкова — острые, глубокопроблемные, обладающие большой эмоционально-художественной силой, потому-то они и оказывают на читателя значительное идейно-эстетическое воздействие. Раскрыть их глубинный смысл, художественное своеобразие, место в ряду других явлений советской литературы — одна из задач критики. При этом не должно быть, разумеется, ни замалчивания действительных промахов и слабостей писателя, ни умаления его подлинных заслуг в развитии художественной прозы о Великой Отечественной войне.

Мы коснемся лишь отдельных сторон творчества Василия Быкова — прежде всего его гуманистической направленности, философско-трагедийной окрашенности, не претендуя, разумеется, на неоспоримость суждений и полноту освещения темы.

I

Первые произведения Василия Быкова появились в печати в 1949 году. Но как писатель вполне самостоятельный и оригинальный, он выступил перед нами в опубликованной в 1960 году повести «Журавлиный крик». Именно это произведение позволило говорить о приходе в белорусскую литературу многообещающего таланта со своей заветной мыслью, своим кругом интересов, своим стилем.

В «Журавлином крике» В. Быков вновь возвратился к тому, что было темой его предыдущих вещей, в частности—повести «Последний боец», написанной двумя годами раньше,—к горькому опыту «сорок трудного года» (пользуясь выражением одного современного поэта). Но как далеки эти повести одна от другой! Какой приметный шаг совершил молодой прозаик!

В. Быков, автор повести «Последний боец», рассмотрел в событиях первого года войны огромную драму, выросшую до размеров народного бедствия. Однако сущность ее не была раскрыта более или менее полно из-за того, что писатель послушно следовал канонам приключенческого жанра. Герои повести не задумываются или мало задумываются над смыслом происходящего. Для них главное—свято следовать уставным положениям и не поддаваться «панике». И действуют они тоже чересчур «правильно», «по-уставному», не сообразуясь с реальной обстановкой. Так, один из героев повести, сержант Кленович, во время краткого отдыха бойцов-окруженцев в лесу водрузил посреди поляны (!) боевое знамя и, «как часовой полкового караула, ходил по тропинке, вслушивался в лесную глушь и то и дело посматривал на эту пламенную красную птицу, которая как будто тихо дремала, сложив до срока свои огненные крылья». Красиво и... неправдоподобно. А «пламенная птица» и «огненные крылья» дают довольно ясное представление о стиле повести—романтически эффектно и условно.

В «Журавлином крике» трагический сорок первый год раскрывается несоизмеримо глубже и ярче. В основу повести положен незначительный, на первый взгляд, боевой эпизод—оборона горсткой солдат железнодорожного переезда, но в этом эпизоде заключены правда больших художественных обобщений, острая аналитическая мысль, неизменно отталкивающаяся от живых, невыдуманных подробностей и деталей, не отступающая перед противоречивым и сложным в психологии и в делах человека на его решающем рубеже между жизнью и смертью.

Вся повесть от начала до конца озарена светом трагического. Оно и в том, с какой тоской бойцы, оставленные на переезде задержать врага, слушали боевой приказ, и в том, как командир арьергарда старшина Карпенко, «уже во власти новых забот, равнодушно попрощался» с комбатом, и в том, как, «поддав плечом автомат, командир батальона тяжело вздохнул и, скользя по грязи, направился догонять колонну...» А затем первые симптомы беды: «Обошли! Обошли, гады!», минутное замешательство защитников переезда: «Слушай,

командир, а может, лучше отойдем, пока не поздно, а?» И эти настойчивые—один за другим, как рефрен в торжественно-печальной песне—экскурсы в прошлое героев,—так, словно автор спешит, пока герои живы, поочередно представить их читателю: «Вглядись в эти лица! Вдумайся в их судьбы! Это—те, что пали в сорок первом. Вот такими их сделала жизнь, вот так они встретили свой смертный час... Не забудь ничего!»

А затем и сама трагедия—гибель защитников переезда. И замерший, как оборванная струна, тревожно-скорбный крик отставшего от стаи журавля...

В свое время по поводу этого «крика», который, конечно же, следует понимать не узко, не как простую деталь произведения, а как выражение его общей тональности, были высказаны противоположные мнения. Некоторые критики пришли к убеждению, что этот «лирико-драматический мотив», пронизывающий всю повесть, «сослужил автору не очень полезную службу»: во-первых, дал «неверную, пессимистическую ноту повести (тон делает музыку!)», во-вторых, привел к тому, что «элегия победила трагедию», в-третьих, «оказал нежелательное влияние на трактовку характеров людей»*.

Думается, это серьезные упреки писателю, и на них нам придется еще остановиться, тем более что другие оценки повести не были высказаны столь пространно и веско, как оценка Н. Пашкевича. А сейчас о самом подходе автора к воспроизведению военных событий.

Повесть подчеркнута буднична, лишена какого бы то ни было возвышенно-патетического оттенка. Может даже показаться, что герои ее без особого энтузиазма берутся за нелегкое для них дело («Бойцы гуськом неохотно потянулись за своим командиром»,—сказано у автора), больше думают о том, как бы обогреться, утолить голод, забавляются анекдотами... Словом, ведут себя совсем не так, как хотелось бы тем, кто подходит к советскому воину с меркой умозрительно-идеального героя, а героизм воспринимает только внешне. Да и автор не боится рассказать о слабостях и недостатках своих персонажей. (Взять хотя бы Карпенко, который, по представлению бойца Фишера,—«натура элементарно простая», не шибко далекая.) Но вместе с тем повесть «Журавлиный крик» оставляет впечатление чего-то необычного, выходящего за рамки простого воспроизведения «окопной правды», фронтовых будней. И причиной тому—присутствие в ней трагического, которое

* Н. Пашкевич. Герои или жертвы судьбы? «Літаратура і мастацтва», 27 июня 1961 г.

как бы возвышает обыденность, придает ему новое, философское звучание.

Повесть предельно драматична и напряжена не только в сюжетном, но и в нравственном, психологическом плане. Ставя своих героев лицом к лицу со смертью, В. Быков заставляет их в этот трагический час «исповедоваться» перед своей совестью, подвергать оценке жизнь, оставленную по ту сторону этой гремющей межи, по-новому взглянуть на прошлое, которое не вернуть, не «исправить», и на будущее, которого не будет у них, но будет у бесчисленного множества других людей на земле.

Вот неисправимый оптимист, балагур Витька Свист по просьбе товарищей рассказывает историю своей жизни. Рос один у матери, учиться не хотел, матери не слушался. Поступив на завод, почувствовал отвращение к работе («Зимой и летом—одни втулки»), начал пить. Вскоре попал под влияние некоего Фролова и как-то незаметно втянулся в аферу—спекуляцию хлебом... Дали пять лет заключения.

«Это не сладко—тюрьма. Только было за что: виноват как ни верти»,—заметил Карпенко.

«Свист даже зашевелился от этих слов, видно было, они больно отозвались в его и без того изболевшейся душе.

— Было за что—это правда. Дали пять—согласился. Дали бы десять—ни слова б не сказал. Все б отбыл. Заслужил—получил по справедливости. Только, знаешь, не хочу, чтоб всю жизнь попрекали. Что было, то прошло и быльем поросло. Нужно, еще отсижу, стерплю, только без бирки, без ярлыка—человек я ведь, ярина зеленая...»

Вот это последнее—«человек я», «без бирки, без ярлыка»—как бы заново открывает героя.

Нет, не так уж прост и бездумен Витька Свист, каким кажется при первом знакомстве. Он по-своему жаждет справедливости, пусть и в понятиях своего, по необходимости ограниченного опыта, он знает чувство товарищества, и это чувство, и эта жажда правды, и эта внутренняя свобода Витьки Свиста подвигнут его на смерть во имя победы: после разговора с товарищами Свист бесстрашно бросится навстречу вражескому танку и, подорвав его, умрет смертью верного сына Родины.

А вот еще один герой повести, и тоже «обиженный» в прошлом,—Иван Пшеничный.

Пшеничный—выходец из кулацкой семьи. Тень отца преследовала его по пятам. «...Было много малых и больших обид, порожденных отцовским прошлым. И Иван сдался, отступил в сторону, не лез туда, где не такие, как он, люди. Только сам себе, сам для себя, вопреки

всему—такой волчий девиз усвоил по-степенно Пшеничный. Он не пренебрегал ничем: когда нужно было, обманывал, воровал, лгал, слабых ненавидел, сильных побаивался и тоже ненавидел. Он понимал, что становился нечестным, иногда подлецом, злопамятным и вредным, как отец, но переделать себя уже не мог и катился все больше туда, куда гнали его обида и злость».

Попав на фронт, Пшеничный внутренне был уже подготовлен к предательству, и когда защитники переезда, доверившись ему, часовому, отдыхали в сторожке, он совершил свое последнее черное дело: добровольно сдался немцам. Большого зла причинить не успел: фашисты за ненадобностью прикончили пербежчика.

В чем же причина моральной деградации Пшеничного? Только ли в том, что ему не встретились люди, которые вывели бы его на правильный путь? Или в том, что ему оказали политическое недоверие, без надобности и не к месту напирали на его социальное происхождение? Разумеется, и в этом. Но главное, думается, в другом. Федора Таланова, генерала Серпилина—героев «Нашествия» Л. Леонова и «Живых и мертвых» К. Симонова в тридцать седьмом году поставили вне закона, но предателями они не стали, Родина осталась для них самым дорогим из всего, что дано человеку.

Причину падения Пшеничного следует искать прежде всего в том, что он в свое время не нашел сил решительно порвать со средой, в которой он вырос, и накрепко связать свою судьбу, свои интересы с жизнью народа. И хотя сердцем он чувствовал, что правда на стороне бывшего батрака, активного комсомольца Яшки Тереха, отдавшего всего себя строительству новой жизни, сам Пшеничный не решился сделать эту правду своей путеводной звездой. «Вот так, как следует не сомкнувшись, разошелся его путь с людьми, с теми, кто дал бы ему веру в жизнь, в собственные силы и, быть может, уберег душу от тоски одиночества»,—замечает автор.

Возникает вопрос, который в свое время ставил Н. Пашкевич: куда же ведет логика развернутой автором картины, в чем основная мысль произведения? По мнению Н. Пашкевича, такой «обобщающей мысли» в «Журавлином крике» вообще нет. Правда, поправляется критик, можно «найти сквозную идею, которая пронизывает все страницы повести. Я сформулировал бы ее так: война показала, чего стоит каждый человек, она решительно завершила или неизмеримо ускорила формирование мировоззрения людей».

Верно, есть эта идея в повести В. Быкова. Но не только она. И надо ли удив-

ляться, что при помощи только этой идеи критику не удастся собрать воедино все компоненты повести, что последняя кажется ему композиционно неорганизованной и рыхлой?

Глубинный смысл повести «Журавлиный крик» можно выразить, пожалуй, так: перед лицом смертельного врага, каким являются для советского народа немецко-фашистские поработители, в час, когда решается судьба Родины, судьба Революции, нет места для сведения счетов за пережитые обиды, какими бы значительными они ни казались тебе, нужно найти в себе силы стать выше личных обид, ибо для советского человека нет ничего дороже Родины, ее судьбы, ее будущего. И нельзя победить врага, не победив в себе индивидуалиста, не осознав себя живой, неотъемлемой частицей борющегося народа.

В свете этой мысли становятся на свои места все элементы повести, проясняется смысл и назначение всех ее образов, в частности, приобретает расширенную (но отнюдь не аллегорическую, ибо в нем сохранена вся трепетность живого явления) сверхзадачу лирико-драматический мотив повести — крик отставшего от стаи журавля... Это не «похоронный звон» над «вечным покоем» защитников переезда, как полагает Н. Пашкевич, не элегия и не «всепоглащающая жалоба» «на трагическую судьбу», а полная скорби и мужества песня прощания с павшими, призывный клич, возвещающий о смертельной опасности, нависшей над Родиной.

Рассматривая повесть «Журавлиный крик», Н. Пашкевич как бы невзначай обронил слово «пессимизм». Между тем ни идейно-философская концепция повести, ни нарисованная в ней картина трагической гибели защитников переезда не дают ровно никаких оснований для подобных упреков. Пессимизм имеет место там и только там, где не видно смысла борьбы, где смерть человека ничем не окупается ни в настоящем, ни в будущем. Можно ли сказать, что Карпенко, Глечик, Фишер, Свист не сознают и не понимают, во имя чего они умирают или должны умереть? Что и читателя повесть В. Быкова оставляет на сей счет в таком же полном неведении? Нет, конечно.

Иное дело, что герои В. Быкова не любят громких слов и нигде не выражают вслух непреклонную решимость выполнить свой воинский долг. Но это скорее внешняя черта героев повести, чем выражение их внутренней сути.

О Карпенко автор говорит: «Самому себе он был понятен, знал, что если уж понадеялись на него комбат и командир полка, то он не подведет их. Может, убьют его, может, ранят, но если останется невредимым, сделает все, что от

него потребуются». Последние его слова были обращены к Свисту: «Танки, танки... Бей танки!» Умирая, Карпенко думал не о себе, а о том, чтобы выстоять до конца и удержать переезд до назначенного срока.

Мужественно встретил смерть Фишер, которому «высший смысл жизни» открылся в самые последние минуты. Твердо решил драться до последнего вздоха самый молодой защитник переезда Глечик, хотя исход поединка был для него ясен: немцы выкатили на прямую наводку несколько пушек... Это люди не фразы, а дела.

Да, в повести есть определенное нагнетание суровых, безрадостных деталей и красок. Но разоружают ли они читателя? Вселяют ли чувство безысходности и отчаяния? Нет. Ибо весь внутренний строй произведения о людях, смертью своей смертью поправших, восстает против унылого, пессимистического отношения к жизни. Ибо повесть «Журавлиный крик» — трагедия, а у трагедии нет ничего общего с пессимизмом.

«Трагедия, как и подобает искусству, имеет дело с диалектикой самого жизненного процесса, с борьбой живых противоречий в их живом, действующем развороте. Она смело берет под свое крыло душевную бурю!.. Трагедия может вернуть человека наизнанку, но человек в конечном счете поблагодарит ее за громовой урок о вечном торжестве жизни. В этом не только назначение трагедии, но и ее врожденный оптимизм»*.

Как-то И. Науменко признался: «Если говорить откровенно, то из всего написанного мне наиболее нравится повесть Быкова «Журавлиный крик». Кажется, нет у нас лучшей повести о суровом и трагичном сорок первом годе, самом тяжелом из военных годов...»** Почему? — хочется продолжить мысль И. Науменко. Потому, что В. Быков первым в белорусской прозе так подкупающе правдиво выразил скорбь по жертвам войны.

Скорбь по жертвам войны! Нет ли здесь чего-то «размагнивающего», противоположного нашему пониманию оптимизма?

Конечно, если исходить из того, что человек существует для дела, а не наоборот, дело — ради счастья человека, если во главу угла ставить только дело, бессмертные дела и не принимать во внимание борцов за его торжество, — тогда человек обесценивается, превращается в «винтик», и скорбеть по нему вроде бы не пристало. Тогда все равно, какой ценой достигается торжество дела, сколь-

* П. Антокольский. Поэты и время. М., 1957, стр. 135.

** И. Науменко. Человек на войне. «Полымя», 1963, № 4.

ко человеческих жизней положено на алтарь победы,—важно то, что мы победили!

Но в том-то и суть, что это не так, что на смену казенному оптимизму— пусть погиб человек, лишь бы торжествовало дело!—пришел оптимизм народный, подлинно человеческий, вытекающий из самой сути социалистического гуманизма, включающего, как известно, и высокие требования к человеку, и веру в человека, и любовь, уважение к нему. Нам одинаково дороги и дело, за которое борется советский человек, и сам человек, для счастья которого мы живем и трудимся.

2

Переведенная на русский язык повесть «Журавлиный крик» получила положительную оценку на страницах союзной печати, имя ее автора привлекло внимание читателей и критиков.

Однако подлинно широкую известность принесла В. Быкову «Третья ракета» (1962 г.)—повесть о нравственной красоте и силе духа советского народа-воина. «Третью ракету» прочли тысячи людей на русском, украинском, латышском, молдавском, эстонском, чешском, болгарском, испанском, немецком и других языках. Ее экранизировали. В 1964 году повесть удостоилась республиканской премии имени Якуба Коласа. Для самого автора, по мнению критиков, повесть стала «своего рода эталоном, высотой, на которую, сколько бы от нее ни отошел, непременно оглянешься: в том ли направлении движешься, удалось ли подняться выше...»*

При ярком свете «Третьей ракеты» как бы новую значимость приобрело и то, что было написано В. Быковым раньше. Обнаружилась вдруг преемственность между «Третьей ракетой» и ранними рассказами—«В первом бою», «Смерть человека», «Обозник», «Утрата», в которых впервые сказались творческая индивидуальность писателя.

Не случайно, думается, стала популярной после «Третьей ракеты» также повесть «Измена» (в переводе на русский язык—«Фронтная страница»). Это произведение примечательно прежде всего тем, что в нем впервые проявилось стремление В. Быкова решать животрепещущие проблемы современности на материале и опыте военного времени.

Этого, как ни странно, не поняли (или не хотели понять?) некоторые критики, пребывающие в плену литературных догм и иллюстративно-умозрительных схем, игнорирующие замысел писателя. В. Быкова упрекнули в том, что

* И. Козлов. Фронтные страницы. «Знамя», 1965, № 3.

он «не сумел передать общей атмосферы того периода, к которому относится повествование», так как показал поражение нашего полка «за несколько месяцев до победы»*.

Нужно признать: писатель и не ставил такой цели—«передать атмосферу». У него была иная, не менее важная задача: развенчать карьеризм, «философию» шкурничества, которая в мирной жизни особенно опасна в силу умения приверженцев этой философии приспособливаться к обстоятельствам.

Таким шкурником в повести выступает полковой писарь Блищинский. Лгать, угодничать, лицемерить, любой ценой и любыми методами пробираться на менее опасное и более выгодное должностное место—вот те «принципы», которыми, по мнению писателя, надо руководствоваться в жизни.

Будучи в запасном полку, Блищинский начал карьеру с того, что «разоблачил» фронтовика-сержанта, который без разрешения отлучался из части на свидание с девушкой. Сержанта отправили на гауптвахту, а Блищинского поощрили—сделали комсоргом! Оказавшись в тылу немцев, вклинившихся в нашу оборону, Блищинский ради спасения своей шкуры расчетливо предаст боевых товарищей, бросает в снегу истекающего кровью майора Андреева—своего командира, ловчит и прикидывает, как бы выйти сухим из воды. Поэтому, узнав, что майор Андреев незадолго до контрнаступления немцев рекомендовал Блищинского в партию, Тимошкин—земляк и школьный товарищ писателя—был поражен. Возможно ли такое?..

Оказывается, возможно, если о человеке судить только по анкете. Майор не знал о Блищинском того, что знал о нем Тимошкин, не замечал в нем притворства и фальши, а Блищинский умел маскироваться, умел втираться в доверие.

Наиболее реальный путь избавления нашего общества от таких «перевертышей»—оздоровление общественной атмосферы. Только закрыв все лазейки, входы и выходы для блищинских, лишив их возможности лавировать, играть на демагогических постулатах (а подчас и на наших слабостях, заблуждениях и ошибках), можно рассчитывать на искоренение шкурничества. Такова основная мысль повести.

Блищинский у В. Быкова выписан крупным планом. Некоторые критики видят в этом недостаток повести. Но, как известно, пафос произведения определяется не количеством страниц, посвященных тому или иному персонажу, а пози-

* В. Бушин. Оптимизм, обретенный и испытанный в борьбе. «Коммунист Вооруженных сил», 1964, № 7.

цией автора. А позиция В. Быкова ясна и определена: утверждение героизма, добра, воинского товарищества, верности присяге, воинскому и гражданскому долгу — и разоблачение, осуждение трусости, подлости, предательства.

В. Быков беспощаден и резок в изображении зла, показывает его крупным планом, как бы сквозь увеличительное стекло, не боясь упреков и «нарушения диспропорций». Он хочет, чтобы люди видели зло во всей его мерзости и страшной силе, распознали его природу — и не благодушевствовали.

В повести «Фронтальная страница» вновь сказался проявившийся еще в «Журавлином крике» интерес писателя к подлинной, а не умозрительной сложности человеческих характеров.

Поначалу, как мы знаем, писатель сосредоточивался в основном на изображении героической личности. При этом за основу характера бралась какая-либо одна его сторона — например, верность воинскому долгу (капитан Полозов в рассказе «Приказ»), непреклонное мужество (безымянный лейтенант из рассказа «Поединок»), ненависть к врагу и презрение к смерти (Володькин из рассказа «Трое»). Героизм же чаще всего изображался в виде яркого ратного подвига, причем не всегда и не во всем раскрывалось его нравственное содержание.

В последующих произведениях взгляд писателя обостряется, мысль его проникает в самую пучину жизненных противоречий, так как они «отложились» и выразились в человеке. Происходит внутреннее обогащение характеров, растет, следовательно, и мастерство психологического анализа. Свой писательский долг В. Быков видит отныне в том, чтобы рисовать «правдивые характеры — не выдуманные, не сочиненные, а «вырванные» из жизни, со всей их человеческой сложностью»*.

Присмотримся повнимательнее к Щербак и Тимошкину — персонажам «Фронтальной страницы», — какие это разные люди!

Ефрейтор Щербак — подлинный богатырь духа, человек, которого не разъедает внутренняя рефлексия, у которого сложился твердый взгляд на вещи, выработалась четкая линия поведения, возможно, в каких-то проявлениях и жестокостях (время-то суровое!), но в общем верная и справедливо гуманная.

Щербак неизменно там, где труднее, он всегда готов помочь товарищу, выручить его, умеет постоять за правду, не боится взять на себя всю полноту ответственности. Тяжело раненый, он стреляет себе в голову и тем самым дает уйти от фашистов своему другу, однобатарейцу Тимошкину, который бы, конеч-

но же, не бросил беспомощного товарища.

Что касается самого Тимошкина, то ему недостает многих замечательных качеств Щербака, и, может быть, поэтому он всей душой тянется к своему другу. В присутствии ефрейтора Тимошкин чувствует себя увереннее и сильнее. («Пока наводчик был рядом, парень мог справиться с любой бедой и без страха пошел бы за ним хоть на край света»). Щербак тоже чувствует это и верит Тимошкину.

Но вот, оказавшись наедине с Блищинским, когда тот вдруг вывернул перед ним свою черную душу (эта сцена в повести выглядит недостаточно убедительной), он, Тимошкин, не нашел ничего лучшего, как обозвать писаря «жуликом», «шкуродером» и... снова пожалеть, что нет с ним потерявшегося в пути Щербака: «Эх, Ваня, Ваня!.. Был бы ты здесь... При тебе не стал бы плести невесть что этот выродок...» Лишь в последний момент, убедившись, что ради спасения своей шкуры Блищинский готов снова лгать и предавать, Тимошкин проявил характер и под дулом автомата погнался писаря впереди себя на выручку попавшего в беду Щербака. Да и то, говорит автор, не потому только, что «будто прорвалась в нем годами накопленная ненависть к подлой натуре этого человека», — «он понимал, что один, с больной рукой, не сможет, если понадобится», вынести раненого Щербака.

Отличительная черта Тимошкина — душевная мягкость, совесть, вера в добро. Но и добро, и человечность, если они не вооружены активным неприятелем зла, ненавистью к нему, могут стать в определенной ситуации источником трагедии, ибо каждый промах добра зло обращает себе на пользу. И если мы осуждаем «нейтрализм» Тимошкина в конфликте с Блищинским, то вовсе не потому, что он «слишком» человечен, а потому, что эта, не поддержанная ненавистью, доброта позволила Блищинскому уйти в нашу «заветную жизнь», на которую тот не имеет морального права и в которой «победить негодяя будет нелегко».

Тимошкин, каким он показан во «Фронтальной странице», заслуживает не только сочувствия, но и осуждения. Ведь не только благодаря искусству мимикрии и виртуозному использованию наших промахов и ошибок нередко преуспевают блищинские, а и потому, что есть тимошкины, которые к ним примиренчески относятся, и в этом заключается один из уроков, который нам преподает своими книгами Василь Быков.

И еще писатель говорит нам: какой бы яростно непримиримой не была наша ненависть к блищинским, она ни в коем случае не должна поколебать нашей веры в человека, в то лучшее, что

* «Вопросы литературы», 1962, № 9.

воспитано в нем советским общественным строем, его идеологией и практикой.

По-своему сложен также образ главного героя «Третьей ракеты» — сержанта Лозняка. За свою короткую жизнь Лозняк претерпел столько бед и духовных мук, что другого человека они давно бы сломали. Но Лозняк выстоял, вышел победителем из драматических испытаний. Больше того, Лозняк готов претерпеть еще больше, вынести все, что отпустит на его долю война, лишь бы избавить от страданий человечество.

Лозняк совершил подвиг: бросился под прицельным огнем врага спасать снарядного Лукьянова. Это — герой в высоком смысле слова.

Лозняку присуще крайне обостренное чувство ответственности за все, что происходит вокруг, он из тех борцов-правдоискателей, которые органически не переносят зла и готовы жертвовать всем, в том числе и своей жизнью, лишь бы сокрушить зло, дать восторжествовать справедливости и добру. Чужие беды ранят Лозняка не менее глубоко, чем собственные. Он склонен к философскому осмысливанию жизни, к самоанализу, и то, что один из критиков отнес к недостаткам героя (якобы чрезмерная и неуместная рефлексивность),* есть на самом деле одно из свойств глубокой и сложной натуры, человечески правдивой во всех своих проявлениях.

Сложность натуры Лозняка естественно дополняется ее духовным богатством, которое выступает в личности Лозняка как следствие полного слияния его с народом, глубокого осознания Лозняком самого себя. Его душа не деформирована нравственными пороками, сознание не стеснено предрассудками и догмами. Поэтому и объективный мир Лозняк воспринимает реально, таким, каким он есть, чутко и остро реагирует на любые отступления от нормы — высоких гражданских и нравственных идеалов народа. Когда трус и пошляк Задорожный, по вине которого погиб орудийный расчет, пытается уйти от ответственности и по обыкновению ведет себя при этом вызывающе нагло, Лозняк без колебаний бьет в его искаженное злобой лицо огненной струей ракетницы. Но этот же Лозняк не решается пристрелить обгоревшего немца-танкиста, приползшего к нему в окоп, ибо это уже поверженный враг, враг, которому война воздала по заслугам.

В «Третьей ракете» автор сделал заметный шаг по пути глубокого, философского познания действительности, проникновения в сущность явлений, внутренний мир героев. В ней чувствуется биение живой мысли, а сильная, пытли-

* И. Науменко. Человек на войне. «Полымя», 1963, № 4.

вая мысль способна «схватывать... предмет во всей его истине, заставляя его, так сказать, дышать жизнью», что является, по Белинскому, верным признаком настоящего, самобытного таланта.

В «Третьей ракете», как и в некоторых других произведениях В. Быкова («Журавлиный крик», «Мертвым не больно»), много крови, страданий, трагических сцен. Не всем это, естественно, нравится. Но ведь без этого нельзя показать войну правдиво. Как верно замечает А. Кондратович, «литература гуманна именно своей правдой. Утешительная литература опасна и вредна потому, что она застилает глаза иллюзиями, внутренне обезоруживает людей. Это было так ясно в первый год войны и стоило таких действительно бессмысленных жертв, что неужели об этом можно забыть?» *

Раскрывая войну во всей ее трагической сущности и жестокости, В. Быков тем самым подчеркивает цену и величие нашей победы, отрицает войну как средство разрешения общественных противоречий и вместе с тем заставляет читателя трезво смотреть на реальные вещи, внутренне подготовиться к любым суровым испытаниям, на случай, если враг посягнет на независимость нашей Родины.

Тем не менее В. Быкову следует принять ранее высказанный критикой серьезный и справедливый упрек в том, что он «концентрирует иногда внимание не столько на том, как люди понимают и принимают войну, а на том, как они не принимают ее» **. Другими словами, в произведениях В. Быкова не всегда достаточно четко выражено понимание его героями характера Великой Отечественной войны как войны справедливой, освободительной.

3

Лейтмотивом большинства повестей Василя Быкова — начиная с «Журавлиного крика» и кончая его последним произведением «Мертвым не больно» — является тема доверия к советскому человеку.

Отсутствие этой веры явилось причиной трагедии не для одного Алексея из кинофильма «Чистое небо». В повести «Мертвым не больно» офицер запаса Кузьмич, двенадцать раз формировавший роту штрафников из тех, кто «не досидел до конца войны» в плену и бежал, не без горькой иронии замечает: «Кто сегодня в героях? Брестская крепость и так далее! А я четверых из Бре-

* А. Кондратович. Человек на войне. «Новый мир», 1962, № 6.

** А. Вертинский. Человек побеждает. «Литература і мастацтва», 1 июня 1962 г.

стской крепости на Сандомирском закопал. Вот! Тогда не спрашивали, как в плен попал».

Вспомним другую повесть Быкова — «Западня». Потерпев неудачу в попытке склонить к измене пленного лейтенанта Климченко, гитлеровцы отпустили его к своим, предварительно предоставив нашим «неопровержимые» доказательства «предательства», якобы совершенного лейтенантом. Фашисты знали, как в таком случае отнесутся к Климченко. Это была дьявольская ставка на все те же перегибы памятных нам времен.

Но вот что характерно: ставка оказалась битой. Наши — в подавляющем большинстве — не поверили немцам, а поверили Климченко. Потому что каждый из тех, кто стал на защиту лейтенанта — и командир роты Орловец, и младший сержант Голонога, и связист Капустин, и те бойцы, что бросились вслед за Климченко в атаку, — все они верили прежде всего в самих себя, знали, что, будучи на месте лейтенанта, тоже не уронили бы чести советского воина.

Зловещая подозрительность капитана Петухова «из штаба полка» оказалась бессильной перед верой бойцов в своего товарища.

Конечно, по тем временам поддержка Климченко его однополчанами не могла иметь решающего значения для дальнейшей судьбы лейтенанта, она могла лишь на какой-то срок оттянуть развязку, уготованную ему Петуховым. («Пойдешь в трибунал!» — с ходу приговорил Петухов лейтенанта, даже не попытавшись сколько-нибудь вникнуть в суть дела). Но и в таком случае эта поддержка говорила о многом и существенном — о том, что попрание социалистической законности и естественных норм человечности никогда не одобрялось народом, что даже в те грозные, военные годы были люди, которые так или иначе противились этому.

Коммунистические идеалы владеют сознанием передового советского человека, и в этих идеалах — источник героизма героев быковских повестей, их беспримерной стойкости в борьбе с фашизмом, их высокого чувства достоинства и свободы. Человеку надо верить, говорит писатель, и если мы утверждаем незыблемость и всесильность нашей коммунистической идеологии, то необходимо исходить прежде всего из этого положения, то есть быть до конца последовательным в доверии к человеку.

К теме верности советских людей своей социалистической Родине В. Быков обратился также в повести «Альпийская баллада».

Герой повести Иван Терешко, бежавший из лагеря военнопленных, решает мучительный для себя вопрос: говорить ли Джулии, итальянской патриотке, бе-

жавшей вместе с ним, всю правду о своей стране, о своей жизни или кое о чем из нашего прошлого умолчать, исходя из принципов «высшей политики»? Не будет ли эта правда во вред его Родине и ему самому? И приходит к выводу: даже самая горькая правда лучше лжи. Нет, он не станет ей лгать, он скажет все, как было, и если у этой девушки честное сердце в груди, она поймет, что он хороший русский — не трус, не изменник.

Терешко помнит в истории своей Родины хорошее и плохое, светлое и мрачное. Но это его Родина, и в обиду он ее никому не даст. Он любит ее такой, какой она есть, но он страстно желает, он сделает все, что в его силах, чтобы плохое и мрачное ушло из нашей жизни, чтобы его Родину полюбили и другие честные люди, выросшие в другом мире.

Чтобы пробудить эту любовь, Терешко старается всегда и во всем быть достойным высокого и гордого звания советского гражданина. Поэтому, находясь в фашистской неволе, он подает пример великодушия, человеколюбия, мужества, честности, где-то в глубине души сознавая, что по нему судят о советских людях в целом и о его Родине в особенности.

Примечателен в этом отношении поединок Терешко с фашистским офицером, приказавшим Ивану почистить ему сапоги. Иван вынужден был подчиниться. Но, встретившись с осуждающим взглядом заключенных женщин-иностранок, Терешко понял, что лучше умереть, чем смириться с этим позором, и, «подхваченный гневной силой, от которой неудержимой тяжестью налились кулаки, бешено ударил немца в челюсть».

Этот поступок на многое открыл глаза Джулии. Но по-настоящему узнать и оценить Ивана она смогла лишь во время побега.

Правда, поначалу девушку смутила некоторая непоследовательность характера Терешко, несоответствие его поведения тем иллюзорно-романтическим представлениям о советском человеке, которые сложились у нее на основе устных легенд. Иван ударил ее по лицу, отобрал у австрийца-лесника хлеб и ту-журку... Но, присмотревшись лучше, Джулия убедилась: Иван — человек благородный, бескорыстный, добрый. Ударил в минуту гнева, да и она, Джулия, вела себя во время побега неразумно и неосторожно. Отобрал, потому что в этом была крайняя нужда: голодные и полураздетые, они, Джулия и Иван, далеко не уйдут. Да и он сам стыдится своего поступка и вторично вряд ли станет добывать харч таким способом...

Поняв все и всему найдя объяснение, Джулия полюбила Ивана. В простом парне из деревни Терешки у Двух Голубых Озер в Белоруссии она нашла нечто

такое, что не часто встречала у других людей: ясность жизненной цели, высокое сознание своего патриотического и интернационального долга. Позднее она будет благодарить провидение и случай за то, что они дали ей возможность «разделить с Ним последние три дня Его жизни—три огромных, как вечность, дня побега, любви и невообразимого счастья».

Но откуда любовь? Возможно ли счастье людей «в одном шаге от смерти»?

Автор отвечает: возможно. Именно в картинах «любви и невообразимого счастья» Джулии и Ивана и заключается гуманистический пафос «Альпийской баллады»: как хорошо могли бы жить люди, не будь войны и фашизма! И как много еще придется пролить крови и пота, чтобы сделать жизнь человека прекрасной, одухотворенной, счастливой!

В способности героев «Альпийской баллады» «жить всей полнотой чувств на краю могилы,—справедливо отмечает критик Д. Бугаев,—проявляется человеческая сила, органическое неприятие зла, разрушения и смерти, с которой никогда не сможет примириться гордый человеческий дух».*

Гуманизм В. Быкова воинствующий, совмещающий в себе и горячую любовь к добру, и страстную ненависть к несправедливости, подлости, злу. В борьбе за человека писатель не знает компромиссов. Он готов многое простить Лукьянову («Третья ракета»), честно осудившему свое малодушие. Но он беспощаден к пошлякам, трусам, карьеристам, пытающимся за спиной народа строить свое благополучие (Задорожный, Блищинский). Он не находит никакого оправдания для таких «железных фанатиков», как капитан Сахно («Мертвым не больно»), предложивший свои услуги врагу.

Образ Сахно, как и повесть «Мертвым не больно» в целом, заслуживает того, чтобы на них остановиться подробнее, ибо это произведение аккумулировало в себе, с одной стороны, то положительное, что присуще творчеству Василия Быкова, а с другой, сделало более заметными те просчеты и недостатки, которые были свойственны прежним произведениям писателя.

В Сахно без труда узнается «капитан со штаба полка» Петухов из повести «Западня». Но здесь Сахно-Петухову отведено центральное место, характер его раскрывается в действии, последовательно и глубоко, хотя и несколько односторонне. Каков внутренний мир Сахно, чем он живет, к чему стремится — об этом можно лишь догадываться. Психологически Сахно не раскрыт.

* Д. Бугаев. Последние дни и бес- смертие Ивана Терешки. «Литература і мастацтва», 2 марта 1965 г.

Свой воинский и гражданский долг Сахно видит в том, чтобы «пресекать» все, что не соответствует, по его разумению, «норме» поведения человека в той или иной обстановке, что так или иначе поддается истолкованию как контакт с врагом или пособничество ему. Стоило, например, роте старшего лейтенанта Кротова по чистой случайности заночевать в одной деревне с немцами, чтобы этим анекдотичным стечением обстоятельств занялся Сахно—состряпал на Кротова «политическое» дело. Большинство тех, кто жил на оккупированной территории, для него «националисты», кто перекинулся несколькими словами с военнопленным — «распропагандированный элемент», кто сомневается в допустимости его методов следствия—лицо, которое надо «тряхнуть» и «проверить».

Но вот что любопытно: это пристрастие к различного рода «разоблачениям» настолько чудовищно и нелепо, что отказываешься верить в реальную пользу его деятельности вообще, не видишь за его поступками неумолимой логики борьбы. Складывается впечатление, будто Сахно действует не по внутренней убежденности, а больше для того, чтобы выслужиться, чем-то оправдать свое призвание.

Да так оно и есть на самом деле. Сахно—формалист до мозга костей. Он не видит живого человека и те реальные условия, в которых человек действует, не желает принимать во внимание стечение обстоятельств,—он действует согласно инструкции.

Характер его «угловатый». Его не подведешь под обычный стандарт труса или карьериста. «Где это нужно было,—вспоминает о нем фронтовик Василевич,—он был даже храбр. Да и другим трусить не давал». Был крут и беспощаден, и не только к другим, а и к самому себе. Но к себе только до известного предела, пока на карту не ставилась его жизнь. Когда же пришлось выбирать: самоубийство (как того требовал от других) или плен, он выбрал последнее.

Прямолинейность и жестокость Сахно выступает в повести как оборотная сторона и логическое продолжение «сверхбдительности», как конечный результат антигуманистической сущности культа личности.

Но, может быть, без жестокости нельзя было обойтись в военное время? Возможно, прав единомышленник Сахно—Павел Иванович Горбатюк: «на войне беспощадность—не грех»?

Нет, решительно возражает В. Быков повестью «Мертвым не больно». Победа нашего народа над самым страшным и коварным врагом—немецким фашизмом—была обеспечена не силой принуждения и страха, как кажется Горбатюку. («Война—не мать родная,—разглаголь-

ству
на.
А
нос
Что
мас
ветс
стич
ли
Вел
телл
В
ну
силе
бойн
нок
жен
ные
сивл
ле
захл
ране
прак
деен
затн
шей
М
Вас
ране
серя
при
ряде
несм
еще
«там
ющу
воин
друг
Н
жеш
они
борь
жер
новн
ветс
ческ
допо
П
стве
софо
Са
ковь
ный
чему
наиз
ских
этом
ками
к тр
врем
ступ
прав
кусс
но м
*
прав
реля

ствует Горбатюк. — Там твердая рука нужна. На смерть никому не хочется идти. А что же — сознательность? Сознательность — в газетах, а тут принудить надо. Чтоб боялись»..) Наша победа — результат массового самоотверженного героизма советских людей, руководимых Коммунистической партией, людей, которые видели и понимали патриотический смысл Великой Отечественной войны и **сознательно** шли на многие и многие жертвы.

В самом деле, кто понуждал старшину Евсюкова, младшего лейтенанта Василевича, капитана-интенданта и других бойцов и командиров вступить в поединок с «тиграми», имея на своем вооружении лишь винтовки и противопехотные гранаты? Или рядового Ковалю, бросившегося на перехват танков уже после того, как атака немцев по существу захлебнулась? Или офицера-журналиста, раненых санитаров, без лишних слов отправившихся по приказу полковника Гордеева (приказ был таков: «кто может») заткнуть хоть чем-нибудь прореху в нашей обороне?..

Можно вспомнить также нежелание Василевича отправиться в санчасть с ранением, бесстрашие и решительность сержанта-десантника, бросившегося под прицельным огнем немцев «наводить порядок», Юрку Стрелкова, решившего, несмотря на ранение, вернуться в строй еще до приказа Гордеева, потому что «там мало народу», наконец, Катю, знающую только одно — выполнение своего воинского долга и живущую только для других.

Ни одному из этих героев не откажешь в патриотизме. Не скажешь, что они не осознают истинный смысл нашей борьбы с фашизмом, наших мук и наших жертв. Жесткость и жестокость «сахновщины» отнюдь не облегчали путь советскому народу к его всемирно-исторической победе, а наоборот, создавали дополнительные трудности.

Против «философии» Горбатюка, собственно, и направлена вся идейно-философская концепция повести.

Сахно — тип, подсмотренный В. Быковым в обыденной жизни, но показанный в трагической ситуации, благодаря чему писателю удалось вывернуть его наизнанку. Это один из любимых быковских приемов раскрытия характеров. Поэтому нельзя согласиться с теми критиками, которые в обращении В. Быкова к трагическим ситуациям войны «в то время, когда наши войска победно наступали», видят искажение жизненной правды*. Давно уже доказано, что в искусстве типичное отнюдь не тождественно массовому.

* С. Баренц, И. Лашков. Вопреки правде жизни. «Красная звезда», 20 апреля 1966 г.

Выбор ситуации диктуется художественным замыслом произведения, потребностью глубоко и верно раскрыть характеры героев.

В самом деле, легко ли в Блищинском угадать предателя, труса в ходе наступательных боев, когда всё катится как по маслу и штабнику Блищинскому не приходится дрожать за свою шкуру? Черта с два! Он так повернет чужие успехи в свою пользу, что не останется ничего иного, как в знак поощрения послать его на офицерские курсы (такова его ближайшая жизненная цель).

То же самое можно сказать о Сахно и «сахновщине».

При оценке повести «Мертвым не больно» нельзя забывать о творческой индивидуальности писателя, о специфике художественной литературы, нельзя на основе произвольно вырванных реплик, фраз искусственно выводить «ложную идею» и инкриминировать ее автору. А ведь именно так поступили С. Баренц и И. Лашков в своей рецензии «Вопреки правде жизни», обвинив В. Быкова в «противопоставлении командиров массе воинов». Рецензенты словно бы не замечают, что основной конфликт повести строится в совершенно ином плане — в плане борьбы человечности против насилия и жестокости. А носителей того и другого в повести можно обнаружить и среди «начальства», и среди «рядовых».

4

В «Мертвым не больно» В. Быков по-прежнему остается верен героической теме — тому основополагающему, что определяет характер советского человека и что, будучи подсказано писателю его жизненным опытом, органически вошло в его творчество, начиная с самых ранних рассказов «В первом бою», «Смерть человека». Здесь, в повести «Мертвым не больно», выведена целая галерея героических характеров, из которых более всего запоминается санинструктор Катя.

Образ Екатерины Щербенко, или просто Кати, как ее называют бойцы, — бесспорная творческая удача В. Быкова. Это — настоящая труженица войны, человек большого сердца, удивительной храбрости и самообладания. Правда, война несколько огрубела ее, сделала не по-женски вспыльчиво-резкой, но она не отняла у нее главного — человечности, отзывчивости к чужой беде. Грубость ее — невольная, напускная, больше от нервного перенапряжения, она — как защитный рефлекс против непосильного бремени войны, обрушившегося на ее девичьи плечи. Катя до конца своих дней сохраняет чувство женской гордости, порядочности, моральную чистоту. За несколько минут до смерти, истекая кровью, она не

позволяет Василевичу даже перевязать ее — стыдится своей наготы.

Однако наиболее полно в повести обрисован Леонид Василевич, от имени которого и ведется рассказ. По духу и складу характера — это родной брат Лозняка. Та же беззаветная преданность Родине, своему гражданскому и воинскому долгу, та же неподкупная человечность, выступающая в тесном союзе с ненавистью к злу во всех его ипостасях. Именно последнее обстоятельство (союз любви и ненависти) делает человечность Василевича действенной и конкретной. Он верит в человека, в непреодолимую силу добра, понимает диалектику жизни. Поэтому и взгляды его на действительность, на человека в основном реалистичны и трезвы. Казалось бы, кому-кому, а Василевичу, столько претерпевшему лишений и издевательств от немцев, никогда не найти в себе понимания или даже доброго слова для бывших врагов. Но вот проходят годы, зарубцовываются старые раны, и в Энгеле, сельском учителе из Силезии, он видит уже не только покорного исполнителя «воли фюрера», но и те черты человека, которые в иных, нынешних, условиях могут стать для него главными. И это отнюдь не дань абстрактному гуманизму, не христианская «любовь к ближнему», а умение видеть жизнь в движении, способность проникать в сущность явлений, исходя из опыта двух послевоенных десятилетий.

Вместе с тем в характере Василевича нетрудно заметить известную непоследовательность, даже двойственность. С одной стороны, это не менее смелый, чем Лозняк, непримиримый борец против зла и несправедливости, отважный воин (вспомним, с какой самоотверженностью борется он за жизнь своего друга Юрки Стрелкова, как мужественно ведет себя в поединке с вражескими танками). А с другой стороны, есть в поведении Василевича какое-то смятение, какая-то растерянность перед некоторыми явлениями, разобраться в которых ему не всегда удается.

Василевич сознает необоснованность, даже нелепость болезненной подозрительности капитана Сахно. Тем не менее он почти безропотно подчиняется капитану, ведет себя так, будто перед ним не живой человек, с которым можно и надо бороться, а какой-то мистический рок.

В чем тут дело? Неужели Василевичу следует все же отказать в личном мужестве, самоотверженности? Нет, конечно. Василевич — бесстрашный, активный боец, когда знает, с кем и во имя чего он должен драться. Он — солдат, когда видит перед собой вооруженного фашиста. Тут его не надо учить, как поступать в том или ином случае. Но как толь-

ко Леонид встречается с явлением непонятным, скажем, все с той же «сверхбдительностью», выражающей по форме непреложные законы классовой борьбы, а на деле искажающей их грубым попранием человечности, беззаконием, недоверием к советскому человеку, — Василевич невольно опускает руки: где же истина? Против кого и как воевать? И прав ли будет он в своих действиях?

В отличие от Лозняка, пристрелившего труса и предателя Лешку Задорожного и тем самым совершившего над ним справедливый суд от имени погибших товарищей, Василевич не мог поступить таким же образом в отношении подлеца и карьериста Сахно: последний действовал в его глазах «от имени власти». Той самой народной власти, которая взрастила и подняла миллионы таких Василевичей и за которую он, Василевич, сражался, не щадя жизни.

В этом заключалась трагедия Василевича. Если бы писатель навязал герою повести более активную, бескомпромиссную борьбу с Сахно и ему подобными, то тем самым была бы искажена правда того сурового времени, снята острота конфликта, произошло бы упрощение характеров и самой ситуации...

Итак, снова трагедия как отличительная черта, как свойство мировосприятия Василя Быкова. Но правомерно ли применение понятия трагического к героям типа Леонида Василевича? Некоторые теоретики отвечают: нет, не правомерно — в их концепциях нет места подобным трагедиям.

Согласно одной из таких концепций, трагический герой — это «возвышенный характер», во всех случаях выступающий как активная действенная сила, смело вторгающийся в ход событий с целью «разрешения неразрешенных и исторически временно не разрешимых глубинных общественных противоречий», «это, как правило, цельная, внутренне целостная личность, которой присуща внутренняя организованность, целеустремленность и активность»; трагический герой «неизбежно сам вскрывает трагические противоречия, сам идет, сам стремится к ним», он непременно что-нибудь «взрывает», «разрушает» и нередко гибнет*.

Слов нет, подобный герой несет в себе главное в проблеме трагического, он выражает ее с наибольшей полнотой и законченностью, но понимать трагический характер только так, как понимает его Ю. Боров, значит сужать сферу трагического, искусственно отлучать от нее многих героев классической и современной литературы, таких, как стан-

* Ю. Боров. О трагическом. М. «Советский писатель». 1961, стр. 228, 229, 250.

ционный зритель Пушкина, Анна Каренина и другие.

У В. Быкова есть рассказ «Незаживающая рана». Героиня рассказа престарелая женщина—Текля. Она не совершает никаких подвигов, ни с кем и ни с чем не борется. Только ждет. Шестнадцать мучительно долгих лет ждет сына, отнятого у нее войной. Ждет, потому что материнское сердце не может примириться с невозвратимой утратой, потому что в списках убитых и пропавших без вести сын не значится, потому что противоестественно видеть или сознать мертвым того, кто по законам природы должен быть твоим преемником на земле. Это—настоящая трагедия.

Однажды Текле почудилось, будто сын ее где-то вблизи, на подступах к родному дому. Не выдержала—вышла на улицу, стала всматриваться в дорогу, затем пошла... И так брела по осенней хляби от деревни к деревне, пока под вечер дорога не привела ее на опушку леса к братской могиле. Может, и ее сын похоронен здесь?

«Нет, его не было и здесь. «Лейтенант Аверьянов, гвардии старшина Кузнецов, рядовые Бондарев, Пилипенко, Черных и другие». Но кто же эти другие, почему не написаны их имена? А может, и он здесь, в числе этих неизвестных других?..»

Она уже не могла уйти отсюда, вцепилась руками в холодные штукетины, и из глубины ее души вырвался страшный вопрос:

— Сыночек мой, где же ты?».

Нет, не следует ограничивать писателя в поисках своей трагической темы, как нельзя теорию выводить из отдельных, пусть и очень ярких произведений—«эталонов», минуя богатейший опыт современной советской литературы, все более зорко и пристально всматривающейся в «рядового», «массового» человека.

Трагический характер, по нашему убеждению,—это любой в силу своего нравственного содержания заслуживающий сочувствия и любви персонаж, поставленный в трагические обстоятельства и испытывающий на себе **непосредственно** всю тяжесть трагической ноши. Он может быть носителем так называемой «трагической вины», но может и не иметь ее, может сознавать трагичность своего положения—и тогда он борется, но может и не сознавать этого—и вести себя отнюдь не героически. Трагический герой не только «вершина», по которой «молния бьет» в первую очередь (определение Ю. Борева), но и «высотка», по которой проехало колесо истории. Трагедия героя—не только следствие внутренних противоречий, заложенных в самом характере, но и ре-

зультат стечения трагических обстоятельств, оказывающихся в ряде случаев сильнее человека.

По общему признанию, трагедия—наиболее философский жанр литературы, требующий особой духовной прозорливости художника, его умения глубоко и всесторонне отразить «состояние мира». В этом отношении В. Быков достиг многого. Но, как показала его последняя повесть «Мертвым не больно», тяготеющая к жанру трагедии, постижение жизни в ее трагическом преломлении—дело чрезвычайно трудное и не всегда удается даже опытному мастеру.

«Состояние мира» в «Мертвым не больно» выражено неполно. В своем искреннем желании до конца развенчать «сахновщину», показать ее несовместимость с нормами нашей жизни автор слишком много внимания уделил злодеяниям капитана, превратил его в фигуру всемогущую, чуть ли не «демоническую», и эта злобная фигура, показанная **только** со своей «функциональной» стороны, в чем-то потеряла реальные очертания живого человека, придавила своей «железобетонностью» подлинных героев повести, в том числе и Василевича.

С другой стороны, поединок человечности с «сахновщиной» изолирован от главного конфликта того грозного времени—от борьбы советских людей против фашизма, он занимает в повести главенствующее место. В результате произошло определенное смещение акцентов в освещении и оценке событий войны, на что справедливо указывает В. Севрук в статье «Правда о великой войне»*. Если во «Фронтной странице» подобный конфликт между честностью и подлостью, героизмом и шкурничеством мог быть доминирующим, поскольку действие повести имеет сугубо локальный характер, не претендует на воспроизведение «состояния мира», то в «Мертвым не больно», где нарисован широкий фон событий, сделаны широкие обобщения, такой прием оказался несостоятельным.

Кстати, не только характер конфликта, но и ситуация, расстановка сил, общий колорит повести «Мертвым не больно» в чем-то напоминают «Фронтную страницу». И тут и там действие происходит на «ничейной территории», во вражеском окружении, и тут и там бойцы кружат по бурной, заснеженной степи в поисках выхода из «мешка», в который попали не по своей воле, и по мере того, как «мешок» затягивается, положение осложняется, раскрывается истинное лицо каждого героя. И тут и там через все произведение крупным планом проходят отрицательные персонажи. Но это отнюдь не результат авторского недосмотра, тем более—«исто-

* «Правда» от 17 апреля 1966 г.

щения запасов жизненных наблюдений», как кажется И. Кузьмичеву*.

В. Быков принадлежит к числу тех художников, которые, как сказал А. Адамович в отношении К. Чорного, «одно и то же явление» умеют «увидеть каждый раз по-новому, с новой стороны» и не могут «охладеть» к материалу, теме, идее до тех пор, пока не исчерпают их полностью. Как и Чорный, Быков творит «соком нервов» своих, а поэтому то, что он пропустил через свою творческую фантазию», становится для него «дважды пережитым», приобретает над ним «какую-то особую власть»**.

Повесть «Мертвым не больно» вызвала ряд положительных и критических отзывов. В интересах автора и литературы в целом полезно разобраться в ее

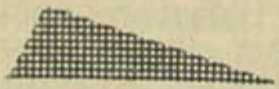
* И. Кузьмичев. Больно живым. «Огонек», 1966, № 16.

** А. Адамович. Путь к мастерству. 1959, стр. 21.

достоинствах и недостатках без излишней нервозности и категоричности суждений, без полемических перехлестов в одну и другую сторону.

Творчество Василя Быкова отстаивает идеи XX и последующих съездов Коммунистической партии нашей страны; оно опровергает наших идеологических противников, утверждающих, будто советскому искусству чужда трагическая тема, будто метод социалистического реализма сковывает творческую индивидуальность художника, будто социалистический гуманизм пренебрегает человеческой личностью.

Творчество Василя Быкова утверждает испытанные в горниле нашей войны с фашизмом немеркнущие идейные и моральные ценности: верность ленинским революционным идеалам, интернационализм, любовь к родной земле, высокое достоинство человека-воина и созидателя, внимание к каждому как непрременное условие счастья всех.

Зах

Е
стр
поя
из
Фра
при
пре
цер
и А
Р
рит
был
ски
лин
Н
ски
род
ход
нар
ком
ми
кре
ской
Н
нар
бла
ехал
име
скри
вын
пита
вян
нати
дзил
жал
лию
обра

Захар ДИЧАРОВ

НИКОЛАЙ РУССЕЛЬ

В САН-ФРАНЦИСКО

В начале 90-х годов прошлого века на страницах американских газет начали появляться сообщения, касавшиеся лиц из числа русских, проживавших в Сан-Франциско. Особенное внимание печати привлекали врач Николай Руссель и представитель русской православной церкви в Америке епископ Алеутский и Аляскинский Владимир.

Имя Николая Русселя мало что говорит современному читателю, хотя это был известный для своего времени русский революционный деятель, чья подлинная фамилия Судзиловский.

Николай Константинович Судзиловский был участником «хождения в народ» в 70-х годах и в числе других проходил по «Процессу 193-х». Вместе с народниками Войнаральским, Коваликом, Городецким, Чернышевым и другими он вел революционную работу среди крестьян Николаевского уезда Самарской губернии.

Когда в 1874 году начались аресты народников, Судзиловский спасся лишь благодаря случайности. Жандармы приехали за ним в Могилевскую губернию, в имение его отца. Судзиловский успел скрыться в саду, а затем старик-дядька, вынянчивший его, положил своего воспитанника на дно телеги, накрыл деревянным корытом и засыпал сеном. Принятый полицией за немца-менонита, Судзиловский добрался до границы и бежал в Румынию. Там он принял фамилию Русселя и завершил медицинское образование.

«После многих лет, проведенных в разных частях Балканского полуострова: Румынии, Болгарии, Румелии и Турции, в 1886 году, вскоре после болгаро-сербской войны, я покидал Византию, — писал Руссель позднее, — ... в Филипполе провожали меня мои болгарские друзья «русской партии», члены основанного мною славянско-демократического клуба».

Через Францию Николай Руссель добрался до США и поселился в Сан-Франциско. В 1892 году он принял американское подданство и несколько лет жил на Гавайских островах. Здесь он оставил по себе память как мужественный защитник прав канаков, просветитель и врач, оказавший туземному населению, страдавшему под игом американских колонизаторов, бескорыстную помощь. «Каука Лукини» — «добрый доктор» — называли его гавайцы.

В 1905—1906 годах, во время первой русской революции, Руссель вел революционную пропаганду среди русских пленных, находившихся в Японии. Куда бы ни забрасывала его судьба, до глубокой старости оставался он неутомимым борцом за демократию и свободу. В 1930 году, на девяностом году жизни, возвращаясь на родину, он умер в пути.

Эти краткие биографические данные необходимы для того, чтобы составить реальное представление о конфликте революционера с представителем поповщины.

В 80—90-х годах XIX века русское

православие, имевшее ранее в США своей вотчиной главным образом Алеутские острова и Аляску, проникло и на дальний запад Америки. Причиной этого было увеличение иммиграции в США из России и стран Восточной и Южной Европы, население которых в значительной своей части исповедовало православие, и постепенное расселение иммигрантов по всей территории США, особенно в западных штатах.

Кроме того, среди переселенцев из России в Америке насчитывались многие тысячи духоборов, молокан, сектантов различных направлений и толков. Святейший Синод не мог примириться с тем, что, будучи недосыгаемы для административных и судебных преследований, «инаковерующие» останутся без «пастырского наставления». Возвращение этой категории иммигрантов в лоно православия было далеко не последней задачей представителей русской церкви в Америке.

Ввиду всего этого столица православия в Америке была перенесена из Аляски в Сан-Франциско. Полномочным представителем Синода в США сделался епископ Алеутский и Аляскинский Владимир.

Как отмечает Е. Лазарев, один из народников-«землевольтцев», бежавших от преследований царизма в Америку, Святейший Синод поручил Владимиру «насаждать в Америке и блюсти во всей чистоте русское исконное православие».

Однако вскоре членам русской колонии в Сан-Франциско стало известно, что епископ Владимир понимает свою задачу весьма своеобразно. Прежде всего он «окружил себя большим штабом лиц всех возрастов, вер, наций и званий, до беглых уголовных каторжан включительно».

Выяснилось, что духовный пастырь привез с собой из России мальчиков-певчих и прислужников-семинаристов, которых содержит в кошмарных условиях. Некоторые из мальчиков епископом были попросту выкрадены из России. Покидая епархию, в которой он служил ранее, Владимир обманным путем увлек с собой нескольких детей, обещая им дать в Америке образование и обеспечить карьеру священника. На самом деле ни о каком воспитании в «царстве» епископа Владимира не было и речи; священнослужитель обучал подростков гомосексуализму.

«Вскрылось дело Мартыша, дело Бобовского и многих других, — рассказывает Е. Лазарев в одной из своих публицистических работ, опубликованной в 1902 году в Женеве. — Дознание выяснило чудовищные подробности. Мальчиков сажали в отвратительные карцеры; в помещении царили грязь и вонь. Царствовал фаворитизм».

Разврат, однако, не был единствен-

ным пороком наместника русского православия в Америке. Вскоре по его приезде таинственным и необъяснимым образом в Сан-Франциско сгорела православная церковь. Пожар начался сразу же после ухода епископа из помещения храма.

На постройку новой церкви Владимир затребовал от Синода громадную сумму. Кроме того, он начал сбор пожертвований. Из собранных и полученных от Синода денег значительная часть была разворована. Наконец церковь построили, но священникам, служившим в ней, Владимир приказал платить лишь половинное жалованье.

Новые «подвиги» епископ Алеутский и Аляскинский совершил, объезжая свою епархию. Его бесчинства вызвали многочисленные жалобы и заявления иммигрантов северных штатов. «Деяния» Владимира не могли остаться в тайне. О них становилось известно и русскому и американскому населению Сан-Франциско. О славянской колонии этого города стали распространяться всевозможные слухи, порочащие честь и достоинство всех русских людей.

Русская колония, в составе которой было немало атеистов, не имевших никакого отношения к церкви, к православию, решила, тем не менее, потребовать изгнания Владимира с занимаемого им поста. На митинге, проходившем под председательством Николая Русселя, была принята резолюция, требовавшая от Синода отозвания Владимира из американской епархии. Текст резолюции был направлен и самому епископу.

Можно себе представить ярость архипастыря. Он предписал Русселю немедленно явиться в консисторию на духовный суд для покаяния в совершении столь тяжкого греха, как «возмущение против Бога и его представителя в Американской республике». При отказе подчиниться Владимир угрожал Русселю отлучением от церкви.

Доктор Руссель, разумеется, не явился. Тогда епископ прислал ему новое письмо. В нем он грозил Русселю не только церковной расправой, но и обычным земным судом. Обвиняя Русселя в двоеженстве (у Судзиловского в России осталась семья), Владимир грозил предать его суду. Но у Русселя имелся документ о разводе с женой, оставшейся в России, засвидетельствованный в русском посольстве, документ, о котором Владимиру известно не было. Русский врач снова ответил коротким, но энергичным отказом предстать пред очи духовного пастыря.

Вскоре после этого епископ Алеутский и Аляскинский предал Русселя анафеме. Звучала она злобно и устрашающе, и текст ее сразу же появился на страницах американских газет. Не без удивления американцы, особенно жители

Сан-Франциско, отлично знавшие и уважавшие доктора Русселя как прекрасного врача и гуманиста, читали:

«Стеньке Разину, Ваньке-Кайну — анафема! Гришке Отрепьеву, Емельке Пугачеву — анафема! Злочестивому нигилисту, богопротивному двоеженцу Николае Судзиловскому — анафема-маранафа!»

Оглашения проклятия Владимиру показалось недостаточным. Он послал тексты анафемы самому Русселю и в Россию, в Синод.

Документ этот таков, что стоит привести его хотя бы в выдержках.

«Р. П. К. (Русская православная консистория. — З. Д.) в Аляске. 21 января 1890 г. С.-Франциско, Калифорния. № 19.

Называющему себя православным христианином врачу Николаю Русселю.

Поелико в ответе своем от 19 декабря 1889 г. Вы с не христианской гордостью написали Нам, что не признаете судебной власти церкви в этой стране, — на такое неповиновение... да будет Николай Руссель — анафема маранафа... да будет предан во власть Сатаны на муку вечную... да будет лишен таинств св. церкви и христианского погребения. Всем истинным христианам Аляскинской Епархии запрещается общение с ним... под страхом вечного Божьего наказания за преступление.

Владимир,
Епископ Алеутский и Аляскинский».

Но полагая, что предав Русселя проклятию, он уничтожит его в общественном мнении, Владимир ошибся. Против епископа было возбуждено одновременно несколько судебных процессов. В одних случаях он обвинялся в педерастии; со своей стороны Н. Руссель возбудил против него дело, требуя возмещения материального ущерба, причиненного его медицинской практике провозглашенной Владимиром анафемой и, следовательно, компрометацией.

Когда формальные жалобы, а также различные слухи, дошедшие через печать и дипломатические каналы, стали известны в Синоде, обер-прокурор Синода К. Ф. Победоносцев дал распоряжение создать комиссию под руководством авторитетного американского юриста и произвести всестороннее расследование инцидента. Организовать это расследование было приказано русскому консулу в Сан-Франциско.

Столь быстрая реакция главы русского православия была вполне объяснима. Играя важнейшую роль и во внутренней и во внешней политике России Александра III, Победоносцев отлично понимал, какой урон престижу русской церкви нанесет широкое распространение в европейской и мировой печати «деяний» представителя этой церкви в Америке.

Понимал и спешил принять все меры к тому, чтобы возможно скорей и без шума уладить скандал.

Известный в Соединенных Штатах юрист Платт подтвердил все обвинения против епископа Владимира. Доклад его был переслан Синоду, и вслед за этим Владимир получил приказ о немедленном возвращении в Россию.

В свою очередь русский консул в Сан-Франциско ознакомил Николая Русселя с телеграммой, полученной им из Петербурга от товарища министра иностранных дел.

«Анафема, произнесенная Владимиром над Николаем Русселем, признана Синодом недействительной и несуществующей. Можно объявить в газетах. Влангали».

Царское самодержавие, напуганное сенсационными разоблачениями высшего церковного служителя, также поторопилось замять скандал, принявший международный характер и позоривший Россию. Но Русселя и русскую колонию в Сан-Франциско подобные меры не удовлетворили. Они потребовали предания Владимира суду США и осуждения его за уголовные преступления по американским законам. И поскольку все прогрессивные круги США были в этом случае на стороне Русселя, такой поворот дела был вполне возможным и реальным.

Победоносцев, понимая, что открытый гражданский суд над русским епископом окончательно втопчет в грязь и без того пострадавший авторитет русского православия в США, шлет Русселю следующую телеграмму:

«Письмо получено. Отвечаю по почте. Епископ отозван. Чего хотите вы еще? Процесс был бы неприятен для всех. Победоносцев».

В двух последовавших за этим письмах Победоносцев убеждал Русселя в том, что Владимир — психически больной человек, что он не ответствен за свои поступки и скоро будет помещен в сумасшедший дом. На место Владимира был срочно прислан из России архимандрит Николай.

Но тут все дело приняло новый, еще более сложный оборот. Владимир наотрез отказался сдать дела своему преемнику, не допустил его к управлению епархией и продолжал занимать прежнюю должность, строя в Синод доносы и на американского адвоката Платта, и на русского вице-консула в Сан-Франциско Набаума (бывшего одновременно вице-президентом Аляскинской торговой компании). Вернуться в Россию Владимир также отказался.

Чтобы запутать дело и замести следы своих преступлений, он принялся отсылать свидетелей — кого куда. Одних назначал в отдаленные приходы епархии — то попами, то еще какими-либо служите-

лями, других отправлял в Россию, угрожая в случае разоблачений всяческими карами. Наименее податливых — подкупал. Были даже случаи, когда на должности священников назначались люди, не исповедовавшие православную религию.

Наконец после долгих проволочек дело о епископе Алеутском и Аляскинском Владимире поступило в Синод. Но тут в дело формально вмешалось правительство Александра III. Оно нашло, что для доказательства виновности Владимира свидетелей недостаточно. Епископ был отпущен «с миром», причем декорума ради ему было указано, что делается это не из-за того, что он невиновен, а «из уважения к престижу церкви, главой которой он состоит».

Обер-прокурор Победоносцев сделал все для того, чтобы позорная преступная деятельность высшего священнослужителя православия была скрыта от русского общественного мнения и чтобы в то же время не пострадал авторитет Синода.

Впрочем, тут он просчитался. Возмущенная таким исходом дела, русская колония в Сан-Франциско собралась 19 сентября 1890 года и единодушно потребовала предания Владимира американскому суду. На следующий день в прессе появилась резолюция собрания, в которой говорилось:

«Принимая во внимание вообще дурное, бессмысленное, деспотическое и жестокое управление епархией, выразившееся в восстановлении средневековой бурсы, со всеми ее ужасами, под именем духовной семинарии, растрату церковных денег на чисто личные надобности, удержание обманом жалованья у служащих, самовольно взятую на себя, недостойную высокого духовного сана роль полицейского сыщика, осквернение кладбища... сообщничество с преступниками и покровительство людям, обвиняемым в краже общественного имущества... подкуп, ложные доносы, подделку имен под ложными документами и прочее... колония, которая связана общей сыновней любовью и симпатией к своей родине... отдает епископа Владимира на суд общественного мнения этой страны, как недостойного своего сана и положения».

Но, пожалуй, самым важным в этой резолюции был заключительный абзац, в котором говорилось, что Владимир должен быть осужден общественным мнением как человек, «представляющий в ложном свете Россию в Америке и американский народ в России».

Русская колония просит, говорилось в резолюции под конец, «... правительство Штата (Калифорния.—З. Д.), не обращая внимания на сан и положение,

поступит с ним (Владимиром.—З. Д.) как он того заслуживает».

Еще ранее русская колония избрала для расследования дела епископа Владимира полномочных лиц; теперь они передали в органы американской юстиции все документы по обвинению Василия Соколовского (мирское имя Владимира).

В обращении, предварявшем дело Соколовского, говорилось о том, что «...не брезгая средствами, епископ и русское консульство—представители двуглавого орла—употребляли во всех направлениях свое влияние, чтобы помешать рассмотрению дела и обвинений, выдвинутых против епископа Владимира».

Комитет, избранный русской колонией (его председателем был Александр Зингер), представил в прокуратуру свидетельские показания Поварчука, Кучерявого, Аллена. Один из проповедников, находившийся на Аляске,—Федоров, довел до сведения прокуратуры показания других жертв епископа Владимира: мальчиков Кармелюка, Бобовского, Санецкого, братьев Мартышей—детей священника Мартыша. Часть из этих свидетелей была уже выпровождена Владимиром в Россию. Кроме названных свидетелей, комитет указывал фамилии и других мальчиков, растленных епископом.

Прокуратура штата Калифорния под давлением общественного мнения отнеслась к делу с достаточной серьезностью. Готовился приказ об аресте Владимира и предании его гражданскому суду. Однако русское консульство и сам епископ узнали об угрожающих последнему санкциях, и Владимир внезапно скрылся из Сан-Франциско. На этот раз его не пришлось принуждать к возвращению в Россию...

Вернувшись в Петербург, Владимир, как следовало ожидать, не понес никакого наказания. Наоборот. Вскоре он был назначен викарным епископом в Воронежскую епархию, а в 1895 году по представлению Победоносцева... награжден орденом «За усердие».

Русское реакционное православие не смущалось никакими уголовными преступлениями, никакими самыми низменными пороками, которыми была отмечена деятельность и жизнь «столпов» церкви. Усердие в преследовании инакомыслящих, полицейский надзор за своей паствой, борьба за утверждение влияния официальной церкви во всех сферах внутренней жизни народа и государства—ценились гораздо выше.

Дело Владимира, епископа Алеутского и Аляскинского, показало это достаточно наглядно.

Мы

Бела
Бела
Бор
В пр
Глав
...И
Мин
МТЭ
Пор
Сто
Час

Пр
чев
ков
вич
ко С
ко Ф
Ал
ров
вич
нов
ский
ков
Ба
льи
Богу
ко А
ко В
Ба
гора
зов
рев
дин
Бутк
рак
Ва
Вайн

Содержание журнала «Неман» за 1966 год

Мы в 1970-м. 5—3.

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

Беларусь торговая. 1—3.
Беларусь индустриальная. 3—3.
Борозда через весь мир. 7—3.
В преддверии нового. 2—3.
Главная пружина. 10—3.
...И пять следующих шагов. 4—3.
Минск многоязычный. 8—3.
МТЗ шагает дальше. 11—3.
Пора больших перемен. 12—3.
Сто тысяч!.. 5—7
Час болот пробил. 9—3.

ГЕРОИ—НАШИ ЗЕМЛЯКИ

Предисловие. Абазовский К. А., Авхачев Ф. М., Акуционок П. А., Алейников С. П., Алексеев И. Е., Алехнович А. А., Ананьев М. А., Анищенко С. П., Антоненко А. К., Архипенко Ф. Ф.—5.

Аврамков П. И., Авдеев М. В., Азаров С. И., Азончик А. С., Алешкевич С. Ф., Анташкевич Ф. К., Антонов М. М., Барыкин Е. И., Бельский И. А., Булат Б. А., Бумажков Т. П.—6.

Барташов М. В., Батраков М. Г., Бельский А. А., Белявин Е. С., Бобрук С. А., Богушевич И. М., Болбас А. К., Борейко А. А., Борисов М. В., Борисенко В. А., Бруй Ф. Ф.—7.

Басенков П. Х., Баталов Г. М., Богорад С. Н., Богданов Г. Б., Банкузов А. И., Буйневич П. Н., Бондарев А. М., Боричевский А. И., Бородин Т. С., Бухонка П. Н., Бурак А. К., Буткевич Л. В., Бумагин И. Р., Бурак А. М., Быков М. С.—8.

Вашкевич А. А., Воронцов А. Н., Вайнруб Е. Г., Вайнруб М. Г., Ворон-

чук А. Я., Волох А. А., Вольватенко И. К., Вихнин З. Д., Вакульский А. В., Высогорец М. А., Власенко И. А., Воропаев И. К., Василевский Е. В., Величко Г. И., Ваксман И. Ф., Вольский В. Г., Волюнец А. И.—9.

Габрусев А. К., Гармоза М. М., Гаселло Н. Ф., Глазунов П. А., Гриб К. П., Гельман П. В., Головачев П. Я., Горегляд Л. И., Горелик С. А., Горнов Т. Я., Горовец А. К., Грицевец С. И., Гусаковский И. И., Гучок П. И., Гуринов А. И.—10.

Гапеенок Н. И., Горфункин Г. С., Гинтовт В. М., Гончаров Я. И., Григорович М. Ф., Грищенко П. Л., Гуревич С. Ш., Дубровский Ф. Ф., Данилицкий А. П., Данилюк Л. С., Демидов В. А., Деменков Л. В., Добровольский Е. В., Доватор Л. М., Долбешкин П. Л., Дудчик П. А., Дулеба А. Н., Дьяков И. И., Дюбка А. Ф., Ерашов И. М., Ермоленко П. И.—11.

Елейников С. Е., Ермак В. И., Еронько В. И., Ерошенко В. И., Жгиров Ф. Е., Жданов П. И., Жигунов В. Р., Жмуровский Д. П., Жолудев Н. И., Жук А. А., Жуков П. С., Жуков С. И., Жучков Т. С., Завадский В. Г., Заслонов К. С., Зайцев Н. Я., Зеленкин М. М., Зинькович М. И., Захаров И. К.—12.

СТИХИ, ПОЭМЫ

АБДУРАЗАКОВ Азис. Я один у озера стою... Стихи. Перевел с узбекского С. Липкин. 5—20.

АВРАМЧИК Микола. Пять стихотворений—Ключи журавлиные. Родные сосны. Анкета. Солигорские шахтеры. Много тех... Стихи. Авторизованный перевод с белорусского Ал. Шарапова. 1—9.

АИБЕК. Вечерняя звезда. Стихи. Перевел с узбекского С. Виленский. 5—18.

АКБАРИ Султан. **Родине.** Стихи. Перевел с узбекского В. Сикорский. 5—19.

АЛЕКСАНДРОВИЧ Андрей. **Стихи разных лет**—Месяц сел на тучку. (Перевел с белорусского А. Прокофьев). Однажды в тундре. (Перевела М. Комиссарова). И ты, и я... Летним утром (Перевел Г. Пагирев). 1—51.

АЛЕХНОВИЧ Владимир. **В музее.** Стихи. 11—6.

БАБАЕВ Мамарасул. **Одинаковы матери в мире...** Стихи. Перевел с узбекского Вл. Приходько. 5—21.

БАРАНОВ Евгений. **Граница.** Стихи. 2—71.

БАСУМАТРОВА Светлана. **Подсолнух.** Стихи. 8—12.

БЕЛЕВИЧ Антон. **Из книги «Соловьиная роща»**—Полдень мой высокий. Мне рубашку мама вышила. Не тверди мне: «Прощай»... Приметы осени. Стихи. Авторизованный перевод с белорусского Г. Пагирева. 8—30.

БОРОДУЛИН Рыгор. **Из книги «Аист на крыше»**—Челом тебе, Енисей. Как захлебнулся от радости жаворонок... Скрипачи. Сады. Аист. Труба. Двери. Славлю чистую скатерть... Гнали родимой землей полоненных... По лесу девки идут молодые... Коростель хрипит... Стихи. Авторизованный перевод с белорусского И. Шкляревского. 4—8.

БУРАВКИН Геннадий. **Из книги «Дыхание»**—Двадцатый век. Воспоминание о ночлеге. Сколько жить мне дано — не ведомо... Жаворонок над проспектом. Когда земля спокойно засыпает... Пустые пьедесталы. Стихи. Перевел с белорусского И. Бурсов. 7—8.

ВАРНО Владимир. **Земля и небо**—Прометей. Города. Слово о славе. Стихи. 1—28.

ВОЛКОДАЕВ Петр. **Новые стихи**—Баллада о ленинском декрете. Память сердца. Зеленые паруса. 11—13.

ГРАХОВСКИЙ Сергей. **Огонь певучий не погас**—Гончар. Земляничный сок. Обруч. На катке. Полесские реки. Стихи. Авторизованный перевод с белорусского Н. Сидоренко. 9—8.

ДАИНЕКО Леонид. **Хорошо, что есть земля такая**—Во мне живет упрямство птиц... Течет река... Экзамены. Там в небе золотые облака... Горячее дыхание земли... Пароход идет на Гурьев... Вода. Стихи. 6—14.

ДРАКОХРУСТ Александр. **Новые стихи**—Я падал камнем... Пусть не был ранен я... Сухой паек. Крестил комбат... Разговор—как поле минное... Дон-Кихот. «Любой ценой! Ты слышишь?..» 2—92.

ЗВЕРЕВА Надежда. **Не закрыть перед сказкою окон...** Россиянка. Человек улыбается встречным... Я вспомню... Нет на свете... Я знаю... Стихи. 3—111.

КИСЛИК Наум. **Новые стихи**—Военная баллада. Мне слава не заслуга... Восходящие ступени... 5—136.

КНЯЗЕВ Василий. **Секретарь райкома.** Стихи. 8—13.

КОПАНЕВ Николай. **Два стихотворения**—На границе. Дом в лесу. 10—21.

КОСТАРЕВ Юрий. **Родина.** Стихи. 2—71.

КУНЯЕВ Станислав. **Три стихотворения**—Метель. Я выходил на виадук... А спать любил я около окна... 4—82.

ЛАКЕРБАЯ Юрий. **Новые стихи**—Перед навигацией. Богомазы. Ветров лиловых крутоверть... 10—71.

ЛАСКОВ Иван. **Новые стихи**—Центрифуга. Рихман. Любань. 4—25.

ЛИСИЦЫН Владимир. **Репетиция.** Стихи. 8—14.

ЛОСЬ Евдокия. **Лирика**—Мы громко прославляем... На море туман. Династия. Я хотела так мало... Бабье лето. Кручина выльется слезами... Стихи. 3—93.

МАКАЛЬ Петрусь. **Исток**—Осенние краски. Молоко. Не нам опушка... Обувщики. Пчелиные соты. Железный Адам. Авторизованный перевод с белорусского Б. Спринчана. 11—39.

МАЛЬТИНСКИЙ Хаим. **Новые стихи**—Спросил бы я... У молоденьких елей... Стоит морозный столб... (Перевел с еврейского Ф. Ефимов). Я от стихов был в детстве сам не свой... (Перевел А. Дракохруст). Радею, как и все... Весна стучится... Пусть сыростью еще и хвоей дышит дом... (Перевел Н. Кислик). 8—59.

МАЛЫШКО Андрей. **Новые переводы**—Невеста. Нет зависти моей... Дай ты, Земля... Стихи. Перевел с украинского Александр Прокофьев. 9—33.

МЕЖЕЛАЙТИС Эдуардас. **Бородастые сатиры.** Копия. Стихи. Перевел с литовского С. Куняев. 11—24.

МЕЛЬНИКОВ Александр. **Страшнее всего...** Сосна. Стихи. 12—19.

МИРТЕМИР. **Облака.** Стихи. Перевел с узбекского Р. Моран. 5—20.

МОРОЗОВ Лев. **Если в сердце...** Стихи. 12—21.

МОСКАЛЕНКО Валерий. **Лето.** Стихи. 8—12.

МУХТАРОВ Аман. **Снег...** Стихи. Перевел с узбекского Н. Лукьянов. 5—21.

НИКОЛАЙЧЕНКО Александр. **Осенний этюд.** Стихи. 9—108.

НОВОКШЕНОВ Николай. **На берегу Щары.** Стихи. 1—107.

ПОЛЕШУК Игорь. **Нежность.** Стихи. 8—14.

ПРОКОФЬЕВ Александр. **За крутую работою...** Я умею пахать... Стихи. 5—67.

ПЫСИН Алексей. **Шесть стихотворений**—Иван-чай. На железном костре самолета... Отстал в походе... Высокие годы. Природа-скульптор... На дубах соловьи отсвистали... Авторизованный перевод с белорусского Н. Кислика. 2—11.

РАШКОВСКИЙ Леонид. **К солнцу.** Август красками радуется! Стихи. 12—20.

РУДИНСКИЙ Владимир. Это верно... Стихи. 12—21.

САКОВИЧ Юрий. Жаворонок. Зима. Лилии. Стихи. 12—22.

САПОЖКОВ Юрий. Руки. Художник. Стихи. 8—11.

СВИРКА Юрась. И стоит жить—Согнулся месяц... Послушай, Родина... Пригород. На север веткой тянется сосна... Лес!.. Стихи. Перевел с белорусского Г. Куренев. 12—8.

СИМАНОВИЧ Давид. Из лирической тетради—Опять на исходе апреля... Был телефон встревожен искренне... Стихи. 10—111.

СКОБЕЛЕВ Эдуард. Пять стихотворений—Кто-то первый прошел по земле... Цветок отцвел... Не смущайся... Пенсионеру. Годы, где вы? 6—44.

СОКОЛОВ Анатолий. Мать. Стихи. 9—11.

СПРИНЧАН Бронислав. Новые стихи—Белая вежа. На Полесье. Отраженный свет. Легенда о царь-дубе. 7—24.

ТАРАС Нина. Земля моя—За пражей. Идя на восток. Валентину Тавлаю. Земля моя, она живая... На Свитези. Стихи. Перевел с белорусского И. Бурсов. 5—68.

Тарас на Парнасе. Поэма. Перевел с белорусского Михаил Исаковский. Предисловие Евг. Мозолькова. 6—102.

ТЕТКА А. Мужичья доля. К свободе. Скрипка. С чужбины. Сиротка. Стихи. Перевел с белорусского А. Шарапов. 7—73.

УНУКОВИЧ ВИКТОР. В лаборатории—Законы неизвестного сложны... А если вдруг... Стихи. 9—26.

ХВЕДАРОВИЧ Микола. На стремнине—Плывут плоты. Королицевичи. Стихи. Перевел с белорусского И. Василевский. 10—35.

ЧЕКИН Валентин. Четыре стихотворения—Рождение музыки. Речка. Славлю гроз весенних красноречье... Скалы, скалы... 7—121.

ЧЕПУРОВ Анатолий. Четыре стихотворения—У Немана. В метель. После странствий. В золотой пыльце дорожка сада... 12—27.

ШКЛЯРЕВСКИЙ Игорь. Из книги «Фортуна»—Стоим напротив Кунашира... Мечтатели, бродяги, оглянитесь... Веселая баллада. А если бедствия и нужды... Стихи. 8—51.

ШУТЕНКО Гавриил. Песня о партизанах Белуше. Стихи. 1—98.

ШУТЕНКО Гавриил. На туристских тропах. Стихи. 9—41.

ЮРЬЕНЕН Сергей. Сентябрь на станции Вязинка. Стихи. 8—13.

РАССКАЗЫ, ПОВЕСТИ, РОМАНЫ

АДАМОВИЧ Александр. Виктория. Повесть. 3—14.

АДАМЧИК Вячеслав. Два рассказа—Сладкие яблоки. Урок арифметики. Перевел с белорусского Вл. Жиженко. 8—33.

АЛЕХНОВИЧ В. Красные маки. Рассказ. 2—88.

БРЫЛЬ Янка. Ты мой лучший друг—Кровь на стене. Четверо и страж. Из цикла рассказов. Перевел с белорусского А. Островский. 10—9.

БЫКОВ Василь. Два диалога—Солдатская судьба. По дороге домой. Рассказы. Перевел с белорусского И. Пантелеймов. 9—13.

ВАКУЛОВСКАЯ Лидия. В пургу. Рассказ. 8—53.

ВАСИЛЕВИЧ Алена. Та первая зима—Делянка. Рахмат. Третья палата. Рассказы. Авторизованный перевод с белорусского Ф. Ефимова. 6—19.

ВАСИЛЕНОК Евгений. Три рассказа—Последний вагон. (Перевел с белорусского П. Кобзаревский). Роман на современную тему. На рельсах (Перевела М. Зайцева). 3—95.

ГЕРАСИМОВ Николай. Тетка Аксинья. Рассказ. 8—15.

ГОРБУК Виссарион. Маленькие рассказы—Лицо в полоску. Таких цветов не бывает. За решеткой. Самосвал. Сама найди. 9—35.

ГУБЛЕР Наум. Весенний рейс. Рассказ. 12—23.

ЗАСЛОНОВА Муза. Интервью. Рассказ. 11—17.

КАШТАНОВ Арнольд. Чего ты хочешь, парень? Повесть. 1—53, 2—95.

КОЗЛОВСКАЯ Мария. Коридорная система. Рассказ. 11—43.

КОПТЕЛОВ Георгий. Звезды в руках. Рассказ. 11—7.

КОРОТКЕВИЧ Владимир. Христос приземлился в Городне. Роман. Авторизованный перевод с белорусского Н. Кислика. 11—49, 12—29.

КОРПАЧЕВ Эдуард. Мы идем по Африке. Повесть. 4—83.

КОРПАЧЕВ Эдуард. Дом для бездомных. Рассказ. 10—23.

КРУГОВЫХ Николай. Сорок шестая. Рассказ. 4—121.

КРУГОВЫХ Николай. Славянский марш. Рассказ. 12—11.

КУДИНОВ Владимир. Сыроежкино семя. Рассказы. 1—99.

КУРЫЛЕВА Светлана. Новые рассказы—Заброшенный хутор. В зимнем лесу. 4—16.

МАЛАШКОВ И. Корни. Рассказ. 2—84.

НЕХАЙ Рыгор. Сорочий лес. Повесть. Авторизованный перевод с белорусского Ю. Богушевича. 2—13.

НОВОЖИЛОВ О. Обед из трех блюд. Рассказ. 2—80.

НОВОСЕЛОВА Нина. Новые рассказы—Веточка мимозы. Презрение. 9—27.

ОСИПЕНКО Алесь. **Обжитый угол.** Повесть. Авторизованный перевод с белорусского М. Горбачева. 9—42, 10—73.
/ ПЕРУАНСКАЯ Валерия. **Четыре полосу.** Повесть. 5—73, 6—48, 7—27.

ПЕТРОВСКИЙ Иван. **Партизанские были**—Студент. Второй номер. Рядовой из двести восьмого. 10—112.

ПОПОВ Георгий. **Два рассказа**—Гребешки. Я еду на целину. 10—38.

САЧЕНКА Борис. **Пока не рассвело.** Повесть. Авторизованный перевод с белорусского А. Чесноковой. 4—28.

САФЬЯН Збигнев. **Ключ следствия.** Повесть. Перевели с польского П. Стефанович и В. Тарас. 6—111, 7—78, 8—62.

СТРЕЛЬЦОВ Михась. **Свет Иванович, бывший Дон-Жуан.** Рассказ. Перевел с белорусского Вл. Жиженко. 1—31.

ТАРАС Валентин. **Новые рассказы**—Ни минуты раскаяния. Невероятная смерть. Ночь для одиночества. 1—14.

ЦИПИС Н. **Не садись отдыхать!** Рассказ. 7—18.

ЧИГРИНОВ Иван. **Рассказы**—Чайки на волнах. Счастливое место. Первый бой. Шел на войну человек. Авторизованный перевод с белорусского Вл. Варно. 3—113.

ЧУМАЧЕНКО И. **Компас.** Рассказ. 2—72.

ШАКУЛОВ Георгий. **Лесной человек.** Рассказ. 11—26.

ШАМЯКИН Иван. **Ах, Михалина, Михалина...** Повесть. Авторизованный перевод с белорусского М. Горбачева. 5—22.

ЯЛУГИН Э. **Приезжий.** Рассказ. 7—12.

К 50-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

Белорусы—В. И. Ленину. 4—127.

БУЛАЦКИЙ Г. **Оружием слова.** 9—109.

КАЗАКОВ А. **Из истории Первого Конного.** 11—130.

МИСЬКО Павел. **Дорога к счастью.** 8—114.

Они сражались вместе с нами. 11—132.

К 25-ЛЕТИЮ СО ДНЯ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

КАЛИНИН П. З. **Плечом к плечу.** 6—3.

ТРИ СТЕПЕНИ СЛАВЫ

БЕЛЯЕВ Иван. **Парень из Дзержинска. Воздушный боец.** 2—154.

ОЧЕРКИ. СТРАНИЧКИ ИЗ БЛОКНОТА

БРАЙЛОВСКИЙ А. **Жить—не выжить.** 9—156.

БУДИНАС Евгений. **Нефть, гитара и мотопила.** 11—120.

КУДИНОВ Владимир. **Разделенная радость.** 6—140.

ПЕТРОШКЕВИЧ Алесь. **Лицом к солнцу.** 7—123.

ПУГАЧ Ким. **...и чтобы без ЧП!** 1—108.

СОБОЛЕНКО Роман. **Всегда в пути.** Авторизованный перевод с белорусского В. Лазаревской. 3—139.

ХЛИМАНОВ Виктор. **Там, где слышен шорох звезд.** 5—165.

ЧЕРНОВ Олег. **Февраль—месяц последний.** 2—135.

ШЕРМАН Карлос. **Минский набат.** 4—134.

ПУБЛИЦИСТИКА

БАРКАН Варлен. **Люди и призраки.** 5—139.

ПОЧАНИН С. **На службе у интервентов.** 4—142.

УСТИНОВ Б. **Перо жар-птицы.** 2—148.

ЦИПИС Н. **Стакан воды.** 10—137.

К 900-ЛЕТИЮ МИНСКА

ГРИЦКЕВИЧ А., ПОССЕ В. **Минск, средневековье.** 10—170.

ЗАПИСКИ, ВОСПОМИНАНИЯ, ДОКУМЕНТЫ

БАРС Гуго. **Мы стали коммунистами.** 12—103.

ГРУЗДЕВ Константин. **Пламя над Неманом.** 1—114.

ДРОБИНСКИЙ Яков. **Он хату покинул—пошел воевать.** 5—154, 6—168.

ДРОБИНСКИЙ Яков. **Еще о Николае Дворникове.** 8—156.

КУЛАКОВ К. **Театр далеких лет.** 4—162.

ЛЫСЕНКО И. Ф. **Приговорен к пожизненной каторге.** 8—135.

Народники в Белоруссии. 10—147.

РОМАНОВИЧ Евгений. **Силуэт над огнищем** (К 70-летию со дня рождения Михася Чарота). 11—161.

СЕРГЕЙЧИК Тимофей. **Перед выходом на сцену.** Перевел с белорусского Г. Колос. 7—140.

СЛЕСАРЕНКО Алексей. **Мой учитель.** Перевод с белорусского. 4—153.

ШПАДАРУК Иван. **Русские и белорусы в I Интернационале.** 3—164.

ШПАДАРУК Иван. Корвин-Круковские и Достоевский. 11—143.
Якуб Колас — Сергею Городецкому. Письма разных лет. 9—119.

ПО ДОРОГАМ ПЛАНЕТЫ

БРАГИН Рем. Знакомство с Нефертити. 1—141.
СУРСКИЙ Олег. Солнечный берег. 8—159.
ТОМОШУНАС Владимир. В стране кенгуру. 10—153.

В МИРЕ НАУКИ

БАЛАНДИН Рудольф. Человек. Техника. Разум. 8—166.
ЖИРОВ Н. Обреченная на гибель. 11—151.
ЗАЙЦЕВ Вячеслав. Голоса далеких тысячелетий. 12—138.
ЗИГЕЛЬ Феликс. В поисках внеземных цивилизаций. 12—135.

ИСКУССТВО

ГЕРАСИМОВИЧ Э. Всегда в поисках. 12—149.
КОЛОС Георгий. Это не умрет. 1—157.
КОЛОС Георгий. Ясность взгляда. 9—164.
МОДЕЛЬ М. Искусство сценической миниатюры. 2—163.
МОЛДАВСКИЙ Дмитрий. Романтик из Уварович. 6—178.
ЧЕРНЯВСКАЯ Тамара. Архитектурные памятники Могилева. 3—180.

КРИТИКА

БАЧИЛА Алесь. Ласточки в лучах. 3—11.
БУРАН Вас. Воюющий гуманизм. (О повестях Василя Быкова). 12—170.
ЖЕЛЕЗНЯК Григорий. Он совершил все, что мог (К 75-летию со дня рождения Максима Богдановича). Предисловие М. Смолкина. 12—160.
ЖУРАВЛЕВ В. От факта к сюжету. 7—167.
КАЗЕКА Янка. Поэт, драматург, ученый. (К 70-летию со дня рождения К. К. Крапивы). 3—7.
КАРДИН В. Глазами тех, кто был в бою. 2—169.
КУЛЕШОВ Федор. Грозные дни. 4—171.
МАЛЯВКО Николай. Когда была написана поэма «Тарас на Парнасе»? 6—107.
ПАШКЕВИЧ Н. За тридевять исторических земель. 10—177.

СМОЛКИН М. Молодость жива. 5—173.
СТОЛОВИЧ Л. О логике красоты (Н. Крюковский — Логика красоты). 1—164.

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

АЗГУР Заир. Боль и мужество (Аркадий Кулешов — Монолог). 7—175.
АЛЕКСАНДРОВИЧ С. Без чувства ответственности (Ф. Богушевич — Стихи). 1—170.
АНДРЕЕВА Н. Свое и чужое. (Артур Вольский — Куда плывут кораблики). 1—176.
БЕРЕЗКИН Г. Связь времен. (Анатолий Велюгин — Ветер с Волги). 5—177.
БЕРЕЗКИН Г. Сердце и горы (Тициан Табидзе — Стихотворения и поэмы). 8—178.
БУГАЕВ Д. Роман вернулся к читателю (Платон Головач — Сквозь годы). 2—184.
ГАПОВА В. Польша читает Танка (Максим Танк — На пути диких гусей). 5—179.
ДМИТРИЕВ В. Начало. (Содружество. Сборник стихов). 7—177.
ДОСИН М. Боевое братство (Иван Ветров — Братья по оружию). 4—182.
ЕВСТИГНЕЕВ Е. Высокая доброта (Алексей Пысин — Миллион адресов). 1—171.
ЕФИМОВ Ф. Повесть о себе (Янка Брыль — Горсть солнечных лучей). 1—173.
ЕФИМОВ Ф. О природе удивительного (Д. Симанович — Равноденствие). 11—177.
ЗЕМСКОВ Н. Семеро под одним небом (Кузьма Чорный — Левон Бушмар. Отечество. Люба Лукьянская. Млечный Путь). 11—174.
КИСЛИК Наум. И звезда с звездой говорит... (Аркадзь Куляшоў — Новыя пераклады з М. Ю. Лермантава). 9—172.
КЛЫШКО М. Откуда имена? (М. В. Брыла — Беларуская антрапанімія). 5—181.
КОНОН В., ШАХМАТОВ Б. Концепция и факты (Т. Н. Федорова — Общественно-политическая мысль в Белоруссии и «Минский листок» (1886—1902 гг.)). 11—179.
КУЗЬМИНСКИЙ М. Знакомство не разочаровало (Х. Мальтинский — Земляника на ладони). 1—175.
ЛЮКЕВИЧ В. Попытка обобщения (В. Бармичев — В единой семье братских культур). 2—186.
МАНАЕНКОВ А. Страницы революционного прошлого (А. Хохлов — Красная гвардия Белоруссии в борьбе за власть Советов). 2—182.
МИСКО Я. Строки близкие, дорогие (Сцягі і паходні. Творы паэтаў з былой Заходняй Беларусі). 6—182.

МУЗАФАРОВ Р. Родственные мотивы (Казкі і апавяданні Беларускага Палесся. Са зборнікаў А. К. Сержпутоўскага). 4—183.

НИСНЕВИЧ И. Изъяны полезной книги (Д. Журавлев—Композиторы Советской Белоруссии). 7—179.

ПОДОКШИН С. Трагедия мыслителя (Е. С. Прокошина—Мелетий Смотрицкий). 9—179.

ПРИХОДЬКО Владимир. Страсть разума (Леонид Мартынов—Первородство). 9—176.

САРУХАНОВ Р. Думать о будущем (Новые города Белоруссии). 8—183.

СЕРЖАНИН Н. Записки чекиста (Д. М. Смирнов—Записки чекиста). 4—184.

СУРСКИЙ О. В мире общих фраз (И. Галко—Мир труда—мир красоты. С. Волчков—Об эстетике производства). 6—184.

ЧИГРИНОВ Иван. Никто не забыт (Иван Новиков—Дороги скрестились в Минске). 9—170.

У НАС В БЕЛОРУССИИ

БЕЛЬКОВ В. Чудо-озеро. 1—178.

БЕЛЬКОВ В. Березинский заповедник. 3—190.

БЕЛЬКОВ В. Деревья-памятники. 9—186.

ВАРНО Вл. Талант и бетон. 8—187.

КОЗЛОВСКАЯ Н. Над Припятью. 7—182.

КОЗЛОВСКАЯ Н. Завишанское озеро. 10—187.

КУРАЛИКОВ И., СУШКЕВИЧ Э. В краю легенд. 9—183.

МЕДВЕДЕВ Б. Перемены в топонимике. 5—183.

САВИЦКИЙ В. «До самого пролива Лаперуза...». 8—186.

ХАРКЕВИЧ А. Поездка в Хвойник. 11—186.

ЦИПИС Н. Когда прилетают аисты. 1—179.

О ЧЕМ МЫ СПОРИМ

МОГИЛЬНЫЙ Н. Слово о красоте телесной. 9—188.

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА

ВЛАДИМИРОВ В. Творцы пушнины. 4—187.

ЗАЗЕКО И. Зубриная стежка. 7—190.

КУРСКОВ А. Живые радары. 1—185.

САМУСЕНКО Э. «Бриллиантовая черепашка». 2—188.

САМУСЕНКО Э. Гнездо черных аистов. 11—190.

НАЙДЕНО В АРХИВАХ

БРАВЕР Е., МИХАЙЛОВА Е. «Не я пою—народ...» 4—186.

ГРИЦКЕВИЧ В. Хождение вдоль Ядрана. 9—190.

ДИЧАРОВ Захар. Николай Руссель в Сан-Франциско. 12—183.

КЛЕЙН Б. Маршрут декабриста. 1—181.

КЛЕЙН Б. Слава побежденным. 5—185.

КЛЕЙН Б. Гусар Гродненского полка. 8—190.

МИХАЙЛОВА Е. Рукой Тургенева. 6—189.

ОХРИМЕНКО О. Арест Овидия Назона. 6—191.

«По мере сил и возможностей...» 10—189.

ПОРЕЦКАЯ Н. Первое белорусское «до». 7—187.

ШОРОХОВ Евгений. Тайна маленькой записки. 3—185.

САТИРА И ЮМОР

АНОШКИН Иван. Теща. Рассказ. 5—189.

БАЛАНДИН Р. Сказочки—Сила топора. Осторожно! Быль. Недолет. 1—190.

БУТКЕВИЧ Михаил. Домино. Стихи. 5—191.

ПРАВДИН Николай. Мамочка. Рассказ. 1—189.

СКРИПКА Михась. Смехом по огрехам—На трибуне и дома. Бюрократ на Новый год. Критикнул. Жертва моды. Несправедливость. Стихи. Перевел с белорусского Ян Немига. 5—190.

СПРИНЧАН Бронислав. Остановись! Стихи. 5—192.

Главный редактор А. Е. Макаенок.

Редакционная коллегия:

Н. И. Алексеев, Г. С. Березкин, Е. П. Василенок, Н. А. Горулев,

И. Д. Казеко, Г. И. Нехай, Г. Л. Попов (зам. гл. редактора),

В. Е. Тарас, Т. К. Хадкевич,

Ответственный секретарь В. И. Хлиманов.

НЫ.
ска.
85.
че-
ис-
Е.
оль
ь в
ста.
ым.
ка.
ва.
На-
...»
кое
нь-
аз.
то-
ет.
ти-
ас-
ре-
на
ы.
бе-
сь!

Гравюра художника Ю. Пучинского.

ЗИМА

П. Ю.

Цена 50 коп.

74968

ЧИТАЙТЕ

в следующем номере:

рассказы

Ивана Науменко,

роман

Ивана Мяло «Верность»,

стихи

М. Калачинского

и С. Гаврусева,

воспоминания

Г. Лысова о Николае Гастелло.